

УДК [37.015.323:159.922.767](07)
ББК 88.611.9я81+74.6я81
М54

М.В. Пичугина (Капилина), Т.Д. Панюшева

Методические рекомендации по реабилитационной работе с ребенком, оставшимся без попечения родителей, в системе семейного устройства. Статьи для специалистов и приемных родителей. – М. : АНО Центр «Про-мама», 2013. – _____ с.

На обложке использована фотография одной семьи, снятая при посещении Центра «Про-мама».

Заявки на книгу принимаются по адресу
info@pro-mama.ru с пометкой:
книга «Статьи для специалистов и приемных родителей».
Справки по телефону: +7 916 273 71 89
www.pro-mama.ru

© М.В. Пичугина (Капилина), 2013
© Т.Д. Панюшева, 2013
© АНО Центр «Про-мама», 2013
© Теревинф, оформление, 2013

Вступительное слово

Предлагаем вашему вниманию три книги, написанные по итогам 17-летней работы группы специалистов АНО Центра «Про-мама». Эта работа проводилась в рамках проекта «Наша семья» на базе детского дома № 19 в г. Москве (в период 1996–2009 гг.), а затем в АНО Центре «Про-мама» (2010–2013 гг.). В ней в разные периоды времени принимали участие специалисты по патронатному воспитанию из многих регионов России: Калининградская область, Томская область, Пермский край, республика Карелия, Новгородская область, Владимирская область, республика Башкортостан, Архангельская область, Красноярский край, Иркутская область, Краснодарский край, Псковская область, Тамбовская область, Нижегородская и Тверская области и многие другие.

Большая часть этих проектов, включая московский, в настоящее время закрыты в той форме, в которой они реализовывались в 1996–2009 гг. Однако документирование и изучение наработанных универсальных и эффективных моделей и технологий необходимы для подготовки специалистов, работающих в сфере профилактики социального сиротства и в современных, изменившихся, условиях. В настоящее время «хранителями» технологий являются их создатели – специалисты АНО Центра «Про-мама», а также те специалисты, которые активно пользовались ими на практике по всей России.

Некоторые из представленных здесь материалов частично публиковались нами ранее. Тем не менее, мы уверены, что нынешнее обобщение результатов практической работы различных российских центров по патронатному воспитанию, станет надежным подспорьем в работе специалистов, занимающихся профилактикой социального сиротства и семейным устройством детей, оставшихся без попечения родителей.

В первый цикл вошли три книги.

1. *М.В. Пичугина (Капилина), Т.Д. Панюшева. Методические рекомендации по реабилитационной работе с ребенком, оставшимся без попечения родителей, в системе семейного устройства. Статьи для специалистов и приемных родителей.*

2. *Е.В. Бухман, Н.А. Соколова, М.Ф. Терновская* (описание работы службы). *Е.В. Бухман, Т.В. Губина, Н.В. Избуцкая, А.В. Махнач, В.Э. Мнацаканян, И.П. Осина, Т.Д. Панюшева, Л.В. Петрановская, М.В. Пичугина (Капилина), Н.А. Соколова, М.Ф. Терновская, О.В. Шалковская.* Тренинговая программа. Также использованы результаты работы (в период 1996–2009 годов) специалистов службы по устройству детей на воспитание в семью ГОУ Детского дома № 19 *Е.Т. Дороховой, Н.М. Зобовой, М.Н. Кантовой, В.М. Мочалиной, Л.Ю. Пивовар, Н.П. Чулановой. Методические рекомендации для специалистов службы по подбору, подготовке и сопровождению замещающих семей. Тренинг подготовки замещающих семей.*

3. *Т.В. Губина. Принять ребенка из детского дома. Информация для принимающих родителей.*

Мы выражаем благодарность всем нашим коллегам в Москве и регионах России, а также за рубежом, патронатным воспитателям ГОУ детского дома № 19, выпускникам и детям, а также ООО «ФУДС» за финансовую помощь в адаптации и обобщении материалов.

Настоящее издание подготовлено к печати и издается в рамках Программы АНО Центра «Про-мама» «Содействие профессиональному оснащению сети социально-ориентированных некоммерческих организаций, предоставляющих услуги по медико-социальному и психолого-педагогическому сопровождению семей, которые воспитывают детей-сирот», получившей поддержку из федерального бюджета.

Мария Терновская, директор АНО Центр «Про-мама»

Профессиональное сопровождение семьи и ребенка является главной составляющей технологии патронатного воспитания и создает *специфические условия* для успешной адаптации и социализации ребенка, *отличающие* патронатное воспитание от прочих форм семейного устройства.

В случае передачи ребенка на иные формы устройства также необходимо простроить систему сопровождения такой семьи.

Здесь мы приводим основные составляющие работы по сопровождению семьи на примере патронатного воспитания. Применимость такого подхода в целом или его элементов для случаев передачи детей под опеку, попечительство, в приемную семью, на усыновление должна быть определена с учетом существующей в регионе нормативно-правовой базы. На наш взгляд, пункты о сопровождении семьи (и о том, какие именно элементы сопровождения будут рекомендованы ребенку и семье) после устройства могут быть внесены в акт о назначении опеки (попечительства), в договоры, заключаемые с приемными семьями.

Дети, потерявшие родные семьи, и их приемные родители – очень чувствительные клиенты. Проблемы, с которыми они обращаются к специалистам, причиняют им вполне реальную, а иногда нестерпимую, боль. *И для них правильная оценка ситуации специалистами, быстрота в оказании помощи и отношения с теми, кто помогает, – жизненно значимы!*

Поэтому *единое процессное ведение*, осуществляемое службами семейного устройства – наиболее «экологичный» способ решения проблем приемных детей и семей.

Применительно к работе службы, занимающейся профессиональным устройством детей в семью, схема стадий ее деятельности выглядит следующим образом.

- *Выявление* – ориентировка, постановка цели и планирование достижения результата.
 1. *Ориентировка* в ситуации – сбор информации о ребенке, соотнесение потребностей ребенка и возможностей по его устройству.
 2. *Постановка цели* – решение о направлении работы (возврат в кровную семью, устройство в замещающую семью, перевод в другое учреждение).
 3. *Планирование действий* – принятие стратегии помощи ребенку в рамках проекта.
- *Устройство* – реализация плана помощи конкретному ребенку.
 4. Реализация плана – реабилитация, коррекция, подготовка и устройство в семью (кровную или замещающую).
- *Сопровождение* – оценка ситуации и решение проблем.
 5. *Оценка результата* – мониторинг развития ребенка и оценка благополучия семейной ситуации в целом – регулярно на протяжении всего периода нахождения ребенка в семье, помощь выпускникам.
 6. *Корректировка действий* – консультативная и терапевтическая помощь семьям и детям, работа на сохранение ребенка в семье.

В случае, когда сохранить ребенка в данной семье, несмотря на усилия всех участников ситуации, оказывается невозможно (в 7–10% случаев), – ребенок возвращается в детский дом, и цикл начинается сначала.

Справка: за рубежом возврат детей составляет 20–25%, при этом в большинстве стран системы детских домов не существует – все дети живут в семьях и службы по устройству оказывают им услуги и по сопровождению.

Таким образом, целесообразно, чтобы работа по сопровождению ребенка и семьи после устройства осуществлялась той же службой, которая готовила ребенка к помещению в семью, занималась подготовкой и обследованием семьи, произвела подбор семьи и ребенка. В этом случае сохраняется преимущен-

ность, существует реальный контакт, и есть возможность разрешить кризисные ситуации и иные проблемы в кратчайший срок, не тратя времени на сбор информации и установление нового контакта.

Ребенок, как и любой человек, – целостное существо. В котором физическое, эмоциональное и духовное связано неразрывно. И двойная травма, которую переживают дети, – характер отношений в родной семье и сам факт разрыва с семьей – наносит урон всем сферам развития: здоровью, интеллекту, самосознанию и чувствам, отношениям с другими людьми.

Поэтому в состав *Службы сопровождения*, необходимый для полноценной успешной работы с ребенком, входят:

- детская социально-правовая служба (служба социальных педагогов);
- реабилитационная служба, состоящая из следующих специалистов:
 - а) детский психолог;
 - б) врач-педиатр;
 - в) педагог-дефектолог;
 - г) учитель-логопед;
 - д) старший воспитатель.

Работа Службы базируется на следующих *четырёх основных принципах* (действующих как внутри службы, так и на уровне проекта в целом).

- *Индивидуальный подход* к каждому ребенку в работе предполагает учет личностных особенностей и специфики жизненной ситуации детей в процессе оценки и принятия решений специалистами проекта.
- *Комплексный метод* означает учет и проработку всех проблемных сфер ребенка (восстановление его физического здоровья, нормализацию психического развития, эмоциональную реабилитацию, социализацию, образование и т.д.).

Это значит, что *все* специалисты службы хорошо осведомлены об особенностях и характерных нарушениях развития

детей, переживших насилие и утрату, и знают о взаимосвязях между эмоциональными проблемами, нарушениями физического здоровья, проблемами в интеллектуальной сфере и социальной дезадаптацией таких детей.

- *Командный подход* подразумевает согласованность действий и общее понимание проблемы всеми специалистами. В случае, когда действия специалистов не скоординированы, либо кто-то из специалистов (врач, или психолог и т.д.) не владеет информацией об особенностях детей, разлученных с семьей, эффективность процесса размещения ребенка в семье значительно снижается либо исчезает вовсе.
- *Процессное ведение* представляет собой профессиональную помощь ребенку специалистами службы на всех стадиях его перемещений: «выявление – устройство – сопровождение»:
 - *выявление ребенка*, нуждающегося в государственной защите, и *диагностику* его проблем, связанных с утратой семьи и плохим обращением в ней;
 - последующую *реабилитацию и подготовку* к новому размещению;
 - профессиональную помощь семье и ребенку на протяжении всего периода нового размещения (от момента устройства до выпуска) *с целью сохранения ребенка в семье*.

На что необходимо сразу обратить внимание? На неверное понимание целей работы в таком проекте или на противоречие личных целей специалиста целям проекта (люди устраиваются на работу по разным мотивам). Противоречие личных целей сотрудника целям организации приводит к конфликту и «сбоям» в работе команды.

Чрезмерно идеалистические цели («сделать детей и взрослых счастливыми», «новая семья – решение всех проблем ребенка», «с детьми работать все умеют, достаточно желания») в этой работе так же опасны, как и прагматически-эгоистические

(«заработать денег на пяти ставках», «карьерный рост в модной теме», «обязан отработать 3 года по специальности»).

Работа с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, требует хорошей профессиональной подготовки и сочетания гуманистических ценностей с реалистичным представлением о возможностях социальной помощи детям-сиротам.

Еще одна опасность – мотив «присмотреть ребенка». Само по себе желание взять на воспитание ребенка – прекрасно, но плохо, когда оно скрывается или заменяет собой мотив профессиональной помощи детям. Тогда в фокусе внимания будет именно проблема выбора ребенка «для себя», и когда ребенок будет найден, специалист уйдет. А для оставшихся ребят занятия со взрослыми превратятся в потенциальные «смотрины», что противоречит смыслу реабилитационного процесса.

Если у специалиста возникает желание взять на воспитание кого-либо из детей, ему необходимо обсудить это с администрацией и коллегами из Службы по устройству. Это позволит выработать оптимальную стратегию поведения всех участников ситуации и не поставит остальных сотрудников в затруднительное положение.

Руководителем социально-правовой службы является опытный социальный педагог. Руководителем реабилитационной службы обычно является педагог-психолог, педагог или специалист-психолог в должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе либо заместителя директора по научной работе.

В задачу руководителя входит:

- обеспечение разработки *индивидуального плана* реабилитации каждого воспитанника на основе диагностики и анализа потребностей ребенка;
- *координация* действий специалистов, входящих в состав реабилитационной службы;
- *планирование* работы службы в рамках работы данного учреждения;

- *взаимодействие* с другими службами Службы по устройству детей в семью.

Нельзя ставить успех дела в зависимость от личной способности людей договариваться и решать вопросы «мирным путем». Распределение полномочий и четкий функционал снижает вероятность недопонимания сотрудниками друг друга в рабочем процессе.

Порядок работы по сопровождению ребенка и семьи

В случае патронатного воспитания после подписания договора о патронатном воспитании начинается совместная работа с семьей и ребенком как с новой семейной системой, которую осуществляют все службы детского дома (а не какая-то одна выделенная служба).

Во-первых, к ребенку и семье прикрепляется курирующий социальный педагог, работающий в социально-правовой службе.

До сих пор при организации сопровождения замещающих семей предполагалось, что они будут сами по запросу обращаться за помощью в центры помощи семье и детям. В психологические центры и другие организации. Такая возможность у них, безусловно, должна иметься. Однако, если стремиться к созданию модели качественной и своевременной помощи, в том числе включающей своевременное выявление кризисных ситуаций и их разрешение, необходимо создать «организующее звено» в такой системе помощи. Такую роль как раз и выполняет детский социальный работник.

Детский социальный педагог (или социальный работник), курирующий ребенка, регулярно посещает семью в соответствии с установленным (в законе, в положении и т.п.) графиком посещений. Его роль – осуществление координации действий всех служб с этим ребенком, контроль, мониторинг развития ребен-

ка, проведение регулярных обследований его развития. Особо важная, если не главная, его функция – он поддерживает постоянный контакт с ребенком и родителями и поэтому способен выявить проблемы ребенка на ранней стадии и организовать помощь других специалистов.

Работа реабилитационной службы с ребенком, помещенным в замещающую семью

Ребенку и семье назначаются также конкретные специалисты из службы реабилитации (детский психолог, врач, логопед, дефектолог), за которыми закреплена персональная ответственность за «ведение» этого ребенка.

работа врача Как правило, к моменту помещения ребенка в патронатную семью бывает собрана как можно более полная медицинская информация о ребенке. Будущие патронатные воспитатели получают в доступной форме необходимую медицинскую информацию о здоровье ребенка (особенности развития ребенка, хронические заболевания, аллергические реакции и т.д., а также план медицинского наблюдения). В случае наличия хронической патологии, подробно и доступно объясняется клиника, течение и прогноз болезни, рекомендации по оказанию доврачебной помощи в экстренных случаях. Даются подробные советы по режиму дня и питания, использованию медикаментозных средств. Дети, помещенные в патронатную семью, обслуживаются в поликлиниках по месту жительства. Педиатр и невролог детского дома осуществляют динамический контроль состояния здоровья и уровня развития каждого ребенка. Дети проходят обследование специалистами детского дома не менее двух раз в год. В течение года врачи непрерывно получают информацию о перенесенных заболеваниях, проведенных прививках, плановых и экстренных госпитализациях, рекоменда-

циях специалистов по месту жительства, диспансеризациях. При необходимости углубленного обследования, в трудных случаях диагностики, дети консультируются ведущими специалистами медицинских научно-исследовательских центров. Врачи детского дома постоянно проводят амбулаторный прием детей, находящихся в патронатных семьях, нуждающихся в качественной медицинской помощи. В ряде случаев врачи осуществляют консультации на дому. Педиатр регулярно проводит индивидуальные профилактические беседы на актуальные медицинские темы с детьми и патронатными воспитателями. На основе многолетних наблюдений выявлены достоверные закономерности динамики хронической психоневрологической и соматической патологии у детей, проживающих в детском доме и патронатных семьях. Процессы восстановления детей с хронической психоневрологической патологией более успешно протекают в условиях семьи, заметно возрастает длительность ремиссии при хронических соматических заболеваниях, а также уменьшается частота острых респираторных заболеваний у детей, которые проживают в семье.

работа детской психологической службы по сопровождению семьи *Детский психолог* продолжает проведение плановой психотерапевтической работы с ребенком. Кроме того, в кризисных ситуациях, он оказывает экстренную помощь семье и ребенку, проводит профилактику подобных ситуаций. Детский психолог также разрешает конфликты между патронатным ребенком и собственными детьми воспитателя. Он регулярно проводит тренинговые группы для патронатных воспитателей и кандидатов, посвященные особенностям детского развития.

Взаимодействие с родителями ребенка предполагает контакты с кровными родственниками и патронатными воспитателями. Психолог оказывает помощь ребенку в поиске положительных моментов своего прошлого и в осмыслении и переработке отрицательного опыта своей семьи. Взаимодействие с патронатными воспитателями с момента помещения ребенка

в семью носит постоянный характер. С одной стороны, это – образовательная работа: семинары и группы встреч для воспитателей, цель которых – предоставление информации, возможность обмена опытом и взаимной поддержки. С другой – это терапевтическая практика, индивидуальная или семейная: обсуждение происходящего с ребенком и возникающих на каждом этапе адаптации трудностей, помощь в отделении проблем ребенка от проблем самих воспитателей и разрешение их совместно с психологической службой для взрослых. В особо сложных ситуациях проводятся совместные психотерапевтические сессии для взрослых и ребенка с целью разрешения конфликтов. При этом одновременно семейный психолог службы по устройству детей работает с родителями, а детский – с детьми.

Роль службы по устройству в семью в дальнейшем сопровождении семьи

Социальный работник службы по устройству в семью продолжает поддерживать контакты с патронатным воспитателем для оказания ему психологической поддержки. Задачи такого социального работника – поддержать позитивный настрой патронатного воспитателя, вовремя выявить проблемы членов семьи. *Семейный психолог* проводит консультации для патронатного воспитателя и членов его семьи, проводит тренинги и психологические группы, посвященные конкретным проблемам воспитания и развития ребенка. С действующими патронатными воспитателями также ведется индивидуальное психологическое консультирование.

Комплексное реабилитационное сопровождение как детей, так и замещающих семей является социально-педагогическим условием успешной адаптации ребенка в семье.

Роль консилиума. Два раза или раз в год по результатам обследования специалистами реабилитационной службы прово-

дятся консилиумы, на которых анализируется качество жизни ребенка и определяется тактика его дальнейшего наблюдения и виды необходимой помощи со стороны всех служб детского дома, даются советы патронатным воспитателям, определяется порядок посещения ребенком и родителями психологов и других специалистов.

Реабилитационная служба

Реабилитационно-воспитательная работа с ребенком – целостная система жизнедеятельности учреждения, направленная на реабилитацию негативных последствий физического, психического и социального развития ребенка, создание условий для позитивного становления его самосознания и отношений с миром во всех областях жизнедеятельности, на адаптацию и социализацию в условиях проживания в семье.

Исходя из данного определения, основными задачами являются:

- обеспечение физической, психологической и социальной безопасности ребенка;
- создание условий для успешной адаптации и реабилитации ребенка в детском доме и патронатной семье;
- поддержание и развитие всех форм и проявлений прогресса в развитии ребенка на всех этапах его движения через проект (от помещения в проект, а точнее, от момента выявления неблагополучия в кровной семье и начала работы по социальному патронату, через помещение в приемное отделение и другие стационарные группы, далее – в новую семью и до усыновления ребенка (либо возврата домой и снятия с учета в органе опеки).

Системообразующим фактором в работе учреждения является планирование реабилитационных мер и мониторинг развития ребенка, итоги которого обсуждаются на консилиуме детского дома.

Консилиум (совещание администрации, специалистов, социальных работников и воспитателей всех вышеперечисленных служб учреждения) является коллегиальным органом, в результате деятельности которого вырабатывается решение об успеш-

ности развития ребенка во всех областях жизни в детском доме или семье, выявляются проблемы и пути их решения. На консилиуме обсуждаются предложения о необходимости изменения Плана по организации повседневной жизни ребенка, вырабатываются меры необходимых коррекционно-реабилитационных действий.

Мониторинг развития ребенка в семье – это оценка его состояния здоровья, безопасности и развития в семье. Контроль осуществляется в виде регулярных посещений семьи (в течение 1 месяца каждую неделю, потом 1 раз в 3 месяца, потом каждые полгода). При каждом посещении заполняется отчет о посещении ребенка. Раз в год заполняются специальные возрастные формы, по результатам заполнения выявляются основные проблемы и потребности ребенка.

По результатам заполнения данных форм составляется общая оценка состояния и развития ребенка в семье и его адаптации, выявляет проблемы и потребности, которые обсуждаются на консилиуме специалистов раз в год. По решению консилиума составляется индивидуальный план дальнейшего развития ребенка в детском доме (патронатной семье), в котором указываются действия всех участников реабилитационного и воспитательного процесса.

часть 1 Организация работы

В этом разделе:

- Цель работы с ребенком в проекте.
- Зачем нужна реабилитационная служба: цели и задачи.
- Качество: Безопасность. Постоянство. Привязанность.
- Состав службы.
- Руководитель.
- Базовые принципы работы службы.
- Организация работы.
- Профессиональные риски.

Риски

- Неполный состав специалистов.
- Недостаточный профессиональный уровень специалистов.
- Отсутствие руководителя.
- Несоблюдение базовых принципов.
- Неверное понимание целей работы в таком проекте или противоречие личных целей специалиста целям проекта.
- Отсутствие адекватной материально-технической базы.

Цель работы с ребенком в проекте – помещение его в замещающую¹ семью на воспитание или возвращение его в семью кровных родителей.

Очевидно, что решающее значение имеет *качество* устройства. Важно не только поместить ребенка в семью, но и сделать так, чтобы ребенок «прижился»: обеспечить благополучие и стабильность семейной системы в дальнейшем.

¹ В дальнейшем, употребляя в тексте словосочетание «замещающая семья», мы будем подразумевать семью, принявшую ребенка/детей на воспитание на любую форму устройства (опека, усыновление, приемная семья, патронат).

В этом случае основными критериями успешного жизненного устройства ребенка-социального сироты становятся *безопасность, постоянство и привязанность*.

Безопасность предполагает физическую и психологическую защищенность ребенка и семьи, в которой он (она) живет.

Постоянство (стабильность) означает соответствие для всех участников процесса (ребенок, семья и службы устройства) реального срока пребывания ребенка в семье предполагаемым срокам: как в случае кратковременного, так и долговременного размещения.

Привязанность – это сохранение прежних и формирование новых эмоциональных связей ребенка со значимыми людьми.

Практический опыт показал следующее.

- Для ребенка расставание с кровной семьей начинается не в момент изъятия или помещения в детский дом, а со времени устройства в замещающую семью.
- Раньше или позже, но почти все приемные дети узнают, что они – приемные, и глубоко переживают этот факт.
- *Главное, от чего зависит успешное устройство, – взаимная привязанность ребенка и семьи, и ее возникновению мешают прежде всего психологические проблемы ребенка или приемных родителей.*
- Все замещающие семьи проживают первый год *адаптации*, проходя через период *иллюзий* и последующих *кризисов* к *равновесию* семейной системы – или расставанию.

Сопровождение – предоставление профессиональных консультаций и помощи психологов, врачей, педагогов, социальных работников при возникновении различных проблем в замещающей семье на протяжении всего времени нахождения там ребенка.

По статистике, нет ни одной замещающей семьи, принявшей ребенка на постоянное устройство (до совершеннолетия), которая хотя бы раз всерьез не захотела вернуть ребенка.

При наличии сопровождения (профессиональной помощи) 90% приемных детей остаются в семьях.

В отсутствие сопровождения (профессиональной помощи) 70% воспитанников детских домов в настоящее время составляют дети, побывавшие в замещающих семьях и возвращенные оттуда.

Возврат – окончательное возвращение ребенка в детский дом из замещающей семьи с расторжением договора об устройстве. При этом в государственной системе семейного устройства обычно отсутствует как работа по сопровождению замещающей семьи с приемным ребенком/детьми, направленная на преодоление сложных/кризисных ситуаций и имеющая целью сохранение ребенка в семье, так и последующий анализ ситуации, реабилитация ребенка и попытки повторного устройства.

Цель деятельности реабилитационной службы – обеспечение безопасности, постоянства и привязанности детей при различных формах семейного устройства путем профессиональной работы с ребенком на всех стадиях процесса «выявление – устройство – сопровождение». Ребенок, как и любое человеческое существо, целостен. В нем физическое, эмоциональное и духовное связаны неразрывно. И двойная травма, которую переживают дети – характер отношений в родной семье и сам факт разрыва с семьей – наносит урон всем сферам развития: здоровью, интеллекту, самосознанию и чувствам, отношениям с другими людьми. Поэтому в состав *Реабилитационной службы*, необходимый для полноценной успешной работы с ребенком, входят:

- детский психолог;
- врач-педиатр;
- педагог-дефектолог (и другие педагоги – см. работу педагогической службы далее);
- учитель-логопед;
- старший воспитатель.

риски Неполный состав специалистов

Отсутствие кого-либо из вышеперечисленных специалистов в составе Реабилитационной службы автоматически означает отсутствие профессиональной помощи ребенку в соответствующей проблемной области. Следовательно, либо остальные

специалисты будут пытаться решать задачу, выходящую за пределы их компетенции, что вряд ли будет эффективно, либо проблема останется нерешенной и ляжет дополнительным грузом на плечи замещающей семьи. В то же время, если при таком количестве специалистов каждый будет действовать по своему усмотрению, возникнет хаос, а о ребенке можно будет справедливо сказать словами известной поговорки: «У семи нянек...».

Для того чтобы этого не случилось, работа Службы базируется на следующих *четырёх основных принципах* (действующих как внутри службы, так и на уровне проекта в целом).

- *Индивидуальный подход* к каждому ребенку в работе предполагает учет личностных особенностей и специфики жизненной ситуации детей в процессе оценки и принятия решений специалистами проекта.
- *Комплексный метод* означает учет и проработку всех проблемных сфер ребенка (*восстановление его физического здоровья, нормализацию психического развития, эмоциональную реабилитацию, социализацию, образование и т.д.*).
- Это значит, что все специалисты службы хорошо осведомлены об особенностях и характерных нарушениях развития детей, переживших насилие и утрату, и знают о взаимосвязях между эмоциональными проблемами, нарушениями физического здоровья, проблемами в интеллектуальной сфере и социальной дезадаптацией таких детей.
- *Командный подход* подразумевает согласованность действий и общее понимание проблемы всеми специалистами.
- В случае, когда действия специалистов *не скоординированы*, либо кто-то из специалистов (врач или психолог и т.д.) *не владеет информацией* об особенностях детей, разлученных с семьей, *эффективность процесса размещения ребенка в семье значительно снижается либо исчезает вовсе.*
- Процессное ведение представляет собой профессиональную помощь ребенку специалистами службы на всех стадиях его перемещений: «выявление – устройство – сопровождение»:

- выявление ребенка, нуждающегося в государственной защите, и диагностики его проблем, связанных с утратой семьи и плохим обращением в ней;
- последующую реабилитацию и подготовку к новому размещению;
- профессиональную помощь семье и ребенку на протяжении всего периода нового размещения (от момента устройства до выпуска) с целью сохранения ребенка в семье.

риски Неверное понимание целей работы в таком проекте или противоречие личных целей специалиста целям проекта

Люди устраиваются на работу по разным мотивам. Противоречие между личными целями сотрудника и целями организации приводит к конфликту и «сбоям» в работе команды.

Чрезмерно идеалистические цели («сделать детей и взрослых счастливыми», «новая семья – решение всех проблем ребенка», «с детьми работать все умеют, достаточно желания») в этой работе так же опасны, как и прагматически-эгоистические («заработать денег на пяти ставках», «карьерный рост в модной теме», «обязан отработать 3 года по специальности»).

Работа с детьми, находящимися в трудной жизненной ситуации, требует хорошей профессиональной подготовки и сочетания гуманистических ценностей с реалистичным представлением о возможностях социальной помощи детям-сиротам.

риски Еще одна опасность – мотив «присмотреть ребенка»

Само по себе желание взять на воспитание ребенка – прекрасно, но плохо, когда оно скрывается или заменяет собой мотив профессиональной помощи детям. Тогда в фокусе внимания будет именно проблема выбора ребенка «для себя», и, когда ребенок будет найден, специалист уйдет. А для оставшихся ребят занятия со взрослыми превратятся в потенциальные «смотрины», что противоречит смыслу реабилитационного процесса.

Если у специалиста возникает желание взять на воспитание кого-либо из детей, ему необходимо обсудить это с админи-

страцией и коллегами из службы по устройству. Это позволит выработать оптимальную стратегию поведения всех участников ситуации и не поставит остальных сотрудников в затруднительное положение.

риски Несоблюдение базовых принципов – см. подробно *Часть 2. Практическая работа службы.*

Руководителем реабилитационной службы обычно является педагог-психолог, педагог или специалист-психолог в должности заместителя директора по учебно-воспитательной работе либо заместителя директора по научной работе.

В задачу руководителя входит:

- обеспечение разработки индивидуального плана реабилитации каждого воспитанника на основе диагностики и анализа потребностей ребенка;
- координация действий специалистов, входящих в состав реабилитационной службы;
- планирование работы службы в рамках работы данного учреждения;
- взаимодействие с другими службами проекта (служба «Кровная семья», служба «Устройство в семью», детская социальная служба, администрация).

риски Отсутствие руководителя

В любом подразделении, где количество сотрудников превышает единицу, вопросы координации, планирования и личной ответственности возникают достаточно быстро. В лучшем случае – без вреда для качества. Однако усталость, дефицит времени и эмоциональное напряжение с легкостью приводят к столкновению мнений, соперничеству и, как следствие, – к конфликтам и даже уходу сотрудников. Нельзя ставить успех дела в зависимость от личной способности людей договариваться и решать вопросы «мирным путем». Распределение полномочий и четкий функционал снижает вероятность недопонимания сотрудниками друг друга в рабочем процессе.

Организация работы службы

На *начальной стадии (запуск)* очень важно, чтобы специалисты уже обладали хорошими знаниями и опытом работы. На последующих стадиях деятельности проекта возможен приход молодых специалистов и студентов-старшекурсников, не имеющих трудового стажа, которые будут совершенствовать свои знания в ходе практической работы под руководством супервизора.

Требования к специалистам

- Базовое (высшее) специальное образование по государственному стандарту, 5–6 лет – для *врача, психолога и педагога* – либо второе высшее (переобучение), 2 года, включающее хорошие знания по возрастной психологии, психодиагностике детского возраста (в т.ч. нейропсихологические и проективные методы) и патопсихологии, – для *психолога и дефектолога*.
- Опыт практической работы с детьми не менее двух лет, подтверждаемый записями в трудовой книжке и характеристикой с предыдущего места работы.
- Знание основных психологических проблем детей, переживших утрату и насилие, а также особенностей адаптации детей в замещающей семье.
- Умение и желание работать в команде специалистов.
- К психологу: опыт групповых тренинговых занятий для взрослых в качестве участника и/или ведущего; представление о базовых психотерапевтических направлениях и способность работать в каких-либо из них с эмоциональными проблемами детей.

риски Недостаточный профессиональный уровень специалистов

Цена качества работы сотрудников в проектах такого рода – судьба ребенка и авторитет проекта.

Лучше потратить время на поиск хорошего специалиста, чем потом тратить время на повод для увольнения. Неопытных со-

трудников можно брать в том случае, если: 1) в проекте достаточный обучающий ресурс (время и опыт других сотрудников); 2) кандидат обладает очевидным потенциалом, и есть основания надеяться, что ресурсы не будут потрачены напрасно.

Количество специалистов

Практика показывает, что на стадии запуска проекта специалист, работающий в режиме индивидуального ведения ребенка, может эффективно работать *не более чем с 30 детьми*. На этапе стабильной работы количество детей, закрепленных за специалистом, может увеличиться до 50 человек. Таким образом, на стадии запуска, детская психологическая служба может включать в себя 1–2 специалистов. В режиме индивидуального ведения даже опытный психолог может обслуживать не более *50 детей* из списочного состава: дети, ожидающие размещения (подготовка и реабилитация: постоянная работа), + дети в замещающих семьях (работа по запросу, кризисные ситуации, мониторинг). Та же ситуация с педагогами, в задачу которых входит коррекционное обучение, помощь в приготовлении уроков и индивидуальные занятия с детьми. Несколько иная ситуация с медиками: ситуация со здоровьем не требует ежедневной работы с каждым ребенком. Когда детей в проекте становится более 100, требуется второй врач.

Режим работы

Рабочий день специалистов реабилитационной службы *ненормирован и имеет гибкий график*, поскольку определяется не только стандартными требованиями к работе в детском учреждении, но и спецификой проекта.

Зачастую специалисты сталкиваются с экстренными, кризисными ситуациями. Многие семьи имеют особые потребно-

сти (территория проживания, возраст приемных детей, форс-мажорные обстоятельства и пр.).

Планы и результаты текущей работы обсуждаются на внутренних собраниях службы.

Совместные *рабочие встречи* реабилитационной службы проводятся раз в неделю. На них обсуждаются вопросы помощи детям, проживающим в реабилитационных группах и ожидающим помещения в семье. Также *совещания со службой по устройству в семью* проводятся 1 раз в неделю. На встречах обсуждаются вопросы подбора семьи и ребенка, кризисные ситуации в семьях, в которых живут дети, и т.д. По результатам обсуждений планируется работа службы.

Подбор семьи для ребенка, кризисные случаи, необходимость изъятия или перемещения ребенка, мониторинг – все эти вопросы выносятся на рассмотрение *консилиума* учреждения.

Консилиум – еженедельное общее совещание всех сотрудников проекта во главе с директором, на нем принимаются окончательные решения, касающиеся помещения ребенка в семью, перемещения детей, расторжения договоров по устройству и пр.

Состав детей

возраст Дети, нуждающиеся в государственной защите, могут быть возрасте от новорожденности до 17 лет.

проблемы – весь спектр проблем, связанный с *родительской депривацией и утратой семьи*. Последствия жестокого обращения, диспропорции развития (в т.ч. умственная отсталость), нарушения физического здоровья (в т.ч. инвалидность и наследственные заболевания), эмоциональные нарушения (в т.ч. пограничные состояния психики) и т.д.

К счастью, крайне редко *все это вместе* встречается у одного ребенка.

статус Центры профессионального устройства детей в семьи могут работать с детьми любого статуса. Практически любой

ребенок может быть устроен в семью, от статуса зависит только *форма и срок* семейного устройства ребенка: социальный патронаж, краткосрочное или долгосрочное устройство в замещающую семью, возможность последующего усыновления и пр.

размещение *Стационарная группа* проекта состоит из 3 частей, располагающихся в отдельных помещениях.

- *Приемное отделение* – вновь поступившие дети (до 10 человек).
- *Группа подготовки в семью* – дети, для которых ищут варианты устройства (12 чел.).
- *Группа подготовки к самостоятельному проживанию* – подростки-выпускники, которых не удалось устроить в семьи (10% от числа всех детей в проекте).

Материально-техническая база

Необходимым условием успешной диагностической и консультационной работы специалистов является не только уровень квалификации, но и наличие отдельных *постоянных рабочих кабинетов*:

- врача;
- психологов;
- педагогов и дефектологов.

Также решающее значение имеет *методическое обеспечение и профессиональный инструментарий* (методики, игрушки, канцтовары и пр. для психологов, дефектологов и педагогов, медицинское оборудование и лекарства для врача).

Кроме того, в службе необходима *оргтехника* – как минимум один компьютер, телефон, сканер/ксерокс.

риски Отсутствие адекватной материально-технической базы

«Диагностика на коленях» и «консультирование в коридоре», равно как и одновременная работа нескольких специалистов с несколькими детьми в одном кабинете – гарантируют

низкое качество и плохие результаты работы. Те, кто сомневается, – пусть попробуют поставить себя на место клиентов в такой ситуации. Нормальные условия работы не только влияют на качество, они также создают фон уважения к специалистам и формируют самоуважение у них: «у нас есть свое место в этом проекте». Это создает ощущение значимости участия и повышает личную ответственность.

Профессиональные риски

Профессиональные риски – ошибки, неверные действия, вероятность совершения которых достаточно велика при недостатке опыта или профессионализма и ставит под угрозу успех деятельности. Так же они могут привести к распаду профессиональной структуры – как отдельной службы, так и всего проекта в целом.

Риски в работе – явление неизбежное. Они имеют объективный характер (т.е. наличествуют в любом проекте) и связаны как с *внешними* для проектов процессами («угрозы»), так и с динамикой *внутри* них.

К *внешним рискам* относят такие факторы, как:

- несовершенство законодательной базы;
- отсутствие адекватного финансирования;
- инертность общества (соответственно – чиновников, администраторов и самих специалистов);
- отсутствие единой концепции работы с приемными семьями на федеральном уровне и др.

К *внутренним рискам* относятся:

- объективно тяжелый характер работы (социально неблагополучные дети и семьи);
- эффект «выгорания» у специалистов;
- конфликты внутри коллектива (в данных условиях приводящие к распаду проектов);
- «текучка кадров» и др.

В данном пособии мы сосредоточились на «специфических» рисках, характерных для практической работы на каждом этапе.

Документация, необходимая для работы службы

- Положение о реабилитационной службе.
- Функциональные обязанности сотрудников.
- Планы работ отдельных сотрудников и службы в целом.

часть 2 Практическая работа службы

В этом разделе:

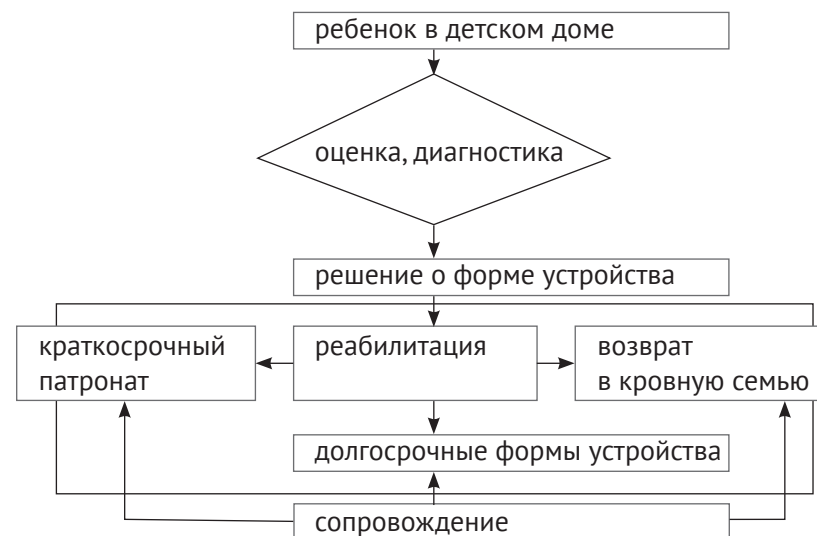
- Процессное ведение: почему это важно?
- Выявление – устройство (реабилитация + подготовка) – сопровождение.
- Задачи реабилитационной службы на каждой стадии.
- Технологии и специалисты: кто и что делает?
- Взаимодействие с другими службами.
- Профессиональные риски.

Процессное ведение: почему это важно?

Любая профессиональная деятельность, ориентированная на конечный результат, представляет собой непрерывный процесс, в котором можно выделить последовательность стадий (этапов). Деятельность как *процесс – понятие универсальное*, оно применимо при рассмотрении активности всех живых существ, не только человека. И *стадии* деятельности тоже универсальны, т.е. существуют в любом целенаправленном процессе. Они организованы в замкнутый *цикл*, который продолжается до полного *достижения цели* – либо до *отказа от нее*. Последовательность стадий обусловлена требованиями объективной реальности и сформировалась в ходе эволюции (см. А.Н. Леонтьев «Теория деятельности», И.Я. Гальперин «Стадии формирования деятельности», Ч. Дарвин «Теория Эволюции», К. Маркс и Ф.Энгельс и пр., в т.ч. любая литература по созданию системных программ).

Стадии деятельности:

- ориентировка в ситуации;
- постановка цели;
- планирование действий;
- реализация плана;
- оценка результата (соотнесение желаемого и достигнутого);
- корректировка действий;
- новый цикл.

Движение ребенка по процессу. сроки и формы устройства

Временные «разрывы» между стадиями, «выпадение» стадий либо некачественное исполнение любой из них делает невозможным достижение цели.

Единое процессное ведение обеспечивает как неразрывность процесса, так и наличие, соблюдение правильной последовательности и качественное исполнение всех необходимых стадий конкретного вида деятельности.

Только в случае единого ведения возможна оперативная оценка, корректировка и ответственность конкретных лиц за качество конечного результата.

Каждый менеджер знает, как много дополнительных ресурсов требует организация производства, в котором стадии реализуются исполнителями, не находящимися в непосредственном контакте. Скажем, детали для автомобилей производят в одном месте, сборка осуществляется в другом, а испытания готовой модели – в третьем. Но в этом случае выявление неполадок, переговоры, транспортировка, замена негодных деталей, конструкторские изменения и т.д. – вопрос технических затрат и времени.

Жизнь человека – вопрос иного порядка.

пример *В случае, если бы у вас возникла необходимость заботиться своим здоровьем – какая из нижеследующих ситуаций была бы наиболее комфортна и наименее рискованна лично для вас.*

1. Вас направляют на обследование в незнакомый диагностический центр, оттуда – в другое место, где принимает некий лечащий врач, а наблюдение по результатам лечения будет проводиться третьей медицинской организацией. Все решения принимаются по вашему запросу, но без вашего участия.
2. У вас есть свой врач-диагност, который может порекомендовать вам клинику для лечения. Также вам известно, куда вы можете обратиться за консультациями после лечения. Все три «точки» находятся в разных местах города, везде надо завести социально-медицинские карты. При этом нет гарантий, что при последующих обращениях вы будете иметь дело с теми же людьми, поскольку персонал меняется.
3. Есть известный вам лечебно-диагностический центр, куда вы обращались прежде, прошли полное обследование (заведена социально-медицинская карта) и имеете положительный опыт решения своих проблем. Диагностика, лечение и последующее наблюдение в этом центре осуществляются лично знакомыми вам специалистами, с которыми у вас хороший контакт.

Дети, потерявшие родные семьи, и их приемные родители – очень чувствительные клиенты. Проблемы, с которыми они обращаются к специалистам, причиняют им вполне реальную, а иногда нестерпимую боль. И для них правильная оценка ситуации специалистами, быстрота в оказании помощи и отношения с теми, кто помогает, – жизненно значимы!

Поэтому единое процессное ведение, осуществляемое Центрами семейного устройства – наиболее «экологичный» способ решения проблем приемных детей и семей.

Применительно к работе Реабилитационной службы схема «стадий деятельности» выглядит следующим образом.

- *Выявление – ориентировка, постановка цели и планирование достижения результата.*
 1. *Ориентировка* в ситуации – сбор информации о ребенке, соотнесение потребностей ребенка и возможностей проекта.
 2. *Постановка цели* – решение о направлении работы (возврат в кровную семью, устройство в замещающую семью, перевод в другое учреждение).
 3. *Планирование действий* – принятие стратегии помощи ребенку в рамках проекта, составление Индивидуального реабилитационного плана.
- *Устройство – реализация плана помощи конкретному ребенку, установление контакта с ребенком.*
 4. *Реализация плана* – реабилитация, коррекция, подготовка и устройство в семью (кровную или замещающую).
- *Сопровождение – оценка ситуации и решение проблем.*
 5. *Оценка результата* – мониторинг развития ребенка и оценка благополучия семейной ситуации в целом – регулярно на протяжении всего периода нахождения ребенка в семье.
 6. *Корректировка действий* – консультативная и терапевтическая помощь семьям и детям, работа на сохранение ребенка в семье, помощь выпускникам.

В случае, когда сохранить ребенка в данной семье, несмотря на усилия всех участников ситуации, оказывается невозможно (10% случаев) – *ребенок возвращается в проект, и цикл начинается сначала.*

За рубежом «возврат» детей из замещающих семей составляет 25%, при этом в большинстве стран системы детских домов не существует: все дети живут в семьях и службы устройства оказывают им услуги по сопровождению.

Процессное ведение «выявление – реабилитация и устройство – сопровождение». Задачи реабилитационной службы на каждой стадии

1. Выявление ребенка, нуждающегося в государственной защите. Первичная адаптация. Ориентировка, постановка цели и планирование.

Основные задачи специалистов реабилитационной службы на этом этапе – сбор информации о ребенке и помощь ему в первичной адаптации.

Сведения о социальной ситуации ребенка, его жизненной истории и актуальном состоянии – это база, на которой основаны усилия помогающих специалистов. Только проведя серьезную аналитическую работу, можно делать выводы о проблемах и потребностях конкретного ребенка и разрабатывать стратегию реабилитации.

Сбор информации осуществляется всеми специалистами реабилитационной службы (врач, психолог, педагог, логопед-дефектолог) при помощи профессиональной диагностики, а также ана-

лиза социальных данных о ребенке, имеющихся в личном деле, и поиска дополнительной необходимой информации в «социальной сети» (детский психолог и детский социальный работник).

Социальная сеть – все те организации и частные лица вне рамок проекта, которые заинтересованы или могут быть заинтересованы судьбой данного ребенка (в т.ч. по долгу службы), а также обладают или могут обладать информацией о ребенке. Работа с «социальной сетью» требует профессиональных навыков: представлений о том, куда в каких случаях следует обращаться за информацией или с просьбами, умения войти в контакт и вести беседу с представителями официальных структур и кровными родственниками, и пр.

Ребенок, попавший в новое место, особенно после разлуки с семьей, чувствует неуверенность и дискомфорт, скучает по людям, с которыми расстался, и не знает, что с ним будет дальше. При этом, в зависимости от индивидуальных особенностей, реакция детей на перемещение может проявляться как в виде подавленности и депрессии, так и в виде расторможенности, иногда переходящей в агрессивность. Понятно, что диагностические данные, полученные в стрессовый для ребенка период, не являются достоверными. Поэтому в *первую неделю* главное – *установление контакта* с ребенком, *сбор социальной информации* о его (ее) жизни и истории семьи, и проведение *медицинского обследования* (в случае, если оно не было проведено прежде).

Период первичной адаптации длится около 1 месяца. В это время особое значение имеет внимание воспитателей приемного отделения к нуждам и переживаниям ребенка, их терпение и поддержка. При этом *наблюдения* воспитателей, их выводы об особенностях характера ребенка, его привычках и типичных проблемных ситуациях заносятся в «Журнал наблюдений» и становятся важным источником информации о потребностях и актуальных проблемах детей для персонала проекта. Начиная со 2-й недели пребывания ребенка в проекте, специалисты проводят регулярную профессиональную диагностику – каждый в своей области.

Профессиональная диагностика включает (описание диагностических методик см. ниже):

- предварительную экспресс-диагностику (проводится до попадания ребенка в проект, «выездная» работа психолога и соцработника;
- подробное профессиональное обследование каждого ребенка в течение первого месяца пребывания в детском доме;
- плановое ежегодное комплексное обследование детей;
- внеплановое обследование по запросу семьи в случае объективной необходимости;
- сравнительный анализ динамики развития каждого ребенка (его социального, эмоционально-личностного, интеллектуального и физического развития),

и проводится каждым специалистом реабилитационной службы (психолог, врач, логопед-дефектолог, педагог) по своему графику в соответствии с *«Индивидуальным планом развития ребенка»*.

«Индивидуальный план развития ребенка» (ИПР) составляется совместно воспитателями и всеми представителями реабилитационной службы *на рабочих встречах* в течение 1-й недели пребывания ребенка в проекте и в дальнейшем в него могут вноситься изменения. *ИПР* составляется на основе выявленных *потребностей и проблем ребенка (как повседневных, так и глобальных – например, форма семейного устройства)* и фиксирует *меры*, предложенные специалистами для помощи конкретному ребенку. Также он может включать расписание жизни на каждый день недели, в котором указаны все необходимые ребенку виды активности, включая *диагностические, развивающие и коррекционные занятия со специалистами*. Динамика состояния детей, находящихся в стационарных группах, еженедельно обсуждается на рабочих встречах реабилитационной службы (воспитатели и специалисты) и на общем консилиуме. Результаты диагностики фиксируются в *«Заключениях специалистов»* и заносятся в *«Базу данных»* проекта.

База данных – сводная таблица сведений о детях, находящихся в проекте. Включает в себя как формальные сведения

– Ф.И.О., дата рождения, статус родителей, дата помещения в замещающую семью и пр., так и стандартизированные количественные показатели динамики развития детей (см. часть 3 «Критерии оценки развития детей»).

Разработанные для данного этапа технологии

технологии	исполнители
сбор информации, работа с социальной сетью	социальный работник и детский психолог
установление контакта с ребенком	воспитатели и «закрепленные» специалисты
профессиональная диагностика	специалисты реабилитационной службы

Взаимодействие между службами

Постановка задач, обмен информацией и результатами работы происходят на *консилиуме* проекта и в ходе оперативных *рабочих совещаний* служб проекта. *Функционал* сотрудников составлен таким образом, что каждый знает о том, какого рода информация или сотрудничество необходимо ему для выполнения своих обязанностей от работников других служб проекта. Когда ребенок уже устроен в семью, *координацию* между семьей и специалистами осуществляет *детский социальный работник*: со всеми запросами замещающие родители обращаются к нему, а он задействует необходимых специалистов. С запросом на помощь для детей, находящихся в стационарных группах, к специалистам обращаются старшие воспитатели групп.

пример *Вася М., 10 лет*. Попал в проект из семьи с родителями, лишенными прав за хронический алкоголизм и пренебрежение нуждами ребенка. Жестокого обращения в семье не было. Согласно диагностике, у ребенка сохранен интеллект и низкий уровень школьных знаний. У воспитателей возникли трудности в отношении с мальчиком в процессе приготовления уроков. Они обратились за помощью к педагогу и психологу. Педагогическое обследование по-

казало снижение учебной мотивации относительно первоначального уровня и новые пробелы в знаниях. Обследование психолога выявило эмоциональную дестабилизацию, повышение уровня невротизации и тревоги у мальчика, связанные с отсутствием информации о кровной семье. Ребенок беспокоился, живы ли родители, не понимал, почему они не приходят к нему. На собрании реабилитационной службы было принято решение о следующих мерах:

- запрос на контакт службы «Кровная семья» с родственниками ребенка;
- работа психолога с чувствами утраты и привязанности ребенка;
- легкие успокаивающие и укрепляющие средства – настойка пустырника, витамины;
- рекомендации воспитателям, как дозировать учебную нагрузку.

В ходе работы с психологом ребенку удалось выразить свои чувства и убедиться, что окружающие относятся к нему с пониманием и сочувствием. Поддерживающая терапия приостановила физиологическое наращивание аффекта. Изменения в режиме приготовления уроков и понимание воспитателями причин ситуативного снижения успеваемости сняло конфликтную ситуацию и напряжение в процессе обучения. Служба «Кровная семья» провела встречу с родственниками, и спустя несколько дней они навестили ребенка. Ситуация стабилизировалась, и успеваемость мальчика улучшилась. Очевидно, что если бы вместо принятого комплекса мер имело место механическое увеличение учебной нагрузки и, соответственно, усиление конфликта с воспитателями – результат был бы прямо противоположный.

Текущая работа, которая проводится *совместно несколькими сотрудниками разных служб*, регламентирована и закреплена в соответствующих документах.

комментарий Организация процесса знакомства ребенка с замещающей семьей закреплена документом «Порядок знакомства ребенка с замещающей семьей». В нем «пошагово» расписаны действия и их последовательность для всех вовлеченных специалистов: детского психолога, детского социального работника, воспитателя, соцработника службы по устройству и т.д.

Таким образом, на данном этапе происходит следующее.

для службы:

- складывается базовое представление о проблемах, потребностях и особенностях характера ребенка;
- возникает контакт и складываются личные отношения с ним (с ней);
- формируется реабилитационная стратегия для данного ребенка;

для ребенка:

- постепенное привыкание к новому месту пребывания;
- установление личного контакта с другими детьми, специалистами и воспитателями;
- появление первых положительных впечатлений;
- возможность иметь информацию о своей семье и поддерживать отношения со своими родственниками безопасным образом;
- надежда на жизнь в семье (кровной или замещающей).

психодиагностика Для грамотной реабилитационной работы очень важна корректная и точная диагностика. При этом нужно учитывать, что дети из неблагополучных семей обладают объективно низким уровнем знаний и недостаточно развитым понятийным аппаратом, что усложняет диагностику. Дети могут не понимать инструкцию или смысл заданий и показывать более низкие результаты, чем это соответствует их реальному потенциалу. Поэтому нужно использовать включенное и невключенное полевое наблюдение, невербальные и проективные методы исследования, а также методы нейропсихологической диагностики при исследовании интеллекта. Есть дети, которые не умеют рисовать или неохотно идут на контакт вследствие посттравматического стресса. В любом случае нужно учитывать актуальную ситуацию и эмоциональный контекст, в котором существует ребенок. Поэтому очень часто игра становится диагностическим инструментом, позволяющим определить и общую эрудированность ребенка, и сформированность понятийного аппарата, и его эмоциональное состояние. Кроме того, важны дневниковые записи воспитателей и/или близких, заботящихся о ребенке, и

других специалистов (врачей, педагогов, соцработников). Также нужно помнить, что диагностика должна быть не разовой, а пролонгированной с постоянным пополнением данных, поскольку актуальное состояние ребенка может меняться и это необходимо учитывать: например, ребенок в острой фазе горя может быть неспособен и немотивирован на решение интеллектуальных задач, однако с течением времени аффективная блокировка спадает, и ребенок показывает свои реальные способности. *Диагностика должна быть пролонгированной и комплексной.*

Набор диагностических методик зависит от парадигмы, в рамках которой работает психолог.

Психодиагностический инструментарий психологическая диагностика

1. Познавательная сфера (мы намеренно не выделяем методики по категориям – память, внимание, вербально-логическое мышление и пр., – поскольку большинство методик являются комплексными).
 - Беседа на общую эрудицию (словарный запас, владение общекультурными понятиями и т.д.).
 - Классификация, исключение понятий, обобщение, объяснение пословиц.
 - Корректурная проба, таблицы Шульте.
 - Составление рассказа по картинкам, пересказ.
 - Прогрессивные матрицы Равена.
 - Пиктограмма, 10 слов.
 - Когнитивные шкалы в опросниках Кетелла.
 - Методики из диагностического комплекта Семаго.
 - Комплекс методик на готовность к школе.
 - Игра и пр.
2. Эмоционально-личностные особенности, самооценка, идентичность, привязанность.
 - Рисуночные методики: «дом, дерево, человек», «несуществующее животное», рисунок семьи в разных вариациях, автопортрет, «кактус», «розовый куст».

- Социометрические методики: тест Рене Жиля, «необитаемый остров» и др.
- «Тест руки» Ханса.
- Тест Люшера, ЦТО
- Многофакторный опросник Кетелла.
- САТ, ТАТ, РАТ.
- Зарубежная авторская методика «человечки на дереве» (социометрия+ЦТО+семейно-ролевые отношения).
- Методики из диагностического комплекта Семаго.
- Дембо-Рубинштейн (с вариациями).
- Опросники на школьную тревожность.
- Тест «Незаконченные предложения».
- Тест Розенцвейга.
- Игра и пр.

нейропсихологическая диагностика

- Классические пробы нейропсихологической диагностики (праксис, гнозис и т.д.).
- Диагностика развития зрительно-вербальных функций (альбом), Ахутина Т.В., Пылаева Н.М.
- Нейропсихология детского возраста (альбом), Семенович А.В.
- Нейропсихологическая диагностика (альбом), Хомская Е.Д.
- Нейропсихологическая диагностика в дошкольном возрасте, Глозман Ж.М., Потанина А.Ю., Соболева А.Е.
- Кубики Кооса, куб Линка.

2. Реабилитация и устройство – реализация плана помощи ребенку в рамках проекта.

Основные задачи специалистов реабилитационной службы на этом этапе – помощь в социализации ребенка, коррекционно-развивающая и психотерапевтическая работа, подготовка ребенка к семейному устройству и оценка его/ее готовности к семейному устройству, участие в подборе семьи для ребенка.

Компенсация травматических последствий и нарушений в развитии – логическое продолжение диагностического этапа. Однако сама по себе терапия, без реальных жизненных изменений – или надежды на них, – не будет играть решающей роли. Важное «исцеляющее» значение имеет социальная среда: стационарная группа, в которой живет ребенок, и последующее семейное устройство.

Для многих детей нормальный режим жизни – регулярная горячая еда, сон в постели, гигиена, навыки самообслуживания – такая же новость, как и нормальные взаимоотношения с людьми. Правила и ограничения (как основа безопасности), с одной стороны, постоянство и привязанность – с другой, – все это вместе для ребенка становится альтернативным жизненным опытом, благодаря которому может развиваться его личностный потенциал и могут формироваться новые позитивные навыки и качества.

В то же время большинству детей для их эмоционального и социального восстановления недостаточно помещения в семью как такового. Ребенок не справляется самостоятельно с грузом прошлого опыта, с возникающими страхами и вопросами. Это продолжает разрушать его жизнь, лишая сил и не позволяя строить нормально новые отношения. Работа с травматическим опытом и помощь в решении актуальных проблем – задача специалистов.

Итак, важными условиями реабилитации становятся наличие двух факторов:

- целенаправленная помощь специалистов (терапия);
- семейное устройство.

Терапевтическая (реабилитационная) работа с детьми ведется по следующим направлениям.

• Утрата семьи.

Дети, разделенные с родителями, оказываются в ситуации чрезмерно ранней социальной эмансипации. *Разлука с семьей, по сути, является признанием того, что для данного ребенка быть любимым своими родителями – невозможно.*

И утрата семьи, даже если она была неблагополучной, – серьезная травма. Приносящая ребенку боль, обиду на родителей и на «жизнь вообще», чувство отверженности и гнев. Эти переживания не остаются только на уровне чувств – они сказываются и на физическом *здоровье* ребенка (неврозы и психосоматика), и на его *способностях учиться* (страдает способность сосредотачиваться, способность к запоминанию, сам мотив учения теряет ценность) и налаживать *отношения* с окружающими. Неумение специалистов различить истинные познавательные трудности от проблем обучения/социализации, вызванных эмоциональным состоянием ребенка, может приводить к постановке диагнозов, не соответствующих действительному потенциалу развития ребенка. Это очевидным образом доказывает необходимость комплексного подхода и командного метода работы специалистов.

пример Катя попала в проект «Наша семья» из школы-интерната с диагнозом «умственная отсталость легкой степени». При этом в процессе обследования специалистами (психологи, педагоги) не было выявлено никаких оснований для данного диагноза. У Кати имела место характерная для многих детей задержка психического развития, вызванная социально-педагогической запущенностью, депривацией и депрессией, являющимися следствием нахождения девочки в государственных учреждениях с момента рождения. При этом был выявлен хороший потенциал развития, который смог бы реализоваться при помещении Кати в семью, где бы ее принимали и поддерживали, создали бы предсказуемую стабильную обстановку.

После перехода Кати в замещающую семью ежегодно проводился мониторинг ее развития. Через год после помещения в семью проявления задержки развития существенно нивелировались, а через два года результаты обследования показали, что диагноз «задержка психического развития» также уже можно снять. Девочка успешно учится в массовой школе, социально адаптирована, эмоционально благополучна. Кроме динамики в сфере познавательного развития, отмечаются изменения на эмоционально-личностном уровне: Катя становится все более спокойной и уверенной в себе, открытой, у нее адекватная самооценка.

- Нарушенная привязанность.

Привязанность – это стремление к эмоциональной близости с другим человеком и старание эту близость сохранить. Потребность в привязанности – врожденная, но способность ребенка поддерживать отношения, сохраняющие привязанность, может искажаться или вовсе разрушиться из-за негативных реакций близкого окружения.

Плохое обращение в родной семье приводит к *нарушениям в формировании привязанности у детей и усвоению ими деструктивных моделей* обращения с близкими людьми. И то, и другое проявляется впоследствии в виде провоцирующего и разрушительного поведения в стационарной группе и в приемной семье. Причем в семье негативные проявления особенно сильны, поскольку именно семейная ситуация была источником травматических впечатлений и, соответственно, актуализирует их. Эмоциональная депривация в детстве тормозит *интеллектуальное развитие*, причем зависимость носит характер прямой пропорциональности. Кроме того, плохой уровень физической заботы о младенце и недостаточная эмоциональная стимуляция нарушают нормальный ход формирования *нервной системы*, что впоследствии приводит к аффективной неустойчивости и расторможенности у многих детей.

пример Рома попал в проект «Наша семья» из интерната для детей с отставанием в развитии (VII вид) в возрасте 10 лет. Из истории мальчика было известно, что в 6 лет у него умерла мама, отец с ними не жил. Тогда мальчик попал в детский дом. Через полгода мальчика взяли на усыновление в приемную семью. Однако спустя 6 месяцев нахождения там мальчик стал плохо вести себя, не учился (его отдали в 1-й класс). Родители стали применять физические наказания и вскоре вернули ребенка в детский дом. При поступлении в проект специалисты реабилитационной службы диагностировали у мальчика высокий уровень невротизации, аффективную неустойчивость, низкий уровень знаний и негативную (полное отрицание) учебную мотивацию на фоне сохранных интеллектуальных способностей, высокий уровень тревоги и агрессии и непроработанную «острую» фазу переживания утраты.

Кроме того, интересен комментарий самого ребенка относительно семейного устройства детей: «Семья – это место, где можно пожить полгода, а потом вернуться в детский дом. Потому что там друзья, и учиться не трудно. А вообще родители ведь умирают, когда у них дети, и ребенку лучше в детском доме расти, чтоб никто не умер».

Очевидно, что неудача первой попытки помещения мальчика в семью была связана с объективными проблемами: непроработанная травма потери, помещение мальчика в новую семью в период проживания «острого горя» (прошло только полгода), отсутствие профессиональной помощи семье и применение физических наказаний для эмоционально неустойчивого ребенка, двойной стресс и необходимость двойной социальной адаптации – в новой семье и в школе, где требовалось еще и интеллектуальную нагрузку выдерживать, на что ребенок в той ситуации способен не был. Однако для мальчика причиной разрушения отношений с семьей, как мы можем видеть, было вовсе не это – он считал, что просто «в семье больше полугода не живут».

С Ромой работали все специалисты реабилитационной службы, и за полгода нахождения в проекте психологи прорабатывали с ним чувство утраты и ложной ответственности за смерть своих родителей, негативное самовосприятие и страхи, травму повторного возврата и двойственное отношение к приемной семье (привязанность-обида). У мальчика была сохранна способность к привязанности, и он был эмоционально теплым и обаятельным ребенком. Это позволяло надеяться на возможность нового семейного устройства. Неврологические проблемы решались врачом-неврологом, который был в контакте со всеми остальными специалистами. Педагоги разработали индивидуальный учебный план с учетом истощаемости и неуравновешенности мальчика, целью их работы было восполнение образовательных пробелов и формирование более позитивного отношения у ребенка к учебному процессу. Когда была подобрана семья из числа прошедших подготовку и тренинг с учетом необходимых требований (для этого ребенка важно было присутствие отца, а родителям важно было иметь опыт воспитания собственных детей), будущих замещающих родителей проинформировали не только об особенностях ребенка, но и о вероятных трудностях при помещении

его в семью – провокация возврата через полгода (см. выше), негативное поведение и пр. Мальчик действительно сложно адаптировался в семье первые полгода, но сплоченность, эмоциональное тепло и устойчивость замещающей семьи, их понимание происходящего и поддержка специалистов помогли преодолеть трудности. В настоящее время мальчик живет в семье уже три года, любит родителей и братьев и любим ими, чувствует себя членом семьи, посещает обычную общеобразовательную школу и спортивную секцию (борьба), где у него отмечаются хорошие успехи.

- **Нарушения развития.**

Социально-педагогическая запущенность – ситуация, когда ребенок не имеет соответствующих возрасту социальных навыков и знаний об окружающем мире вследствие бедной развивающей среды и отсутствия обучения со стороны близких взрослых. Компенсируется позитивными изменениями в социальном окружении ребенка и систематическим обучением.

Задержка психического развития – комплексное отставание в различных сферах психики от возрастной нормы, носящее устойчивый характер и имеющее органическую основу. Для компенсации требуется специальное коррекционное обучение.

Умственная отсталость – ограничение в интеллектуальном развитии, прежде всего в области абстрактно-логического мышления, на основе серьезных нарушений в формировании головного мозга и нервной системы. Имеет разные степени тяжести.

пример Алина пришла в проект «Наша семья» в возрасте 8-ми лет из школы-интерната для умственно отсталых детей (VIII вид). У девочки стоял диагноз «легкая степень умственной отсталости». По результатам обследования специалисты проекта подтвердили наличие диагноза. В связи с этим при подборе замещающей семьи для ребенка одним из существенных моментов стало отношение будущей семьи к образованию: было важно, чтобы у семьи не было слишком высоких требований к образованию детей. Обучение детей с диагнозом «умственная отсталость» проводится по специально адаптированной программе (VIII-го вида). При этом указанные ограничения не мешают таким детям социально адаптироваться, полу-

чить какую-либо из простых профессий, создать семью. Эмоциональная сфера развития может быть ничуть не затронута, даже напротив – нередко эти дети очень теплые, открытые и эмоциональные.

Переход Алины в замещающую семью кардинально повлиял на ее состояние: ушло напряжение, улучшилось самопринятие, начала формироваться адекватная полоролевая идентичность по феминному типу (ранее была защитно-маскулинная), повысилась самооценка, сформировалась привязанность к семье – к концу первого года жизни в замещающей семье. В настоящее время Алина обучается по соответствующей ее потребностям программе, приемная мама всячески помогает ей усвоить школьную программу, не ставя перед ней завышенных требований. В замещающей семье Алина получает всестороннее развитие: заметив у нее задатки к спортивной деятельности, семья отдала ее в кружок спортивной гимнастики, где с детьми занимается тренер, готовящий их к выступлениям и соревнованиям. Девочка социализирована, адекватна, самостоятельна, имеет друзей и очень привязана к своей приемной семье.

риски **Нарушение базового принципа «Индивидуальный подход к каждому ребенку».**

Пример. Легкость в постановке диагноза «умственная отсталость» детям-социальным сиротам.

Комплекс причин, тормозящих развитие этих детей, огромен, а стимулов для «борьбы за существование» крайне мало. Так что при недостаточно тщательной диагностике и изначально негативном подходе (роль стереотипов) специалист может сделать ошибочный вывод о более тяжелой степени интеллектуального нарушения у ребенка, чем это есть на самом деле.

Последствия подобной ошибки – соответствующий диагнозу социальный статус и невозможность компенсации из-за отсутствия необходимых реабилитационных мер. Поэтому специалисты должны ставить подобного рода диагнозы только тогда, когда все иные варианты исчерпаны.

Отвергаемые дети неблагополучны эмоционально – и это гасит их интеллектуальную активность, вся внутренняя энергия

уходит на борьбу с тревогой и приспособление к поискам эмоционального тепла в условиях его жесткого дефицита. Кроме того, в первые годы жизни именно общение с близким взрослым – источник развития мышления и речи ребенка. Отсутствие адекватной развивающей среды, плохая забота о физическом здоровье и недостаточность общения со взрослыми приводит к отставанию в интеллектуальном развитии детей из неблагополучных семей. Причем дети не только не имеют знаний, соответствующих возрасту, им неоткуда получить социальные и учебные навыки, что автоматически тормозит их последующее развитие.

- **Последствия жестокого обращения.**

Наряду с семьями, опустившимися социально, но сохранившими привязанность к своим детям, специалистам приходится сталкиваться с ситуациями, когда причиной неблагополучия становится криминальная обстановка в доме и жестокое обращение родителей с детьми.

В настоящее время принято выделять 4 формы насилия.

1. *Пренебрежение нуждами* – когда игнорируются жизненные потребности ребенка (не кормят, не одевают, запирают в доме, не играют, не покупают игрушек, не разговаривают, не следят за чистотой и т.п.). При этом необходимо отметить, что от пренебрежения нуждами, по статистике, умирает больше детей, чем от прямой агрессии.
2. *Эмоциональное насилие* – оскорбление словами, обвинения, угрозы, издевательства и высмеивания, а также отсутствие эмоционального тепла, перекалывание на ребенка ответственности за то, в чем он не виноват. Например, кровные родители могут внушать ребенку, что его отдали в детский дом за то, что он не слушался; сюда же относятся угрозы самоубийства – с целью контроля над поведением ребенка или другого родителя; конфликты между замещающими и кровными родителями ребенка; вопросы типа «кого ты больше любишь, папу или маму?». Социальное отвержение детей из детских домов просто за то, что они – «детдомовские», также является формой эмоционального насилия.

3. *Физическое насилие* – это чаще всего побои, затрещины и различные телесные повреждения от родителей, других взрослых или детей. Также это могут быть не опасные для жизни, но унижительные действия – «опущения». В связи с этим дети могут рассматривать обязанности по дому в замещающей семье как что-то унижительное: «я вам не раб, я вам не шестерка».

4. *Сексуальное насилие* – любое сексуальное действие по отношению к ребенку: прикосновения к гениталиям, эротические поцелуи, требование от ребенка этих действий, половой акт. Сюда же относятся наблюдения за действиями сексуального характера, показывание детям порнографии и привлечение их к таким съемкам, привлечение к проституции и др.

Для детей последствиями насилия становятся травмы (эмоциональная всегда, но иногда еще и физическая), а также дурные навыки и негативные модели поведения. Душевные и телесные травмы необходимо врачевать (врачи и психологи), а дурные навыки – перевоспитывать. И то, и другое требует времени, по мере формирования новой привязанности поведение ребенка начинает меняться. Работа с последствиями сексуального насилия требует особых терапевтических подходов и проводится привлеченными специалистами (пример – центр ОЗОН, «Сестры» в Москве).

- **Нарушенная идентичность.**

Идентичность можно определить как знание того, какими чертами и особенностями обладает наша личность, это принятие себя, необходимое для того, чтобы успешно продвигаться по жизни с ощущением собственной целостности.

Сумма знаний о себе как результат анализа собственного жизненного опыта концентрируется в виде ответов на вопросы «кто я?», «какой я?». Но отношение к этому знанию, принятие себя, возникает благодаря соотнесению с системой социальных координат, нормами и ценностями той семьи и того общества, в котором живет человек. У ребенка чувство «Я» вырастает из чувства «МЫ», и для него вопрос «кто я?», по сути, значит «чей я?».

Ощущение принадлежности – это альтернатива одиночеству, источник жизненных сил: «Я – их, я нужен, меня любят – Я *есть*».

Принадлежность семье определяет самовосприятие и задает вектор жизненного пути: «откуда я?» – «к чему я иду?».

Разлука с семьей приводит не только к разрыву отношений привязанности, но и к перемене социального и психологического статуса. С утратой основных ориентиров (семья и ближайшее окружение) нарушается восприятие себя и собственной жизни – оно приобретает неустойчивый и фрагментарный характер, в результате чего создается ощущение неадекватности. «Я – плохой ребенок, поэтому меня оставили», «Я никому не нужен», «Меня нельзя любить» – работа с изменениями таких убеждений, к которым приходят дети, пытающиеся понять, почему родные плохо обращались с ними и в конце концов покинули, – важная задача для всех специалистов.

комментарий Большинство взрослых считает, что хуже всего относятся к себе дети, пострадавшие от жестокого обращения. Однако практика показывает, что наибольшие проблемы с самовосприятием имеют дети, не имевшие никакого опыта близких отношений со взрослыми, – дети, от которых отказались в роддоме. Нарушение самовосприятия особенно характерно для так называемых «отказных» детей. У них совершенно отсутствует опыт близких и доверительных отношений со значимым взрослым, через который ребенок обычно и получает представление о том, что он кому-то важен и нужен, заслуживает любви и т.д. Негативное восприятие себя может, с одной стороны, косвенно проявляться в поведении, отношении к учебе, отдельных высказываниях («я ничего не могу»), отказ от выполнения заданий при малейших подозрениях, что они могут не получиться, и т.д. С другой стороны, как крайняя форма его проявления может выступать отношение к собственному имени и фамилии. Порой дети говорят, что им не нравится их имя/фамилия, что они их просто ненавидят. Это выработанное в ходе лет жизни отношение к себе не так просто перебороть, этот процесс требует сил и времени.

пример Поступившая в возрасте 8-ми лет из школы-интерната девочка *Аня* открыто выказывала негативное отношение к своему имени и своей фамилии. Еще до ее помещения в семью с ней проводилась регулярная психологическая работа, в том числе и с проблемами самопринятия. Психолог исследовал вместе с ней значение ее имени, находил стихи, где фигурирует это имя, также применялись различные арт-терапевтические техники. В результате уже после перехода в замещающую семью, когда прошел период адаптации, можно было отметить прогресс в сфере самовосприятия, хотя до сих пор (по прошествии двух лет нахождения в семье) нельзя сказать, что эти трудности полностью преодолены. Преодоление столь длительного травматического жизненного опыта требует времени и внимательного отношения как замещающей семьи, так и сопровождающих семью специалистов. Однако совершенно определенно можно сказать, что работа специалистов без подтверждения принятием со стороны значимых взрослых (семьей) не привела бы к таким позитивным изменениям. В то же время, одного принятия семьей без профессиональной проработки психологических проблем ребенка не было бы достаточно для благополучной адаптации в семье.

- **Нарушения социального поведения.**

Дети, пережившие разрыв с семьей, традиционно считаются «трудными». Однако все вышеизложенное наглядно показывает, что трудны они в первую очередь для самих себя. И их актуальные поведенческие проблемы – отражение внутреннего душевного состояния. Отреагирование беспокойства и гнева, реализация выученных «дурных примеров», эмоциональные расстройства как следствие травм – для того чтобы справиться со всем этим, требуется профессиональное участие *врача и психолога*, и их контакт с привлеченными специалистами – *психоневрологом и психиатром*. Также необходимы четкие рекомендации воспитателям и реалистичный запрос в службу устройства в семью: каковы особые потребности ребенка и пожелания относительно компетенций потенциальной семьи.

пример Мальчик *Миша*, 8 лет. Мама лишена родительских прав за пренебрежение интересами ребенка (пила, не заботилась), од-

нако насилия в семье не было, и между матерью и ребенком была сильная эмоциональная привязанность. Мальчик категорически протестовал против возможности устройства в другую семью и всегда говорил о том, что хочет жить дома с мамой. У Миши были серьезные поведенческие проблемы, которые нарастали до тех пор, пока мама не начала регулярно навещать его в детском доме. Служба «Кровная семья» активно работала с мамой, мотивируя ее лечиться от алкоголизма и устроиться на работу. Однако время от времени у мамы возникали алкогольные срывы, и в этих случаях она пропускала назначенные встречи с Мишей. В такие дни поведение мальчика делалось неуправляемым: он срывал уроки в школе, устраивал истерики в детском доме, дрался с детьми и т.п. Прекратить свидания с матерью под предлогом того, что ребенок нервничает из-за нее, было бы непрофессионально и жестоко по отношению к ребенку. Единственный выход был добиваться от матери упорядоченного поведения и регулярных встреч с ребенком (этим занимались представители службы «Кровная семья»). С другой стороны, необходимо было работать с ребенком (детские психологи), помогая ему отреагировать и пережить травму «ребенок из алкогольной семьи»: ненадежные отношения с родителями, безответственные родители, фрустрированная привязанность и т.п. Добиваться того, чтобы его болезненные переживания не разрушали его жизнь еще больше. В результате постепенно мальчик приспособился к тому, что мама иногда пьет; осознал, что алкоголизм – это болезнь, и причина не в том, что он плохой и недостоин любви, а в том, что мама не справляется с собственной жизнью, и поэтому не в состоянии заботиться и о нем. В результате ребенок стал стараться отреагировать гнев социально приемлемыми способами, его поведение стало более стабильным, был сохранен значимый для ребенка контакт с матерью.

Все специалисты реабилитационной службы знают, как вышеперечисленные проблемы могут проявляться в «их» профессиональной области, и владеют не только средствами диагностики, но и способами коррекции, помощи ребенку по восстановлению всех сфер, затронутых травматической жизненной ситуацией.

риски Помещение в семью ребенка, не прошедшего реабилитацию

В этом случае все негативные последствия травм, перенесенных ребенком, обрушиваются не на команду подготовленных специалистов, а на замещающую семью. Не говоря о случаях «переноса» ребенком чувств и моделей поведения с биологической семьи на замещающую, когда замещающая семья «платит по чужим счетам».

Процесс реабилитации частично решает проблемы ребенка, подготавливает почву для дальнейшего сотрудничества – и этим снижает риск возврата.

Технологии работы и взаимодействие специалистов

детский психолог Психотерапевтическая работа с посттравматическими состояниями и переживаниями горя (утраты), работа с «Книгой жизни» (хронологическая и терапевтическая работа с жизненной историей ребенка), рекомендации о порядке контактов с кровной семьей на основе анализа социальной информации, полученной от *детских социальных работников и службы «Кровная семья»*, рекомендации воспитателям и педагогам. Работа, направленная на сохранение старых и формирование новых привязанностей. Анализ особенностей восприятия ребенком своей жизненной ситуации, его самоотношения. Помощь ребенку в формировании целостной идентичности и позитивного самовосприятия. Консультации с *привлеченными специалистами*: нейропсихолог – углубленная нейропсихологическая диагностика и возможность коррекции, специалист по реабилитации жертв жестокого обращения – углубленная диагностика и терапия.

врач Наблюдение, профилактика и медицинские назначения в случае выраженных невротических проявлений и аффективных вспышек, соматических и психосоматических проблем. Рекомендации воспитателям, информация для всех специалистов проекта о состоянии ребенка.

педагог и дефектолог Индивидуальные занятия с ребенком, выбор программы обучения (общеобразовательная/коррекционная/экстернат/индивидуальное обучение, класс в соответствии с биологическим возрастом или с уровнем знаний и пр.). Распределение учебной нагрузки с учетом психоэмоционального состояния ребенка, контакт со школьным педагогом и смягчение «отметочной политики» в соответствии с актуальными возможностями ребенка. Понимание роли мотивационного снижения в обучении в связи с утратой, в то же время – постепенное восстановление интеллектуального контроля в учебной деятельности и последующий перенос этой способности в эмоциональную сферу: «поддерживающий», терапевтический эффект обучения. *Информация* о динамике ребенка в познавательной сфере *для всех специалистов службы, запрос детским социальным работникам* на организацию дополнительной развивающей среды для данного ребенка (кружки, секции).

воспитатели Воспитатели – люди, которые проводят с ребенком больше времени, чем все остальные специалисты, вместе взятые. Они реализуют задачу по организации «исцеляющей» среды для ребенка. С одной стороны, это протравивание «границ в общении», помощь ребенку в усвоении правил поведения и в формировании навыков самообслуживания. С другой – эмоциональная поддержка и принятие, забота об удовлетворении физических и эмоциональных потребностей ребенка в повседневной жизни. Опыт показывает, что крайне сложно контролировать поведение ребенка, у которого не сформировалась привязанность к кому-нибудь из окружающих его людей. Ограничения и запреты действуют до известного предела, а самоконтроль основан на добровольном послушании, источник которого – доверие и позитивные отношения со взрослыми. *Воспитатели информируют специалистов проекта об актуальном состоянии ребенка, делают «адресные» запросы о помощи к разным специалистам и выполняют их рекомендации.*

Новый позитивный опыт в отношениях, социально значимые достижения в повседневной жизни с воспитателями, успехи в уче-

бе при помощи педагогов, протравивание новых отношений с родственниками в сотрудничестве с детским социальным работником и службой «Кровная семья», работа с внутренними переживаниями и переосмысление прошлого опыта в ходе занятий с психологом – все это необходимо для восстановления самоуважения ребенка и его доверия к другим людям.

Стратегии терапевтической работы с детьми

Работа направлена в первую очередь на восстановление личностной целостности ребенка, нарушенной в результате плохого обращения в родной семье и последующего разрыва с семьей. Восстановление позитивных представлений о себе и последовательного представления о своем жизненном пути.

Любой специалист знает: чтобы эффективно решить проблему – необходимо точно установить ее причину (источник), структуру (последовательность составляющих), затем – определить необходимые меры и имеющийся ресурс.

Степень травмированности детей зависит от:

- тяжести травмы;
- возраста ребенка;
- индивидуальных особенностей (в т.ч. устойчивости к стрессу);
- эмоционального и социального благополучия ребенка до травмы.

Таким образом, специалистам, занимающимся реабилитацией детей – социальных сирот, приходится иметь дело со следующими проблемами:

- переживание детьми горя и утраты, посттравматический стресс;
- последствия жестокого обращения и насилия;
- разрыв старых отношений привязанности и формирование новых;
- сохранение идентичности, формирование позитивного самовосприятия;
- формирование нового – социального и бытового – опыта;

- решение актуальных проблем («плохое поведение» ребенка – ежедневные конфликты, в основе которых лежит все вышеперечисленное).

Специалисты центра работают со всеми указанными проблемами в рамках своей профессиональной компетентности, по необходимости привлекая внешних специалистов (психиатров, психотерапевтов). Терапевтическая работа начинается еще до устройства ребенка в семью (первичная реабилитация и подготовка ребенка к переходу в семью) и продолжается после семейного размещения.

Помощь детям, растущим в условиях заместительной заботы, по восстановлению идентичности.

Сохранение постоянства и непрерывности

Настоящее: *разделение чувств и предоставление стабильности.*

- Объяснение ребенку необходимости перемещения приемлемым образом («правда не должна уничтожать»).
- Сообщение о том, что будет происходить в ближайшее время и что планируется в будущем.
- Работа с возникающими эмоциональными проблемами. Признание страха, тревоги ребенка, его печали о людях, оставленных позади, и неуверенности по поводу будущего.
- Предоставление конкретного места и наличие конкретного заботящегося лица в настоящий момент.
- Сохранение имени и фамилии, любимых вещей и допустимых привычек (еда, одежда, жизненный уклад).

Прошлое: *осмысление и принятие.*

- Обеспечение информацией о прошлом (каждый ребенок, в соответствии с обстоятельствами и возрастом, должен представлять, кто он, каково его происхождение, где и когда он родился, где прежде жил, кто его биологические родители и где они сейчас, информацию о других родственниках).
- «Книга жизни» – материальные свидетельства о прошлом: фотографии самого ребенка прежде и теперь, значимых людей и мест, записи и т.д. Акцент – на успехи, положи-

тельные события. Негативные события также обозначаются, но сдержанно.

- Контакты, насколько они уместны, с кровной семьей и прежними знакомыми.
- Выяснение того, как именно ребенок объясняет расставание с семьей. Проблема ответственности и контроля. Работа с чувствами вины и потери.
- Прояснение разницы между любовью к родителям и принятием их плохого обращения с собой как «правильного».
- Помочь ребенку понять связь между имеющимися проблемами в настоящем (замешательство/депрессия/агрессия) и прошлым травматическим опытом.
- Нахождение ресурсов и сильных сторон в прошлом и настоящем ребенка.

Установление хронологической последовательности событий жизни ребенка, постепенное заполнение «пробелов» путем воссоздания утраченного и выявления неизвестных фактов, осмысление и переоценка значимых ситуаций, поиск положительного ресурса в судьбе ребенка – основные задачи такой работы.

Будущее: *цели и перспективы.*

- Признание различия между биологическим и психологическим родительством без оценивания этого различия.
- Помощь в построении моделей будущей самореализации, включая возможность последующего воссоединения с кровной семьей.

Наиболее часто встречающиеся проблемы

у детей – социальных сирот:

- расторможенность (нет баланса возбуждение-торможение из-за отсутствия хорошего бондинга в детстве + неблагополучие ЦНС из-за плохого здоровья матерей и родительской депривации – отсюда неконтролируемость силы аффекта при возникающем неблагополучии, неадекватность эмоциональных проявлений);

- проблемы с концентрацией внимания (СДВГ, неустойчивость ЦНС, истощаемость – источник см. пред. пункт);
- нарушения памяти (причины – не только в диспропорциональном развитии и возможном органическом недоразвитии, в первую очередь – посттравматический стресс, внутренний хаос, отсутствие стабильности и постоянства в жизни таких детей);
- интеллектуальное отставание (в основном – социально-педагогическая запущенность, иногда – ЗПР на органической основе – однако реже, чем принято считать; чаще всего – как следствие эмоциональной депривации);
- агрессивное поведение (причины – гнев на родительскую депривацию, отреагирование травм утраты или жестокого обращения, протест против перемещения из семьи, негативные примеры поведения, импульсивность);
- отсутствие бытовых и социально-поведенческих навыков, свойственных возрасту;
- слабые навыки учения (причины – соцпедзапущенность, отсутствие родительского научения);
- сексуализированное поведение (причины – жестокое обращение и насилие, научение со стороны старших);
- нарушения чувствительности (нечувствительность к боли и холоду, недо- и переедание, неумение идентифицировать собственные нужды и адекватно их удовлетворять. Причины – отсутствие нормальной родительской заботы в раннем возрасте, пренебрежение нуждами ребенка.);
- низкая устойчивость к фрустрации (непереносимость даже незначительной неудачи, причины – отсутствие родительской любви, формирующей базовое доверие к миру и уверенность в себе, чувство «я хуже других», отверженность);
- моральная незрелость (задержки в развитии совести – моральное развитие зависит от привязанности ребенка к заботящимся взрослым и от их поведенческих примеров);
- проблемы с сочувствием (некритичность, эгоцентризм – нарушение баланса «давать–получать»: у этих детей такой

уровень «недокормленности» позитивным отношением и заботой, что они настроены только «брать» любовь. «Отдавать» тем же они не готовы – и к тому же не умеют. Гиперчувствительность: на сделанное спокойным тоном замечание могут последовать слезы или протест «не кричите на меня!», двойка в школе – «я тупой, у меня все плохо», побили мальчишки во дворе – «я их убью!». Некритичность в отношении к себе связана с уже существующей травмой, нечувствительность к чужим переживаниям и черствость – «мне так плохо, что до других дела нет» + модели «делай как я» – что видели в семье, то и демонстрируют.);

- проблемы в общении (замкнутость, излишняя самоуверенность, социальная неграмотность – недоверие ко взрослым, чувство «я не такой, как все (хуже)», дезориентированность и недостаточный опыт нормальных социальных отношений приводят к внутреннему напряжению и отсутствию полутонов в поведении: угрюмая пассивность – либо чрезмерная наступательная активность, легко переходящая в агрессию).

Что помогает

- Эмоциональная поддержка.
- Принятие и помощь со стороны взрослых.
- Новый жизненный опыт дает новые модели поведения.
- Навык интеллектуального анализа ситуации, своих целей и возможностей с последующим формированием навыка управления своим поведением (произвольности).
- Дополнительная терапевтическая работа с эмоциональными последствиями травмы.
- *Самый мощный исцеляющий фактор для ребенка – жизнь в семье.*

Без появления семьи, которая станет для ребенка «своей», без проработки приемлемых отношений с кровной семьей – ни терапии, ни работы специалистов по социализации ребенка не будет достаточно для серьезных позитивных изменений в его/ее жизни.

Методы и формы психокоррекционной работы с детьми

Методы коррекции эмоциональных и поведенческих проблем у детей зависят от подхода, в рамках которого работают специалисты. В то же время специалист должен быть знаком со всеми классическими подходами в современной психологии: аналитические подходы, гештальт, системный семейный подход, психодрама, теория Хеллингера, теория Боуэна и т.д. В работе с детьми – социальными сиротами следующие методы зарекомендовали себя как практически эффективные:

- игровая директивная и недирективная терапия;
- арт-терапия;
- сказкотерапия;
- песочная терапия;
- нарративная терапия;
- бихевиоральный подход;
- когнитивная терапия;
- юнгианский подход.

Формы работы с детьми могут быть как индивидуальные, так и групповые.

Группы формируются с учетом тяжести проблем детей, социометрии, возраста и пр.

Таким образом, на этапе реабилитации происходит следующее для службы:

- установление прочных отношений с ребенком, доверительный контакт на основе положительного опыта совместного решения проблем;
- углубление понимания природы проблем ребенка, важное для прогноза относительно семейного устройства и запроса к семье;

для ребенка:

- эмоциональная стабилизация, решение ряда психологических, социальных и образовательных проблем;
- позитивная динамика в познавательном и социальном развитии;

- прояснение жизненной истории, изменение отношения к некоторым фактам своей жизни;
- ощущение поддержки и надежды на будущее.

Устройство в семью

Все дети, попадающие в проект, знают о том, что им будут искать семью. При этом первое, что делают специалисты службы «Кровная семья» в сотрудничестве с органами опеки, – это оценка возможности возвращения ребенка в его/ее биологическую семью. В том случае, если у семьи есть ресурсы и намерение вернуть ребенка, заключается договор о «социальном патронате», и семья проходит курс социальной реабилитации (см. служба «Кровная семья»), а ребенок на этот период может быть устроен в замещающую семью.

Подготовка ребенка к возвращению в кровную семью

Обычная последовательность работы следующая.

1. Работа с протестным поведением ребенка в связи с помещением в детский дом и желанием вернуться в семью родителей.
2. Проблема «временного контроля» для воспитателей – консультирование.
3. Терапевтическая работа с ребенком в период перехода (возвращения) в кровную семью: проблемное поведение и смешанные чувства – желание вернуться домой и страх потерять стабильность, сформировавшиеся привязанности в детском доме или во временной замещающей семье.

В случае если возврат в биологическую семью невозможен, начинается поиск замещающей семьи для ребенка.

Подготовка ребенка

к помещению в патронатную (приемную) семью

Подготовка ребенка к устройству естественным образом начинается с его первого дня пребывания в проекте. Основная задача социальных служб – представить четкую информацию

о статусе ребенка и перспективах возможного возвращения в кровную семью. Если есть законные основания для возвращения – включается «технология оценки потенциала кровной семьи», в ходе которой служба «Кровная семья» работает с семьей, а детские психологи – с ребенком.

В случае, когда возвращение в кровную семью невозможно, начинается поэтапная работа по подготовке ребенка к помещению в приемную семью.

Реабилитационная работа, направленная на компенсацию последствий эмоциональных травм детей и преодоление социальной дезадаптации, одновременно является первым этапом в подготовке ребенка к помещению в приемную семью. Дети, изъятые из семей в сознательном возрасте, первое время ждут, что кровные родители заберут их. При этом, в зависимости от *индивидуальности и фазы* переживания утраты, дети проявляют свои чувства по-разному, что может ввести неопытных взрослых в заблуждение. Дети–«отказники», выросшие в учреждениях, ждут приемных родителей, полагая, что эти люди и есть их родные родители, которые их когда-то оставили, а теперь вернулись. Чувства ребенка в связи с утратой семьи, плохим обращением в родной семье, двойственное отношение к своим родителям (привязанность–гнев), чувство вины и отверженности, негативное самовосприятие и агрессия к окружающим, а также иллюзорные ожидания должны быть проработаны до появления приемной семьи, поскольку основным препятствием к адаптации ребенка в приемной семье являются как раз травматический опыт и его перенос в новую семейную ситуацию.

Критерии предварительной готовности ребенка к новому размещению¹

- Снижение эмоционального напряжения, смягчение негативных поведенческих проявлений – фаза «реоргани-

зации» в процессе переживания утраты – *эмоциональное восстановление*.

- Позитивная динамика в познавательном развитии, успехи в школе – *интеллектуальное восстановление*.
- Появление новых привязанностей и интереса к деятельности – *социальное восстановление*.
- *Субъективный интерес* к возможности устройства – желание и вопросы ребенка, высказываемые им в непосредственном общении.

Когда специалисты реабилитационной службы делают вывод о том, что какой-либо ребенок готов к устройству, это обсуждается на *консилиуме* проекта, и принимается решение о подборе замещающей семьи для данного ребенка. Также детский психолог составляет *запрос в службу по устройству*. Этот документ включает в себя как формальные сведения о ребенке (ФИО, дата рождения и поступления в проект, статус, сведения о наличии кровных родственников), так и краткое описание особенностей характера, потребностей и пожеланий к семье.

Второй этап подготовки к помещению в приемную семью – формирование у детей представлений о том, что такое приемная семья и жизнь в ней. Работа ведется в индивидуальном или групповом порядке, в формах, адекватных возрасту и индивидуальным особенностям детей.

Третий этап подготовки начинается с появлением конкретной семьи, выразившей желание взять определенного ребенка на воспитание. На этом этапе происходит *планирование* службами проекта процесса знакомства и помещения ребенка в новую семью. Затем – предварительная беседа с ребенком психолога, рассказ о семье, обсуждение пожеланий и сомнений ребенка. После согласия ребенка на знакомство организуется первая встреча ребенка с семьей, дальнейший процесс перемещения протекает в соответствии с планом, выработанным совместно службами «Устройства в семью» и «Реабилитации».

¹ Критерии разработаны специалистами детского дома №19.

Пример запроса на замещающую семью для ребенка*В службу по устройству ребенка в семью***Запрос на помещение ребенка в семью**

дата _____

ФИО _____

Дата рождения, раст _____

Социальный статус _____

Мать _____

Отец _____

Братья и сестры, где находятся _____

Отношение ребенка к кровной семье _____

Нужны ли встречи с кровными родственниками, частота

 да нет _____

Перспектива возврата в семью _____

Здоровье (существенные диагнозы) _____

Педагогическая ситуация (в каком классе учится, соответствие возрасту, ЗПР) _____

Особенности личности (актуальное эмоциональное состояние, устойчивые личностные особенности, основные потребности, сфера привязанности) _____

Есть ли обязательные требования к семье

 нет да (какие?) _____

Форма устройства в семью:

постоянное размещение _____

краткосрочное размещение: сроки определены _____

сроки не определены _____

Решение консилиума от _____

Социальный педагог _____

Психолог _____

Психолог службы «кровная семья» _____

«__» _____ 20__ г.

риски «Пересидевшие» дети – травма отрыва

Дети, живущие в проекте более полугода, привыкают к стабильной обстановке и заботящимся о них людям, у них возникает привязанность. Тем более что для некоторых это – первый опыт «нормальной жизни». В этом случае переход в семью будет осложнен чувством утраты.

комментарий Достаточно часто в первые дни после размещения дети требуют, чтобы их отвезли обратно в детский дом. Подобное желание может быть продиктовано смесью разных чувств. Это и боязнь полной зависимости от малознакомых людей, и стремление сохранить контроль над ситуацией («я решаю, где мне быть» – потребность в безопасности), и проверка отношений («действительно ли я вам так нужен, что вы сможете меня удержать»), наконец, ребенок просто может соскучиться по людям, которые заботились о нем. Обычно мы советуем родителям уточнить у ребенка, хочет ли он съездить в гости или «насовсем», потом предложить подумать до утра, а утром сказать ему, что «теперь твой дом – здесь, и мы хотим, чтоб ты жил

с нами, но удерживать тебя насильно не станем». Если ребенок маленький, достаточно просто сказать: «Ты теперь живешь с нами, и мы тебя никуда не отдадим, а в детский дом мы съездим в гости через несколько дней, чтобы навестить твоих друзей и показать им твои новые фотографии».

Очевидно, что отказы пойти в новую семью отражают страхи утраты стабильности и новой ситуации в большей степени, чем реальное нежелание ребенка. Однако во избежание ошибки оценку происходящего должны осуществлять специалисты, владеющие объективным инструментарием и знакомые с ребенком.

Сроки устройства в семью зависят от наличия семей, готовых принять детей. Поэтому процесс поиска и подготовки семей надо организовать с учетом того, что оптимальный срок «ожидания» для ребенка – до полугода. А для дошкольников он должен быть сокращен до минимума.

Планирование перемещения и первая встреча ребенка с семьей

Детский психолог реабилитационной службы, детский социальный работник и специалисты службы устройства совместно разрабатывают индивидуальный план знакомства с семьей для каждого ребенка. Он учитывает возрастные и индивидуальные особенности ребенка, включает в себя сроки, предполагаемую частоту встреч и предложения по видам активности в период знакомства. Конечно, семья и ребенок могут вносить коррективы в этот план, но

Существуют непреложные правила (см. ниже).

- Для *маленьких детей* (дошкольный возраст) процесс передачи в семью осуществляется в буквальном смысле «с рук на руки» и занимает непродолжительное время, в частности, исключается «гостевой» период – точнее, не ребенок ходит в гости в семью, а семья приезжает к ребенку с визитами.

пример Мальчик Саша попал в проект «Наша семья» в возрасте 2,5 лет. Замещающая семья для ребенка была найдена летом, когда ребенок находился на отдыхе в одном из подмосковных санаториев. Семья в сопровождении психолога ребенка ездил туда к нему для знакомства и в гости, пока шло оформление документов. После этого было решено, что передача ребенка в семью состоится без гостевого периода, так как для маленького ребенка временный возврат из гостей в детский дом будет травматичен. На тот момент Саша выделял будущих родителей среди других взрослых, стремился к общению с ними, понимал, что эти люди приезжают именно к нему. Несмотря на то что ребенок привязался к этой семье, когда подошло время отъезда, он стал очень тревожиться (страх утраты стабильности), и успокоило его только предложение психолога проводить его в новый дом. Действительно, переезд в сопровождении достаточно знакомого человека (психолога) помог Саше гораздо спокойнее отнестись к происходящим переменам.

- Чем *старше ребенок и чем сильнее он (она) пострадал в жизни*, тем больше времени требуется на знакомство и привыкание к новой семье.

пример Брат и сестра – *Степа, 5 лет и Даша, 9 лет* – поступили в проект «Наша семья» из школы-интерната. Поначалу для них не искали замещающую семью, так как кровная бабушка собиралась оформлять опекунство. Когда со временем выяснилось, что это опекунство не состоится, для детей стали подбирать замещающих родителей. Важно отметить, что Даша, в отличие от Степы, многое помнила о жизни в кровной семье. Про кровных родителей она вспоминала в основном негативные моменты, положительные воспоминания были связаны только с бабушкой. Как часто бывает в таких ситуациях, девочке, несмотря на свой маленький возраст, пришлось в тот период взять на себя заботу о младшем брате.

У обоих детей не было ожиданий, что они вернуться к кровным родителям, так как те давно не проявляли к ним интереса и 3 года не навещали. Поначалу Степа с Дашей надеялись, что их заберет к себе бабушка. Когда это оказалось невозможным, психолог, работавший с детьми, обсуждал это с ними, объясняя, чем это вызвано. Су-

щественно было, чтобы дети поняли объективные причины такого поворота событий и не винили себя. Также важно было сохранить положительное отношение к бабушке как к значимому взрослому из кровной семьи. К тому моменту, когда найдена была замещающая семья, оба ребенка были готовы к устройству, ждали этого. Однако были и существенные отличия в настрое обоих детей, обусловленные возрастом и индивидуальными особенностями: Степа не вспоминал ни разу про кровных родителей, очень ждал новую семью. С Дашей все обстояло по-другому. С одной стороны, ожидание новой семьи и желание пойти туда было сформировано, но присутствовали также воспоминания о прошлом, страхи. Например, вопросы, связанные с идентичностью: для Даши было важно (и она говорила об этом прямо в свои 9 лет!), сможет ли она в новой семье сохранить свою фамилию и свое отчество. Это связано с чувством своих корней, принадлежности к кровной семье – связь, которую ребенку важно сохранить. В то же время это был и вызов приемной семье – смогут ли они принять ее вместе с ее историей, ее прошлым, уважительно к этому отнестись. Также Даша сама по себе была непростым ребенком: ей было свойственно серьезное отношение ко многим вопросам, вдумчивость, тревожность. Она была интровертна, многое переживала внутри себя, но не показывала этого, ей было трудно, почти невозможно говорить о своих чувствах, особенно негативных. В отношениях с новыми взрослыми людьми она была крайне осторожна, не сразу начинала доверять.

Исходя из всего вышеописанного, было принято решение, что оптимальным для детей будет период знакомства примерно в полтора месяца (для дошкольника-Степы хватило бы меньшего времени, однако нужно было соблюсти баланс между его интересами и потребностями «предподростковой» Даши). В этом случае у Даши было время постепенно узнавать будущих приемных родителей, становиться более открытой в общении с ними, успевать обдумать новые впечатления. Также и взрослые получили более полное представление об особенностях каждого из детей. По форме это были и приходы будущих родителей в гости в детский дом, и выезды с детьми на разные представления и прогулки. К знакомству детей

готовил психолог, который также присутствовал на первой и последующих встречах в стенах детского дома, помогая наладить взаимодействие детей с родителями. Уже непосредственно перед переездом из детского дома в семью по просьбе психолога родители принесли фотографии своей квартиры, чтобы дети имели представление о том, где они будут жить. Особенно важно это было для Даши, чтобы снизить тревогу в отношении происходящих перемен. В результате переход детей в семью состоялся достаточно плавно и минимально травматично, так как были учтены индивидуальные особенности и потребности каждого из детей.

- Необходимо *соблюдать запланированную для каждого ребенка процедуру знакомства*, она *позволяет проявиться* тем сложностям, которые в дальнейшем могут помешать ребенку прижиться в семье.

пример Девочка Аня была возвращена из приемной семьи в возрасте 12 лет в силу объективных сложностей подросткового периода и внутрисемейной ситуации. При этом у девочки сохранился контакт с бывшей замещающей семьей и привязанность к ней, она по-прежнему считала их своими родителями. Спустя 2 года специалисты службы устройства, несмотря на серьезные сомнения, решили предпринять попытку еще одного устройства девочки в семью, поскольку была очевидна необходимость социально-семейной адаптации девочки в старшем подростковом возрасте и в постинтернатном периоде. Однако семья, которая знакомилась с девочкой, отказалась на стадии знакомства. И тогда другой кандидат принял спонтанное решение взять девочку к себе. Аня один раз побывала в гостях и до этого несколько раз общалась с этой потенциальной замещающей мамой. Во время гостевого посещения кандидат в замещающие родители спросила, когда бы та хотела переехать, и девочка сказала «сейчас!». Потенциальный кандидат сразу же написала заявление, что просит поместить ребенка в ее семью. Учитывая, что желание немедленного помещения выражал и взрослый, и ребенок, специалисты службы семейного устройства пошли на нарушение процедуры знакомства, которое должно было быть более продолжительным. «Формальностями» было решено пренебречь в пользу «жизненного

процесса» – «все уже ясно, чего тянуть резину». Однако очень скоро в процессе совместной жизни выяснилось, что девочка – уже сложившаяся личность со своими привычками, которые она отстаивала в быту, с довольно тяжелым, норовистым и агрессивным характером. Младшая приемная дочь, взятая в семью раньше, боялась Аню, а Аня, в свою очередь, ревновала и злилась, видя близость и доверие, которые связывают ее новую приемную маму с младшим ребенком: это напоминало ей ее отношения с ее собственной бывшей приемной мамой, к которой она по-прежнему была привязана. Напряжение в отношениях нарастало, девочка стала вымещать свою агрессию на домашних животных (кошки, собака). Спустя полгода мама стала выражать намерение вернуть девочку – так же уверенно, как прежде требовала поместить к ней ребенка. Однако девочка, в разговорах со специалистами, выражала желание остаться в семье, говорила, что здесь ей лучше, чем в детском доме, что трудности есть, но все наладится, что она готова для этого стараться. Учитывая разницу во мнениях, а также то, что в течение первого года адаптации все замещающие семьи переживают трудности в отношениях, специалисты пытались работать на сохранение ребенка в семье. Однако в какой-то момент приемная мама уехала с младшим ребенком, оставив Аню дома, девочка пошла гулять с собакой и так сильно ударила ее, что собака умерла. В результате девочка была возвращена в детский дом, прошла обследование в психиатрической больнице по факту жестокого обращения с животными. Серьезная травма от происшедшего осталась у обеих сторон: у замещающей семьи и у самой Ани. Возможно, всего этого удалось бы избежать, если была бы соблюдена стандартная процедура знакомства, которая позволила бы проявиться несовместимости характеров до помещения в семью.

- *Отказ на стадии знакомства* – болезненное событие, но оно предпочтительнее, чем возврат из семьи. В данном случае важна завершенность отношений. Важно, чтобы кандидаты в приемные родители объяснили ребенку, что они не смогут взять его в семью не потому, что он плохой или не понравился, а в силу объективных причин. Про-

говорить, что будут другие люди, которые возьмут его в семью, а они могут его иногда навещать или созваниваться (по конкретной ситуации; подразумеваются редкие контакты, плавно сходящие на нет). Существенно, чтобы ребенок не считал себя виноватым и не ждал, что эта семья вернется, – это может помешать ему знакомству с новой семьей: во-первых, ребенок будет ждать тех, кто ушел не попрощавшись, во-вторых, долгие бесплодные ожидания могут наложиться на аналогичные чувства в отношении кровной семьи, и в результате ребенок может испытать сильную обиду и злость на взрослых, которые обманывают ожидания. Следующие кандидаты в приемную семью будут тогда встречены шквалом этого негатива.

пример Маша попала в проект «Наша семья» в возрасте 8-ми лет из школы-интерната. Пока она находилась в детском доме, еще до перехода в замещающую семью, с ней была начата работа над историей ее жизни («Книга жизни»). В процессе этой работы возникли дополнительные трудности, обусловленные неадекватной работой с ребенком в предшествующих учреждениях. Так, когда речь зашла о составе ее кровной семьи, информация о чем была взята из документов, находящихся в личном деле, Маша стала говорить, что таких-то и таких-то она видела, а еще братик у нее есть, ведь они приходили к ней в гости, когда она была в другом детском доме. После анализа всех документов и сопоставления фактов оказалось, что, скорее всего, произошло следующее: в том детском доме, где Маша находилась в более раннем детстве (дошкольном возрасте), к ней приходила потенциальная замещающая семья, которую ребенку недолго думая представили как «ее семью». Видимо, «смотрины» прошли безуспешно, так как потом семья, по словам Маши, больше не приходила. Результат такой непрофессиональной работы с ребенком: путаница в голове относительно своей личной истории, очередная травма отвержения, так как ребенок склонен искать причины в себе и винить в подобных ситуациях себя («я плохой», «я плохо себя повела» и т.д.), а также негативные ожидания относительно последующих претендентов на роль родителей.

риски Дети, которые не помнят свою кровную семью (например, «отказники»), могут начать думать, что люди, которые хотят взять их в семью, именно те, кто когда-то их родил и бросил. Это искушение для родителей, которым кажется, что это упрощает ситуацию и делает ее более приятной. В результате такое «наложение» приводит к серьезным негативным последствиям. У ребенка есть сильная обида за то, что его покинули, у него нет ощущения стабильности отношений (раз бросили однажды, то могут снова бросить в любой момент), кроме того, дети интуитивно чувствуют нестыковки, находят расхождения между случайно обнаруженными фактами (документы, свидетельства очевидцев) и тем, что им позволяют думать родители. Соответственно, он чувствует обман, что порождает недоверие ко взрослым и новый виток неуверенности в отношениях. Однако, поскольку тема не обсуждается в семье непосредственно, все эти негативные чувства выливаются косвенным образом в деструктивное поведение (агрессия) или психосоматику и т.д. Приемные родители в этом случае вынуждены платить по чужим счетам. Оказаться в роли кровного родителя, родившего ребенка и бросившего его, – это не та роль, к которой должны стремиться люди, желающие помочь ребенку.

Описание взаимодействия между службами в процессе подбора семьи для ребенка

- Когда служба устройства получает запрос на семью для определенного ребенка, специалисты этой службы анализируют варианты, имеющиеся у них в банке данных семей, и наиболее предпочтительный из них утверждается на консилиуме.
- Затем семью кандидатов приглашают на консультации со специалистами реабилитационной службы, где им рассказывают о ребенке, которого предлагают взять на воспитание, и о форме устройства (*краткосрочное или долгосрочное*). Обычно семья имеет возможность обдумать и

обсудить предложение в течение недели и сообщает о своем решении в службу устройства.

- Если все члены семьи кандидатов в замещающую семью согласны с предложением о знакомстве с ребенком, тогда психолог реабилитационной службы беседует с ребенком о том, что есть семья, которая хочет с ним познакомиться, и обсуждает с ребенком все возникшие у него/нее переживания и вопросы.
- Далее назначается день первой встречи и ответственное лицо, которое будет «посредником» при знакомстве, – человек, хорошо знакомый ребенку (обычно это *детский социальный работник* или детский психолог, а если ребенок маленький – *воспитатель*).
- Ребенок знакомится с семьей, следующую встречу они могут планировать уже совместно – при участии *детского социального работника*.
- Начинается «гостевой» период, логическое завершение которого – совместно проведенные каникулы.
- Решение о передаче ребенка в семью утверждается на консилиуме.
- Заключается *договор* между семьей и проектом о передаче ребенка на семейное воспитание, и ребенок переезжает в семью.
- Дальнейшие контакты между семьей и специалистами проекта осуществляются через *детского социального работника*.

комментарий Для детей школьного возраста в целом период знакомства с семьей занимает обычно «учебную четверть». Месяц–полтора – это 4–6 выходных, которые семья и ребенок могут провести вместе. Протяженность во времени позволяет не накапливать напряжение и решать со специалистами возникающие вопросы в промежутках между встречами. Время каникул – естественная возможность побыть вместе подольше. А перевести ребенка в школу по новому месту жительства удобнее с имеющимися итоговыми оценками и не нарушая учебного процесса.

риски Информация о ребенке

Интересы ребенка и семьи требуют предоставления семье полной и правдивой информации, известной специалистам проекта. Если специалисты «переборщат» с негативными подробностями – ребенка не возьмут в семью. Если расскажут семье не все – впоследствии претензии «нам ничего не говорили!» могут стать поводом для возврата.

Сообщение «трудной» информации о ребенке потенциальной замещающей семье

- «Правда не должна уничтожать»: надо владеть искусством «подачи информации», соблюдать баланс «позитив-негатив», рассказывая о проблеме – прораивать тут же реальную последовательность предполагаемых путей решения (что может сделать семья – что могут сделать специалисты служб сопровождения или сторонние специалисты, и где их взять – что будет меняться с течением времени и пр.).
- Давать замещающим родителям информацию в письменном виде «под подпись», поскольку иногда люди слышат не то, что им говорят, а то, что им хочется услышать.

пример В проект поступила информация о девочке *Даше 4-х лет*, находящейся в доме ребенка и нуждающейся в семейном устройстве. Девочка страдала алопечией (облысение по неуточненным причинам), у нее была задержка психического развития и речевой мутизм. Поводом обращения со стороны администрации дома ребенка стало намерение «воссоединить» девочку со сводным братом Денисом, который уже был устроен в замещающую семью. При этом необходимо отметить, что двумя годами раньше специалисты детского дома, исследуя семейную историю брата, выяснили, что у него есть двухлетняя сестра, находящаяся в доме ребенка. Тогда специалисты детского дома обратились в администрацию дома ребенка с просьбой перевести девочку, с тем чтобы устроить ее в семью совместно с братом. В то время у девочки не было явной задержки в развитии относительно ее возраста и не было алопечии. Однако

администрация дома ребенка отказала, сказав, что у девочки есть перспектива усыновления и что они не обязаны переводить ее в другое учреждение.

Таким образом, когда 4-хлетняя Даша попала в проект семейного устройства, ее брат уже 2 года жил в семье, и актуальная ситуация не позволяла устроить в эту семью второго ребенка, как это планировалось изначально. Кроме того, сама девочка была в очень тяжелом состоянии, и требовала индивидуальной заботы со стороны замещающей семьи. В ходе очередного тренинга по подготовке замещающих семей была подобрана полная семья с опытом воспитания своих детей, желавшая принять к себе маленькую девочку. При общении с родителями специалисты предоставили полную информацию о состоянии здоровья девочки: медицинские исследования показали, что мутизм девочки имеет невротическую природу и может быть преодолен совместными усилиями семьи и специалистов. Относительно алопечии не было выявлено физиологических оснований, что означало психотравматическое происхождение этой проблемы. В ходе многочисленных консультаций родителей со специалистами им была предоставлена вся информация о возможном происхождении проблем девочки, были описаны необходимые меры, которые должна предпринимать семья, – медицинские, педагогические – и те меры, которые берутся осуществлять специалисты служб сопровождения. Кроме того, семье были даны рекомендации относительно медицинских учреждений в России, в которые можно обратиться для лечения алопечии. Были оговорены возможные прогнозы, риски и поэтапность действий в течение времени со стороны семьи и специалистов. Эмоциональный контакт между потенциальной замещающей семьей и ребенком сложился сразу, при первом же знакомстве, быстро начала формироваться прочная привязанность. Но помочь родителям принять ответственное решение о помещении в их семью ребенка с такими трудностями позволила полнота информации и последовательный план реабилитационных мер, разработанный семьей совместно со специалистами. Семье было крайне важно то, что, с одной стороны, их не обманывали с целью «пристроить трудного ребенка», с другой стороны, несмотря на тя-

жесть проблем, семья не чувствовала себя растерянной и дезориентированной, поскольку у нее был план действий. После семейного устройства в течение года у девочки начали расти волосы, однако, спустя год, процесс остановился, и в настоящее время девочка носит специальный дышащий парик. Речевой мутизм исчез, отставание в развитии от сверстников сократилось. Девочка три года живет в замещающей семье, у нее прочная взаимная привязанность с родителями, которых она считает своей семьей и которые полностью принимают ребенка. Девочка социально адаптирована, посещает детский сад, в котором у нее есть друзья, собирается в школу. После нее в семье появилось еще двое приемных детей (девочка 10 лет и мальчик 5 лет), с которыми у Даши хороший контакт.

риски **Нарушение процедуры знакомства: «ускорение» или «затягивание»**

«Ускорение». Чем лучше семья и ребенок узнают друг о друге в период знакомства – тем меньше неприятных «сюрпризов» их ждет в первое время совместной жизни. Стремление ускорить процесс перехода в семью обычно говорит о восторженной нетерпеливости семьи или ребенка. Если сотрудники идут на поводу у клиентов, то эйфория, по закону «маятника», быстро переходит в резкое разочарование, когда начинаются проблемы, и приводит к отказу от ребенка.

«Затягивание» процесса знакомства под разными предлогами обычно означает нежелание продолжать знакомство и боязнь сообщить о своем решении службам проекта. Такие семьи появляются в службе все реже, а потом и «пропадают» совсем.

Стремление семьи менять оговоренные заранее сроки знакомства (в любую сторону) – всегда признак того, что у клиентов появились сильные переживания, которые необходимо обсудить с ними. Вполне возможно, что возникшие проблемы можно решить, не доводя ситуацию до крайнего напряжения. В противном случае вы утрачиваете контакт с семьей и контроль над процессом, а результат – несостоявшееся знакомство.

технологии	специалисты
оценка готовности ребенка к устройству, запрос на устройство ребенка в семью	психолог
подготовка ребенка к помещению в семью	психолог, социальный работник, воспитатель
консультирование потенциальной семьи (патронатной или кровной)	психолог, служба устройства, служба «кровная семья», врач, дефектолог
подбор семьи и ребенка друг другу	совместная работа реабилитационной службы и службы устройства в семью, консилиум
сопровождение процесса знакомства	детский социальный работник, служба устройства, детский психолог
первая встреча семьи и ребенка	детский социальный работник, психолог, воспитатель
контакты с кровными родственниками	служба «кровная семья»
помещение ребенка в семью	консилиум, детский социальный работник, служба устройства, детский психолог

Таким образом, на этапе устройства происходит следующее.

Для ребенка:

- знакомство с потенциальной семьей;
- помещение в семью.

Для службы:

- подбор семьи для ребенка;
- знакомство с потенциальной семьей, установление контакта и консультирование будущих воспитателей по вопросам знакомства, личностных особенностей ребенка и первичной адаптации;
- устройство ребенка в семью;

- «мобилизация» всех специалистов, понимание того, что с момента устройства начинается самый сложный период – адаптация семьи и ребенка друг к другу.

3. Сопровождение детей, помещенных в замещающие или кровные семьи. Оценка результата и корректировка действий

Основная задача специалистов реабилитационной службы на этом этапе – консультативно-терапевтическая помощь семье и ребенку, оказание социальной поддержки, – работа на сохранение ребенка в семье.

В целом в период адаптации к приемной семье и свыкания с потерей поведение ребенка характеризуется противоречивостью и неуравновешенностью, присутствием сильных чувств (которые могут подавляться) и расстройством учебной деятельности. Обычно адаптация происходит в течение года. Важно не только предоставить семье возможность обращаться за помощью к специалистам, но и проявлять инициативу в общении с семьей (*детский социальный работник*).

Стадии адаптации ребенка в замещающей семье

Опыт показывает, что адаптация ребенка к новой семье происходит примерно в течение года и условно делится на три стадии.

Первую стадию можно было бы назвать стадией «идеализированных ожиданий» – как у ребенка, так и у приемной семьи. Каждая из сторон полна надежд и старается понравиться другой. Примерно через месяц трудности реальных отношений разрушают образ «сбывшейся мечты», наступает первый кризис: привязанность ребенка к старой семье еще сохраняется, а к новой пока не сформировалась, привыкание к смене требований и правил – трудно для него и вызывает протест. В результате возникают «установочные конфликты» – которые являются естественной частью приспособления семьи и ребенка друг к другу.

«Установочные конфликты» знаменуют собой окончание «медового месяца» и переход к следующей стадии отношений.

Стадия «вживания» (собственно адаптация). В это время происходит простраивание границ допустимого, привыкание к потребностям, особенностям и привычкам других и правилам поведения. На этой же стадии, несмотря на конфликты, фактически формируется привязанность ребенка и семьи друг к другу.

Важно: вспышки негативного поведения в это время могут иметь следующие причины.

- Дети, пережившие утрату семьи, боятся повторения этого и в новой, приемной семье. Иногда они провоцируют воспитателей на разрыв, демонстрируя своим поведением двойственность – привязанность и отвержение одновременно, поскольку это именно то, что они пережили в своем опыте. Иногда провокация телесных наказаний у отказных детей может быть привычной формой получения внимания и телесного контакта со взрослым, сформировавшаяся в условиях депривации в доме ребенка.
- Они колеблются между надеждой и страхом быть обманутыми снова, пытаются контролировать возникающие у них теплые чувства, поскольку знают, как взрослые могут злоупотреблять своей властью.
- Вспышки негативного поведения могут быть частью процесса отреагирования утраты кровной семьи, ребенок может тосковать и злиться.
- Дети таким образом могут демонстрировать, чему они научились в родной семье, свои представления о том, как надо себя вести.
- Проверяют, до каких пределов они могут дойти в своем плохом поведении, сохраняя принятие со стороны взрослых.

В целом можно сказать, что «плохое» поведение ребенка в период адаптации в замещающей семье – своего рода «норма». Поэтому поддержка служб сопровождения должна быть активной и систематической.

Важно для воспитателя:

- не ждать быстрых «результатов»;
- сосредоточиться на изменениях к лучшему, замечать и ценить их;
- обращаться за помощью к социальным работникам и специалистам, не боясь показаться «некомпетентными».

Главное достижение этой стадии, длящейся чуть более полугода, – взаимное доверие и субъективное ощущение постоянства отношений, появляющееся у обеих сторон, которые начинают воспринимать себя как целостное «мы». Необходимо сказать, что, в отличие от начальной стадии, в это время заботящиеся взрослые уже больше знают ребенка, начинают лучше понимать его, и чувствуют себя более уверенными. Ребенок, в свою очередь, начинает дорожить семьей (или семейной группой), уже не думает всерьез об уходе и больше доверяет воспитателям. Ощущение контакта с ребенком, взаимное понимание и теплые чувства – все это появляется по мере решения проблем.

пример В качестве примера своевременного контакта со специалистами можно привести следующий случай – семья обратилась к специалистам проекта, в связи с тем что они собирались взять в семью девочку 4-х лет. Решение семьей уже было принято, и запрос состоял в том, чтобы узнать актуальный уровень развития ребенка и спланировать реабилитационные и развивающие меры, необходимые, когда она перейдет в семью. На момент обследования девочка не говорила, ее поведение во многом носило полевой характер, при этом она явно выделяла будущих родителей среди других взрослых, проявляла по отношению к ним эмоциональную привязанность. Кроме выраженной задержки в развитии, обусловленной социально-педагогической запущенностью и нахождением девочки с рождения в государственных учреждениях, у нее была сложная физическая патология – одна нога была значительно короче другой, тазобедренный сустав был неправильно развит (повернут). У девочки также отсутствовали простейшие навыки самообслуживания – в доме ребенка она ходила в памперсах. Относительно медицинских

мер (операций), родители уже спланировали поездку в Германию. С точки зрения развития и эмоциональной реабилитации семье были даны рекомендации и было предложено сопровождение семьи – как с целью работы с девочкой, так и для отслеживания хода адаптации в семье, работы с возможными эмоциональными и поведенческими реакциями на изменение состава семьи со стороны родных сыновей (4 года и 12 лет). В течение всего последующего года проходило регулярное взаимодействие с семьей, которое помогало решать возникавшие сложности. У девочки стала появляться речь, она овладела навыками самообслуживания, стала социально адекватной, занималась с различными специалистами. Максимальное количество времени девочка проводила с мамой, но иногда, по необходимости, семья нанимала няню. В определенный момент мама обратилась к специалистам проекта со следующим вопросом: уже два дня подряд к ним домой ходила новая няня, которую они наняли по рекомендации знакомых. У няни были очень демократичные взгляды на взаимодействие с детьми – отсутствие иерархии и границ в отношениях с детьми, вседозволенность (например, не запрещать ребенку исследовать мир, даже если он лезет в помойку или валяется в луже). Возможно, в каких-то случаях такой подход может принести пользу. Но для ребенка, который только что начал осваивать правила и стандарты социального поведения, подобный подход привел к дезориентации: в дни, проведенные с няней, у девочки стал наблюдаться регресс в развитии – она утратила недавно приобретенные навыки самообслуживания (перестала проситься в туалет, стала писаться), значительно ухудшилось поведение (она стала капризной, тревожной, выказывала «младенческие реакции возбуждения» – хихиканье, трясение руками и пр.). Мама находилась в сомнениях относительно причин невротических проявлений и поведенческого регресса, возникшего у девочки, поскольку на предыдущую няню таких реакций не было. Консультация у специалистов позволила определить, что причина дестабилизации состояния ребенка – в изменении системы требований к поведению девочки, которые внесла новая няня. В итоге мама в тот же день отказалась от услуг данной няни, восстановила четкую систему правил и требований,

адекватных возрасту ребенка. Постепенно состояние девочки стабилизировалось, и опять стал отмечаться поступательный прогресс в ее развитии. Таким образом, очевидно, что даже когда семье в целом понятно, что делать, ей бывает нужна практическая помощь и актуальное сопровождение.

Таким образом, наступает некое «равновесие», которое представляет собой *третью стадию адаптации* в семье, принявшей ребенка. В этот период семья становится достаточно самостоятельной, реже обращается за помощью к специалистам.

Дальше жизнь семьи с приемным ребенком входит в период «стабильного» совместного существования. Однако «стабильно» – не значит, «без проблем». В жизни любой семьи – как кровной, так и приемной – закономерным образом присутствуют *кризисы*. Они могут иметь как *общий* (т.е. свойственный любой семье) характер, так и *специфический* («форс-мажоры»). К кризисным ситуациям *общего* характера относят: поступления в учебные заведения – школу или институт, подростковый возраст детей, кризис «выпускника», и пр. К *форс-мажорам* относят незапланированные события, дестабилизирующие семейную ситуацию: болезнь или несчастный случай с кем-либо из членов семьи (в том числе смерть), переезд семьи в новое место, рождение собственного ребенка (в семьях, которые взяли приемного ребенка из-за бездетности) и т.д. Кроме кризисов, у семьи с приемным ребенком могут возникать просто насущные потребности, требующие помощи служб сопровождения. Во всех этих случаях очень важно оперативно и квалифицированно откликаться на запрос семьи. Обычно связь с семьей осуществляет *детский социальный работник*, он же координирует действия специалистов, чье участие оказывается необходимым в каждой конкретной ситуации.

Профессиональное сопровождение детей в семьях направлено на сохранение ребенка в семье и контроль его развития.

Ситуативные проблемы обычно решаются при помощи разовых консультаций с конкретными рекомендациями для родителей. Рассогласования более глубокого порядка означают вы-

ход на поверхность скрытых серьезных проблем ребенка или родителей. Они требуют:

- индивидуальной работы с ребенком;
- индивидуальной работы с родителем (родителями);
- семейных сессий («Работа с семьей в кризисе»).

Индивидуальная психологическая работа с ребенком при нарушениях семейной адаптации

В работе с ребенком необходимо последовательно решать следующие задачи.

1. При помощи тестирования, беседы, проективной диагностики постараться понять основную «претензию» ребенка – так, как он ее для себя формулирует.
2. Работая с чувствами ребенка, помочь ему выявить ту часть, которая адресована его кровным родителям.
3. Отделить в представлениях ребенка образы кровных родителей от образов приемных родителей, определяя специфику характеров и отношений.
4. Прорабатывать амбивалентные чувства привязанности-гнева в отношении кровных родителей, помогая ребенку от агрессии в процессе переживания утраты кровной семьи перейти к стоящей за ней неудовлетворенной потребности в любви.
5. Ориентировать ребенка на отношения с приемными родителями как на источник нового позитивного опыта и привязанности.
6. Работая с «Книгой жизни», воссоздавать последовательную историю жизни ребенка, сохраняя все позитивное и переосмысливая негативное.
7. Кроме того, индивидуальная работа с детьми предполагает необходимую проработку темы «лояльности» к кровной семье и формирования личной идентичности, когда отделяется признание (или привязанность) к кровным родителям от желания следовать за ними, повторяя их ошибки.

Кроме работы по развитию и сохранению привязанности ребенка к новой семье, обязательно должна происходить индивидуальная работа с ребенком по решению его/ее психологических проблем, связанных с плохим обращением в кровной семье и последующим разрывом с этой семьей. Такого рода работа проводится по запросу приемной семьи или самого ребенка, описание см. в разделе «Устройство и реабилитация».

Основная идея: если семья и ребенок не видят выхода из кризисной ситуации – это еще не значит, что выхода действительно нет.

Последовательность работы с семьей в кризисе

1. Сначала идет работа в парах взрослый психолог–родитель(ли) и детский психолог–ребенок, цель которой – снять у клиентов аффективное напряжение, отреагировать негативные чувства, препятствующие сотрудничеству.
2. Затем необходимо восстановить баланс «позитив-негатив», вспомнить о том позитиве, который есть в отношениях сторон.
3. Вернуть внутренний локус контроля каждому из участников критической ситуации : «что я могу – готов сделать для улучшения».
4. Выйти на конструктивный уровень, на котором все члены семьи готовы поискать альтернативный расставанию выход.
5. Далее происходит совместная работа психологов и членов семьи в режиме регулярных встреч (обычно 3–5 сессий), на которой вырабатываются новые правила взаимодействия, для того чтобы потребности в понимании и взаимные ожидания всех участников конфликта удовлетворялись в той степени, в которой это возможно.

технологии	исполнители
регулярный контакт с семьей и ребенком	детский социальный работник

семейные сессии	психолог совместно с психологом службы устройства в семью
анализ процесса адаптации ребенка в семье	детский социальный работник, все специалисты реабилитационной службы, служба устройства, консилиум
технология «работа с семьей в кризисе» – оказание поддержки в сложных, кризисных ситуациях консультативная помощь в тех случаях, когда семья или ребенок самостоятельно обращаются с запросом	психолог реабилитационной службы и психолог службы устройства в семью специалисты реабилитационной службы
мониторинг: ежегодные обследования ребенка всеми специалистами	специалисты реабилитационной службы
консультирование замещающих или кровных родителей по проблемам взаимоотношений и развития их детей	специалисты реабилитационной службы
индивидуальная и групповая психотерапевтическая работа с детьми по направлениям: – посттравматический стресс; – горе и потеря; – последствия жестокого обращения и насилия; – двойственное отношение к своим родителям; – негативное самовосприятие; – нарушения идентичности; – нарушения привязанности; – хаотичность представлений о своей жизни; – проблемы межличностных отношений и пр.	психолог

Таким образом, на данном этапе происходит следующее.

Для ребенка:

- ребенок «приживается» в новой семье;
- у него сохраняются в допустимой форме (с учетом интересов новой семьи и ребенка) отношения с кровной семьей и с группой, в которой он жил до устройства, – т.е. социальные отношения и привязанности.

Для службы:

- установление контакта с «новым образованием» семья + ребенок – это синтез, дающий новое качество отношений;
- понимание того, что, вне зависимости от своих вкусов и мнений, в каждом кризисном случае профессиональная позиция – работа на сохранение ребенка в семье.

риски Несоблюдение базовых принципов

- Нарушение принципа комплексного метода.
Неполный состав специалистов¹
- Нарушение командного принципа:
а) на уровне службы

Причиной рассогласования действий сотрудников на уровне службы может быть:

- либо естественная «нестыковка» в ходе рабочего процесса, что просто служит поводом для рефлексии и последующего совершенствования взаимодействия (новые договоренности, регламентирующие документы);
- либо намеренное нарушение установленного порядка действий кем-то из сотрудников: «А я хочу по-своему!» В этом случае имеет место сознательное деструктивное поведение, намеренный конфликт. Это уже вопрос не содержания работы, а трудовой дисциплины.

В таком случае кто-то из сотрудников может ставить свою компетентность выше опыта организации в целом, а заложником этой ситуации становится благополучие семьи с ребенком.

¹ См. с. ???

В любых обстоятельствах стараться найти компромисс, поскольку стрессовый характер деятельности может приводить к тому, что людей «заносит». В таких случаях критерий – частота и степень вреда от подобных нарушений.

б) на уровне проекта

Рассогласование взаимодействия с другими службами означает не только сбой в рабочем процессе и неудобство для сотрудников внутри проекта, но и нарушения во внешних контактах:

- с клиентами – дети и семьи (некачественная работа со случаем – утрата доверия не только к специалисту, но и к проекту в целом);
- с вышестоящим руководством (заказчик и контролер), когда результатом рассогласования становится нарушение обязательств, – это подрывает авторитет проекта в глазах начальства. А лимит доверия, как известно, ограничен;
- с представителями «социальной сети» – «слухами земля полнится», как положительные, так и отрицательные впечатления о работе с вашими специалистами распространяются среди людей, работающих в одной сфере. Уважение и поддержка коллег «извне» могут помочь проекту в решении внутренних проблем, а неприязнь – иной раз лишает достижения смысла.

В любой работе есть факторы риска такого порядка, на который повлиять невозможно. Поэтому совершенствовать свою деятельность в областях, доступных коррекции, в частности, в вопросах внутренней согласованности – не только часть корпоративной культуры, но и дело самосохранения.

риски Нарушение принципа процессного ведения – разрыв процесса ведения ребенка

«Разрывность» процесса ведения может выражаться двояко.

1. Несоблюдение требования «единого» ведения – т.е. разные люди и организации осуществляют ведение на разных стадиях.

Для клиентов это означает участие большого количества не связанных между собой людей в решении проблем их семьи, необходимость каждый раз в острой ситуации объяснять заново незнакомым людям свои проблемы, риск столкнуться с некомпетентностью и т.д. Для служб – это слабая преемственность информации, отсутствие дополнительного ресурса в виде контакта с семьей и предыдущего позитивного опыта решения проблем, «калейдоскоп» клиентов и т.д.

«Единое ведение» экономит время и повышает качество услуг по сопровождению детей в замещающих семьях.

2. Несоблюдение требования «целостного» ведения – т.е. из процесса под предлогом «реальных ограничений» исключается его часть.

Нет *выявления* (диагностики и предварительного контакта), либо *реабилитации* и *подготовки* ребенка и семьи к устройству, либо последующего *сопровождения*. Мы уже проводили параллель с состоянием здоровья. Нетрудно представить, какова «эффективность» лечения, в котором отсутствует одна из этих стадий!

Наличие данной последовательности стадий – отражение требований «той самой реальности» в достижении цели – семейного устройства детей и нивелировки рисков возврата. Недостаточное качество не только наносит серьезный вред клиентам, но и автоматически лишает деятельность смысла («осетрина не бывает второй свежести»).

Документация

- Диагностические заключения.
- Мониторинговые заключения (по рез. консилиума).
- Журнал консультаций специалистов.
- Запрос на устройство конкретного ребенка в семью.
- Описание процесса знакомства семьи и ребенка.
- Положение об устройстве детей с особыми потребностями (сиблингов).
- Индивидуальный план развития ребенка.
- «Журнал наблюдений» воспитателей.

часть 3 Консультативная и научно- методическая работа службы

В этом разделе:

- Работа с персоналом.
- Консультирование замещающих семей.
- Работа с детьми–выпускниками проекта.
- Совместная деятельность с представителями других организаций по защите прав ребенка.
- Участие в научно-методической деятельности проекта.

Комплексная организационно-психологическая работа с персоналом (воспитатели стационарного отделения, специалисты проекта, замещающие родители)

Кроме обычной совместной работы с другими службами проекта (*консультации и рабочие совещания*), существует необходимость *супервизии* по профессиональным вопросам для воспитателей проекта и молодых специалистов, а в некоторых случаях – *терапевтической работы* с воспитателями стационарных групп. Такая деятельность не только имеет обучающее значение, но и служит профилактикой «эффекта выгорания» и входит в функциональные обязанности *психологов служб реабилитации и устройства в семью*. В свою очередь, эти специалисты также должны иметь возможность супервизии и терапевтической помощи – уже вне рамок проекта.

Работа специалистов реабилитационной службы с «замещающими семьями»

Консультирование потенциальных приемных родителей или воспитателей по вопросам планирования и устройства конкретного ребенка в их семью – часть процесса подготовки семьи к приему ребенка, и мы уже касались этого вопроса ранее (см. часть 2). Также специалисты реабилитационной службы (например, психологи) могут принимать участие в тренингах по подготовке будущих воспитателей – в качестве второго ведущего или участника. Основная работа с замещающими родителями проводится службой устройства в семью, но есть ряд случаев, когда замещающие родители, так же как и обычные родители, нуждаются в помощи детских «реабилитологов». Иногда членам семей с приемными детьми требуется помощь в связи с их собственными проблемами и переживаниями. В этих случаях специалисты реабилитационной службы осуществляют *консультирование действующих замещающих родителей и членов их семей (детей, родственников)*, в т.ч. проводится совместная работа с психологами службы по устройству в семью с приемными семьями в кризисе, расширенные семейные сессии и пр. (подробное описание см. в предыдущих разделах).

Защита интересов семьи и ребенка на социальном уровне

Семья с приемным ребенком сталкивается с большим количеством проблем и является уязвимой в социальном плане. В настоящее время в обществе достаточно противоречивое отношение к детям из детских домов и приемным семьям: от полного сочувствия до крайнего негатива. Зачастую именно непонимание окружающих людей может стать последней разрушительной «каплей» как для ребенка, так и для его приемных родителей. Информирование людей, взаимодействующих с ребенком и его семьей в их повседневной жизни, налаживание сотрудничества с ними и формирование позитивного отношения к приемным семьям – одна из составляющих задач сопровождения.

Участие в судебных разбирательствах в качестве эксперта или свидетеля, общение с представителями «социальной сети», работающими с детьми замещающих и кровных семей (посещение школ, профессиональных учебных заведений, больниц и пр. и взаимодействие с персоналом в них в интересах ребенка), подготовка заключений по запросу школ, судов и других инстанций – важные профессиональные умения для сотрудников реабилитационной службы.

Психологическая работа с детьми – выпускниками проекта (совершеннолетние, усыновленные, возвращенные в кровные семьи и т.д.)

У специалистов детского дома нет права вмешиваться в частную жизнь выпускников, однако моральные обязательства и позитивные отношения с выросшими детьми естественным образом приводят к социальному патронату выпускников детского дома. Работа с выпускниками осуществляется службой «Кровная семья», специалисты которой по необходимости привлекают сотрудников реабилитационной службы, которые проводят:

- индивидуальные консультации выпускников по запросу (внутриличностные проблемы, трудности социальной адаптации, вопросы семьи и брака, воспитание собственных детей и т.д.);
- контакты с социальными службами, участвующими в судьбе выпускника;
- разработка тренинга для выпускников совместно со службой устройства в семью (и его проведение – на стадии стабильной работы);
- консультирование по запросу воспитателей, усыновивших или взявших под опеку детей детского дома.

Участие в научно-методической деятельности проекта

Проведение лекций и семинаров для сотрудников и воспитателей – это регулярная *информационно-образовательная работа внутри проекта*. Методическая разработка, подготовка и

проведение обучающих семинаров и тренингов по развитию семейных форм устройства для работников социальной сферы, участие в научно-практических конференциях (городских, региональных, всероссийских, международных) – *информационно-образовательная работа, направленная вовне*. Она подразумевает научный анализ деятельности всех служб проекта и публикацию исследовательских материалов.

часть 4 Анализ работы службы

В этом разделе:

- Критерии успешности работы.
- Критерии оценки развития детей.
- Организация процесса оценки.
- Компьютерная и «бумажная» базы данных.
- Конфиденциальность.
- Стадии развития проекта.

Риски

- Отсутствие стандартов и несовершенство Федерального закона.
- Отсутствие мониторинговых исследований.
- Активное неприятие со стороны отдельных лиц или начальства.
- «Выгорание» сотрудников.

Содержание работы и оценка качества работы специалиста реабилитационной службы

Очевидно, что, оценивая качество профессиональной деятельности специалистов, необходимо учитывать соответствие результатов этой деятельности *целям и задачам* проекта в целом, с одной стороны, и объективному *потенциалу каждой конкретной рабочей ситуации* – с другой. Работа в проекте специалиста, занимающегося устройством детей в семьи и обеспечивающего сопровождение (профессиональную поддержку и контроль) таким семьям, подразумевает:

- умение выделить актуальные потребности и факторы риска, препятствующие размещению и адаптации каждого

конкретного ребенка, попадающего в проект, в приемной семье, – т.е. *диагностику*;

- способность позитивным образом повлиять на те факторы, которые поддаются влиянию (*терапевтическая и консультативная работа*);
- способность *анализировать* положительные и отрицательные результаты работы, делая практические выводы, приносящие пользу в дальнейшем.

Большое значение имеет соблюдение профессиональной этики и конфиденциальность.

Специалист не имеет права разглашать подробности личной жизни и переживания своих клиентов, однако он обязан сообщать о фактах угрозы жизни и здоровью ребенка, о которых ему становится известно, и давать рекомендации воспитателям и родителям о том, как им действовать, чтоб оказать ребенку помощь в трудных ситуациях. Также очень важными могут оказаться выступления специалистов в суде в качестве экспертов или, в некоторых случаях, свидетелей, их профессиональное мнение о том, что хорошо для эмоционального и социального развития данного ребенка в актуальной жизненной ситуации – при решениях о восстановлении/лишении родительских прав, усыновлении, – когда социальных и правовых данных бывает недостаточно.

При оценке деятельности специалистов необходима *объективность*. Например, *психолог*, в отличие от волшебника, не может изменить закономерные последствия некоторых событий, и качество его работы не может оцениваться лишь по степени удовольствия отдельных людей результатами этой работы. Дети, пережившие насилие в семьях и протестующие против помещения в детский дом, ведут себя деструктивно. И это деструктивное поведение *не может измениться лишь в результате психотерапии* – ребенку необходимы реальные позитивные жизненные изменения или надежда на эти изменения. Кроме того, у всякого процесса есть своя последовательность. И большинство детей, помещенных в семьи, в какой-то момент разочаровы-

ваются и хотят эти семьи покинуть. Психолог может работать с амбивалентными чувствами ребенка, препятствующими формированию новых привязанностей, но он *не может «заставить»* ребенка не злиться или не горевать, не строить иллюзий и не бороться за независимость, все время вести себя правильно и проявлять привязанность к приемным родителям именно таким способом, которого они ждут. Более того, иногда проблемы ребенка (рассеянность, страхи и пр.) могут быть скрытым образом связаны с подавленными переживаниями (горе и потеря), которые в результате психологической работы становятся актуальными. В результате поведение ребенка на какой-то период времени может ухудшиться, что волнует других взрослых и не нравится им.

Задача специалистов (каждого в своей области) – обеспечить *понимание* происходящего для всех участников процесса, *предоставить эмоциональную поддержку и дополнительные ресурсы* детям и заботящимся взрослым, *организовать их взаимодействие* оптимально возможным в конкретной ситуации способом. Все это необходимо для того, чтобы в конечном итоге ребенок:

- обрел семью (кровную или приемную);
- оставался в ней в соответствии с предполагаемыми сроками (краткосрочное или долгосрочное размещение);
- находил адекватное удовлетворение своим объективным потребностям (физическим, эмоциональным, социальным);
- обрел сформированную взаимную привязанность с семьей.

Оценивая качество работы специалистов реабилитационной службы, мы прежде всего оцениваем умения и навыки, способность к командному взаимодействию в процессе работы и наличие необходимой документации. В то же время профессиональная деятельность предполагает наличие стандартов качества. И в настоящее время такие *стандарты разрабатываются в сфере семейного устройства*.

Успешность устройства ребенка зависит от многих факторов и качества работы всех служб проекта. Но, безусловно, показателями качества деятельности проекта в целом являются:

- увеличение количества устраиваемых детей;
- расширение возрастного диапазона детей;
- расширение проблемного диапазона (аутисты, инвалиды, умственно отсталые и др.);
- разработанные документы и технологии;
- профессиональный рост специалистов;
- распространение опыта и научно-методическая деятельность;
- «банк семей» = прошедшие подготовку семьи, готовые принять на воспитание ребенка.

риски **Несовершенство Федерального закона**

Устройство детей в семьи давно уже перестало быть экспериментальной деятельностью. Существует прямое поручение Президента РФ бороться с сиротством в России. И отсутствие единой концепции в данной области, и недостаточное внимание к существующему успешному опыту работы («патронатное воспитание») – все это ведет к искусственному усложнению ситуации с развитием семейных форм устройства детей и наносит большой вред – прежде всего, детям, нуждающимся в устройстве, и приемным семьям, нуждающимся в профессиональной поддержке.

риски **Отсутствие Стандартов деятельности служб устройства и сопровождения детей в приемных семьях**

Стандарты качества работы службы важны как ориентир для работающих специалистов, как гарантия профессионализма для клиентов и средство оценки для проверяющих организаций. Разработка единых Стандартов качества для профессиональных служб, работающих в области подготовки и сопровождения приемных семей, является актуальной задачей в настоящее время.

Критерии оценки развития детей

Мониторинг развития детей – количественный и качественный анализ психического, эмоционального, социального формирования каждого отдельного ребенка, а также сравнительный и статистический анализ изменений в группах, категориях детей в зависимости от их возраста, уровня проблем, индивидуальных особенностей и т.п.

Структура мониторинга и документы

- Осуществление пролонгированной диагностики для каждого ребенка – *метод «срезов» за полугодовой или годовой период.*
- Возможность *количественной оценки качественных показателей* развития и социальной (семейной) адаптации ребенка.
- *Сравнительный анализ* трудностей и положительных результатов.
- *Оценка взаимосвязи* между позитивными изменениями в состоянии ребенка, с одной стороны, и действиями специалистов, особенностями социального окружения, поведением кровной и приемной семей и т.п. – с другой.
- Анализ и *документальное отражение* данной взаимосвязи – ежегодный *сводный аналитический отчет по всем воспитанникам.*

Критерии количественной оценки динамики развития ребенка¹

- Степень депривации (срок отрыва от семьи, степень депривации в прошлом ребенка (Д1), степень депривации в настоящее время – наличие депривирующих факторов (Д2)).
- Невротические проявления.
- Самовосприятие.
- Социальная адаптация.

¹ Критерии разработаны специалистами проекта «Наша семья» для внутреннего мониторинга развития детей.

- Психическое здоровье.
- Физическое здоровье.
- Школьная адаптация.
- Уровень развития речи.
- Познавательная активность.
- Формирование привязанности.
- Семейная адаптация (особенности семейной структуры, принятие ребенка семьей и семьей ребенком).

Каждый показатель оценивается по 4–балльной системе (от «0» до «3», где «0» – самая тяжелая степень нарушений, а «3» – норма. Благодаря такому подходу, положительная динамика выражается «восходящим» графиком, что удобно с точки зрения наглядности). Показатели выявляются 1–2 раза в год для каждого ребенка при обследовании детей всеми специалистами проекта к консилиуму: психологом, педагогом, дефектологом–логопедом, социальным работником. Таким образом, исследование носит и «срезовой», и «продолжительный» характер. Данные статистически обрабатываются и анализируются, а затем заносятся в базу данных.

1. Депривация

Срок отрыва от семьи:

- 0 – первый месяц отрыва от семьи;
- 1 – до 6 месяцев;
- 2 – от 6 месяцев до 1 года;
- 3 – более года.

Степень депривации в прошлом ребенка (Д1):

- 0 – сексуальное насилие;
- 1 – жестокое обращение с ребенком, физическое насилие;
- 2 – пренебрежение интересами ребенка, эмоциональное насилие, утрата;
- 3 – отсутствие депривирующих факторов.

Степень депривации в настоящее время (наличие депривирующих факторов (Д2):

- 0 – сексуальное насилие;

- 1 – жестокое обращение с ребенком, физическое насилие;
- 2 – пренебрежение интересами ребенка, эмоциональное отвержение, утрата;
- 3 – отсутствие депривирующих факторов.

2. Невротические проявления

0 – Психосоматические нарушения: энурез, энкопрез, астма, речевой мутизм, заикание, тремор, нервные тики.

1 – Аффективные вспышки, нарушения сна и аппетита, онанизм, сосание пальцев, аутистическое раскачивание, сильная телесная зажатость.

2 – Эмоциональная неустойчивость, немотивированные перепады настроения, истощаемость.

3 – Отсутствие невротических проявлений, эмоциональная стабильность.

3. Самовосприятие

0 – Негативное самовосприятие, аутоагрессия, агрессия к окружающим, деструктивное поведение.

1 – Неадекватная самооценка (сильно завышенная или заниженная), недоверие к окружающим, конфронтующая позиция, неустойчивая, размытая идентичность.

2 – Неустойчивая самооценка, неуверенность в своих силах, ситуативная зависимость самооценки от мнения окружающих при сохраняющейся потребности в позитивном самоотношении, доверие к окружающим людям сохраняется, фрагментарные представления о себе.

3 – Адекватная, позитивная самооценка, уверенность в своих силах, доверие к окружающим, устойчивая идентичность.

4. Социальная адаптация

0 – Социальная дезадаптация, трудности налаживания и поддержания контактов, отсутствие стабильных дружеских отношений, неприятие социальных норм, деструктив-

ное поведение, низкая успеваемость, негативные представления о своем социальном будущем.

1 – Недостаточные знания и неумение следовать социальным нормам, неадекватность поведения, проблемы с самообслуживанием, школьная неуспеваемость, нереалистичные и неадекватные представления о будущем.

2 – Знание и желание следовать социальным нормам, неровное социальное поведение, трудности в учебе, недостаточная учебная мотивация, желание иметь друзей, но трудности в установлении отношений, позитивные нечеткие представления о будущем.

3 – Знание и принятие социальных норм и правил, адекватность поведения, контактность, стабильные отношения с друзьями, наличие постоянных привязанностей, школьная успеваемость, реалистичные, позитивные представления о будущем.

5. Психическое здоровье

0 – Психическое заболевание, умственная отсталость тяжелой степени.

1 – Умственная отсталость легкой степени и / или пограничные личностные расстройства.

2 – Задержка психического развития, социально-педагогическая запущенность, негрубые поведенческие нарушения.

3 – Норма.

6. Физическое здоровье

0 – Инвалидность.

1 – Наличие хронических заболеваний, значительное отставание в физическом развитии.

2 – Незначительное отставание/опережение в физическом развитии, подверженность заболеваниям.

3 – Норма.

7. Школьная адаптация

0 – Школьная дезадаптация (в силу различных причин): отсутствие адекватных возрасту школьных знаний, невозможность посещать соответствующий возрасту класс в школе, неувоенность правил поведения и отношений в школе и пр.

1 – Возможность посещать общеобразовательную школу по объективным показаниям, низкий уровень знаний, плохая успеваемость («2–3»), низкая учебная мотивация, поведенческие проблемы.

2 – Возможность посещать школу и соответствующий возрасту класс, неустойчивая учебная мотивация, успеваемость на уровне «3», позитивные отношения со взрослыми и детьми в школе.

3 – Обучение по соответствующей возрасту программе, успеваемость «4–5», устойчивая учебная мотивация и сформированная позиция школьника, позитивные отношения с учителями и одноклассниками.

8. Уровень развития речи

0 – ОНР 1-го уровня.

1 – ОНР 2-го уровня.

2 – ОНР 3-го уровня.

3 – Норма.

9. Познавательная активность

0 – Отсутствие самостоятельных интеллектуальных интересов, ограниченный кругозор и низкий уровень знаний об окружающем мире относительно своего возраста, несформированность познавательной мотивации и мотивации учения, низкие показатели интеллектуальной деятельности в целом.

1 – Ситуативное снижение интеллектуальной и познавательной активности (депрессия, посттравматическое состояние), низкая общая эрудиция в силу социально-пе-

дагогической запущенности, несформированность учебных и исследовательских навыков, мотивация избегания неудач в деятельности.

2 – Низкий уровень знаний об окружающем мире в силу социальных причин при сохранной познавательной активности, сформированная исследовательская мотивация, мотивация достижения в деятельности, неровная позитивная динамика интеллектуального развития.

3 – Адекватные возрасту представления об окружающем мире, любознательность, сформированная позиция школьника (исследовательская + трудовая мотивация), активный интерес к получению новой информации, самостоятельные интеллектуальные интересы, хорошие (высокие) общие показатели умственного развития.

10. Формирование привязанности

0 – «Дезорганизованная» привязанность (злоупотребления в отношениях на криминальном уровне): деструктивная позиция в межличностных отношениях – нарушение правил и границ, эмоциональная жестокость/отсутствие эмпатии, отсутствие потребности в постоянных теплых отношениях с кем-либо из окружающих, отсутствие моральных ограничений.

1 – «Амбивалентная» привязанность (злоупотребления в отношениях на моральном уровне): потребность в отношениях привязанности сохранна, но проявляется в деструктивной форме провоцирующего поведения, в стремлении контролировать объект привязанности причинением эмоционального беспокойства, поиск «негативного» внимания, «любовь-борьба».

2 – «Избегающая» или «размытая» формы привязанности (намеренных злоупотреблений на уровне отношений нет):

а) «избегающая» – избегание отношений привязанности как следствие перенесенной травмы, сохранная потреб-

ность в чувстве привязанности, фрустрированная глубоким недоверием, замкнутость;

б) «размытая» (характерна для детей с ранней институционализацией) – потребность в привязанности сохранна, нет представлений о моделях близких отношений, границ в отношениях «близкий–посторонний», ребенок легко идет на руки, называет «мама» и «папа» людей, которых впервые видит, эмоциональное тепло сочетается с поверхностностью чувств.

3 – «Надежная привязанность»: потребность и способность поддерживать постоянные теплые отношения с близким(и) взрослым(и), конструктивная позиция в межличностных отношениях, эмпатия и эмоциональный резонанс, моральное развитие на основе отношений привязанности.

11. Семейная адаптация (особенности семейной структуры, принятие ребенка семьей и семьи ребенком, взаимная привязанность, правила и границы в семье, эмоциональное благополучие ребенка в семье, приемлемое поведение и следование социальным нормам)

0 – Семья отказывается от воспитания ребенка, либо ребенок отказывается от проживания в семье.

1 – Дезорганизованность семейной системы, нарушение коммуникации внутри семьи и с социальным окружением, частые конфликты, личностные особенности у членов семьи как следствие травматического события в семье или тяжелого заболевания, непонимание или не обеспечение потребностей развития ребенка, предъявление к нему завышенных требований, потеря контроля над воспитанием, обучением и (или) поведением ребенка, непринятие одним или всеми членами семьи ребенка таким, каков он есть (отсутствие теплоты в отношении к ребенку), нарушение нормального контакта со службой сопровождения, неприятие его привязанности к кровной семье, (присутствуют одновременно несколько перечисленных факторов).

2 – Типичные адаптационные кризисы ребенка в семье.

3 – Нет изменений в структуре и функционировании семьи и коммуникаций внутри семьи, семья принимает ребенка таким, какой он есть, ребенок идентифицирует себя с семьей, имеются и соблюдаются четкие правила и границы поведения ребенка в семье, семья поддерживает позитивный контакт со службой сопровождения.

При этом база данных должна существовать не только в компьютерном, но и в печатном варианте, что обеспечивает доступность и страховку сохранности статистических данных.

риски Отсутствие базы данных

Означает отсутствие ориентировки по результату для себя и отчета для других – начальства, клиентов, общественности.

Динамика развития детей – объективный показатель успешности проекта, поддерживающий фактор для сотрудников и аргумент для начальства. Критерии оценки, профессиональное проведение мониторинга, обработка и хранение информации, а также способность предъявить результаты в случае необходимости – свидетельство компетентности специалистов.

Стадии развития служб проекта

Логическим результатом развития любого проекта становится либо его совершенствование, либо прекращение деятельности вследствие неуспеха.

Развитие проекта представляет последовательную смену стадий:

- начальная («запуск»);
- стабильная («продуктивная»);
- распространение опыта («репродуктивная»).

На *начальной стадии (запуск)* очень важно, чтобы специалисты уже обладали хорошими знаниями и опытом работы. На последующих стадиях деятельности проекта возможен приход молодых специалистов и студентов-старшекурсников, не имеющих

трудового стажа, которые будут совершенствовать свои знания в ходе практической работы под руководством супервизора.

Очевидно, что количество устраиваемых в рамках одного проекта детей не может расти бесконечно, «пропускная» способность проекта ограничена. Однако увеличение *количества таких проектов* до уровня, адекватного потребностям детей в семейном устройстве в масштабах каждого региона и страны в целом, вполне возможно, как показывает мировой опыт. В развитых странах (Англия, Америка, Европейский Союз, в т.ч. страны Восточной Европы) нет детских домов. Есть приюты краткосрочного пребывания для детей, ожидающих семейного размещения, кризисные центры для людей, нуждающихся в реабилитации и центры социального сопровождения приемных семей.

Увеличение количества проектов, занимающихся профессиональным устройством и сопровождением детей в приемных семьях, происходит благодаря обучению новых специалистов и распространению опыта уже работающими проектами. Успешная практика – необходимое условие для преподавания в данной области.

Активно работающие проекты достигают *стабильной стадии*: режим устройства 20–30 детей ежегодно, ежеквартальные тренинги для потенциальных воспитателей, информационная кампания, сопровождение действующих приемных семей, регулярное повышение квалификации кадров и т.д. – и через 3 года после начала своей профессиональной деятельности становятся готовы к тому, чтобы обучать других. Причем такое обучение полезно не только «ученикам», но и самим преподавателям: оно позволяет обобщать и систематизировать опыт, дисциплинирует сотрудников и повышает уровень их самоуважения.

риски «Выгорание» сотрудников

Объективно тяжелый характер работы с приемными детьми и их семьями приводит к хронической эмоциональной усталости специалистов. Достигнув предельной степени, такая усталость не только лишает специалиста возможности и желания

работать, но и возможности восстановления – даже после длительного отдыха.

Важно

- Хорошо знать признаки «выгорания» и уметь вовремя распознать такого рода проблемы у сотрудников.
- Предоставлять возможность для полноценного отдыха сотрудников.
- Следить за атмосферой в коллективе, укреплять корпоративную солидарность – тренинги командообразования, праздники.
- Обеспечить регулярное переобучение и поощрение сотрудников и т.д.

На стадии *распространения опыта* порядок работы службы с клиентами (взрослые и дети) сохраняет свою *структуру*, но при этом повышается уровень *качества услуг* и возрастает *количество клиентов*:

- увеличение количества устраиваемых детей;
- расширение возрастного диапазона детей (подростки, молодые люди);
- расширение проблемного диапазона (аутисты, инвалиды, умственно отсталые и др.);
- документы и новые технологии;
- распространение опыта;
- «банк семей»;
- «опытные воспитатели» – качество устройства;
- семьи для детей с особыми потребностями (краткосрочное и срочное размещение, сиблинги из многодетных семей, дети разных национальностей и пр.).

Соответственно, увеличивается численный состав реабилитационной службы: *опытный психолог* может обслуживать не более *50 детей* из списочного состава, в т.ч. дети приемного отделения (ожидающие размещения – подготовка и реабилитация – это постоянная работа) + дети в патронатных семьях (работа по запросу, кризисные ситуации, мониторинг). Та же ситуация

с педагогами, в задачу которых входит коррекционное обучение, помощь в приготовлении уроков и индивидуальные занятия с детьми. Когда детей в проекте становится более ста, требуется второй врач.

С течением времени возникает баланс между «выпускниками» (усыновленные, уходящие под опеку, возвращенные в кровные семьи, достигшие 18-летия) и вновь поступающими детьми.

пример Проект «Наша семья» за 10 лет работы помог более чем 350 детям, при этом «среднегодовое» количество воспитанников в проекте по списочному составу не превышало 140 человек. Таким образом, если работа правильно организована, штат служб не будет разрастаться до бесконечности, а численность клиентов при этом будет увеличиваться.

Также возрастает долевая составляющая научно-методической деятельности. В том случае, если научно-методическая работа занимает до 75% рабочего времени, проект становится Методическим центром. Однако методический центр, не обслуживающий клиентов, за несколько лет превращается в формально-обучающее учреждение, достоверность материалов которого носит теоретический характер и не подтверждается актуальной практикой, что значительно снижает ценность обучения. Экспериментальная площадка и методический центр, совмещающие работу с клиентами и преподавательскую деятельность, сочетают в себе научный и практический подходы и являются наиболее гармоничной моделью для распространения опыта.

риски Преподавание неопытными специалистами

Принцип «кто умеет – работает, кто не умеет – учит» известен давно. Недостаточная компетентность преподавателя может привести к дискредитации идеи.

Специалисты, осуществляющие преподавательскую деятельность, должны обладать не только педагогическими навыками, но и успешным практическим опытом. В области семейного устройства детей только подкрепленное значительным собственным практическим опытом «научное слово» имеет вес.

риски «Атаки извне»

Безосновательные и некомпетентные нападки недоброжелателей с целью деморализовать или просто оскорбить сотрудников – ситуация достаточно частая, к сожалению. Профессиональная конкуренция или непонимание приводят к «дроблению» в среде работников социальной сферы.

Важно

- Внимание к «внешним связям», хороший контакт с коллегами в «социальной сети».
- Профессионализм сотрудников.
- Моральная готовность к подобному рода эксцессам, проведение для сотрудников тренингов по конфликтологии и «умению держать агрессию», что также необходимо в работе с некоторыми клиентами.
- Прозрачная отчетность и доказательства успеха, которые можно в любой момент предъявить публично, четкое обоснование решений в проблемных случаях и фиксация этого в документах.
- Позитивная пиар–кампания, общественно-просветительская деятельность.
- Немедленная реакция на случаи дискриминации детей и семей с привлечением внимания вышестоящих инстанций и общества.

технологии	исполнители
оценка качества работы служб (стандарты)	специалисты реабилитационной службы, руководство
мониторинг развития детей (критерии)	специалисты реабилитационной службы
обучающие программы для специалистов (тренинги и семинары)	специалисты реабилитационной службы
тренинги командообразования	специалисты «извне»
работа с синдромом «выгорания»	специалисты «извне»

Общий список документов реабилитационной службы

1. Положение о реабилитационной службе.
2. Комплексное заключение на момент попадания ребенка в проект (все специалисты).
3. Ежегодные комплексные заключения.
4. Мониторинг развития детей – в т.ч. количественный анализ данных.
5. Годовые аналитические отчеты реабилитационной службы.
6. Годовые планы работ реабилитационной службы.
7. Запрос в службу устройства в семью на каждого ребенка.
8. Заключение на момент перехода ребенка в семью.
9. Заключения по фактам возврата или изъятия ребенка из семьи.
10. Обоснование при помещении детей в семью в особых обстоятельствах (раздельное помещение братьев и сестер, дети с особыми потребностями, временные размещения или изъятия и т.д.).
11. Заключения для других организаций (суды, школы и пр.).
12. Журнал консультаций.
13. Индивидуальный «план жизни» ребенка.

Статьи для специалистов и приемных родителей

М.В. Пичугина (Капилина) Психологические проблемы детей, переживших разлуку с семьей. Рекомендации воспитателям и приемным родителям¹

Самое тяжелое событие, которое может произойти в жизни ребенка, – это утрата родителей. Когда родители умирают или их лишают родительских прав, ребенок оказывается на попечении государства, и в его судьбе принимают участие взрослые, задача которых – насколько возможно, смягчить и восполнить утрату. Эта статья адресована таким взрослым: воспитателям детских домов и интернатов, приемным и патронатным родителям, опекунам и всем тем, кому небезразличны проблемы детей-«социальных сирот».

Утрата семьи

Дети, чьи родители лишены родительских прав, переживают двойную жизненную травму: с одной стороны, это плохое обращение в родной семье и негативный жизненный опыт, с другой – сам факт разрыва с семьей. *Такую вынужденную разлуку ребенок воспринимает*

¹ Впервые опубликовано на сайте www.pro-mama.ru.

ет почти как смерть своих родителей. Традиционные представления о том, что дети «маленькие, ничего не понимают», что «им всё равно» и «они быстро всё забудут» – ошибочны. Дети точно так же, как и взрослые, чувствуют боль утраты близких отношений, но возможностей защищаться у них гораздо меньше, по сути – только один: стараться не думать о том, что с ними случилось.

Еще одно традиционное заблуждение – считать, что ребенок не может любить родителей, которые так плохо с ним обращаются. А если любит – значит, «сам ненормальный». Однако сохранение привязанности к родителям как раз является одним из признаков «нормальности» ребенка. Потребность любить и быть любимым естественна для всякого душевно здорового человека. Просто эти дети любят своих родителей не такими, какие они есть, а такими, какими они должны были бы быть: подумывая хорошее и не замечая плохое.

Детям трудно адекватно оценить причины изъятия их из семьи, и они могут воспринимать это как насилие, а представителей органов опеки – как агрессоров. Но даже тогда, когда перемещение было ожидаемым, дети испытывают страх и неуверенность, чувствуют себя зависимыми от внешних обстоятельств и незнакомых им людей. В соответствии с особенностями характера и поведения, после отобрания из семьи ребенок может быть подавлен, безучастен к происходящему или, напротив, агрессивен. Но каковы бы ни были его реакции, взрослым нужно помнить: *уход из семьи – самое значительное событие из всех, что происходили до сих пор в жизни ребенка.*

Достаточно спросить себя: «А хотели бы мы оказаться в такой ситуации? Что бы мы чувствовали, лишившись привычного окружения людей и вещей – всего того, что мы называем “своим”?». И сразу исчезают сомнения относительно того, что такое событие может расцениваться кем-либо как «хорошее», потому что «правильно» и «хорошо» – разные понятия.

Все дети из неблагополучных семей хотят, чтобы их родные родители были нормальными, заботливыми и любящими.

Разлука с семьей по своей сути является признанием того, что для данного ребенка быть любимым своими родителями – невозможно. И утрата семьи, даже если она была неблагополучной, – это

серьезная травма, которая приносит ребенку боль, обиду на родителей и на «жизнь вообще», чувство отверженности и гнев.

Привязанность и семья в жизни ребенка

«Я никому не нужен», «я – плохой ребенок, меня нельзя любить», «на взрослых нельзя рассчитывать, они бросят тебя в любой момент» – это убеждения, к которым в большинстве своем приходят дети, покинутые своими родителями. Один мальчик, попавший в детский дом, говорил о себе: «Я – лишенный родительских прав».

Привязанность – это стремление к близости с другим человеком и старание эту близость сохранить. Глубокие эмоциональные связи со значимыми людьми служат и источником жизненных сил для каждого из нас. Для детей же это – жизненная необходимость в буквальном смысле слова: младенцы, оставленные без эмоционального тепла, могут умереть, несмотря на нормальный уход, а у детей постарше нарушается процесс развития.

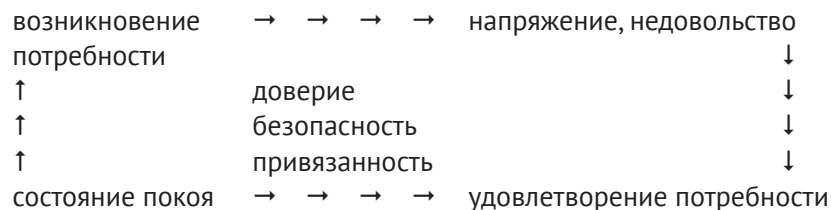
Глубокая привязанность к родителям способствует развитию у детей доверия к другим людям и одновременно – уверенности в себе. Отсутствие привязанности к конкретному взрослому дезориентирует ребенка, заставляет чувствовать свою малоценность и уязвимость.

Отвергаемые дети неблагополучны эмоционально – и это гасит их интеллектуальную и познавательную активность. Вся внутренняя энергия уходит на борьбу с тревогой и на приспособление к поискам эмоционального тепла в условиях его жесткого дефицита. Кроме того, в первые годы жизни именно общение со взрослым служит источником развития мышления и речи ребенка. Отсутствие адекватной развивающей среды, плохая забота о физическом здоровье и недостаточность общения со взрослыми у детей из неблагополучных семей приводит к отставанию в интеллектуальном развитии.

Именно родительская депривация и последствия жестокого обращения являются основной причиной диспропорционального развития детей-«социальных сирот», а вовсе не «наследственность» и не органические нарушения.

Формирование привязанности у младенцев происходит благодаря заботе взрослого и основывается на трех источниках: удовлетворение потребностей ребенка, позитивное взаимодействие и признание (по V. Fahlberg. *A Child's Journey through Placement*).

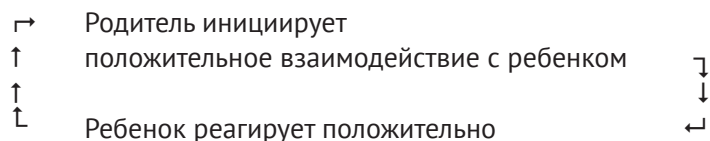
1. Цикл «возбуждение–успокоение»

Систематическая и правильная забота взрослого об удовлетворении потребностей приводит к стабилизации нервной системы младенца и уравниванию процессов возбуждения-торможения. Кроме того, благодаря правильному уходу дети учатся по реакциям взрослых распознавать свои потребности и запоминают, что нужно делать, чтобы их удовлетворить, – так формируются навыки самообслуживания. Соответственно, дети из неблагополучных семей, где нуждами детей пренебрегают, значительно отстают в навыках самообслуживания от сверстников, о которых хорошо заботились.

В младенчестве и раннем детстве (до трех лет) привязанность легко возникает в отношении того, кто постоянно ухаживает за ребенком. Однако укрепление или разрушение привязанности будет зависеть от того, как эмоционально окрашена эта забота.

2) «Круг позитивного взаимодействия»

Если взрослый тепло относится к ребенку, привязанность будет крепнуть, ребенок будет учиться у взрослого положительному вза-

имодействию с другими, т.е. тому, как общаться и получать удовольствие от общения. Если взрослый безразличен или испытывает по отношению к ребенку раздражение и неприязнь, то привязанность формируется в искаженном виде (см. ниже Типы нарушенной привязанности).

Результатом заботы о ребенке и эмоционального отношения к нему становится базовое чувство доверия к миру, формирующееся у младенца к 18 месяцам. Дети, получившие в раннем детстве опыт эмоционального отвержения, испытывают недоверие к миру и большие трудности в поддержании близких отношений.

3) Признание

Это принятие ребенка как «своего», как «одного из нас», «похожего на нас». Такое отношение дает ребенку чувство сопричастности, принадлежности своей семье. Удовлетворенность родителей своим браком, их желание иметь ребенка, семейная ситуация в момент рождения, сходство с одним из родителей, даже пол новорожденного – всё это оказывает влияние на чувства взрослых. При этом ребенок не может критически отнестись к факту признания. Нежеланные, отторгнутые своей семьей дети чувствуют себя неполноценными и одинокими, винят себя за какой-то неведомый изъян, послуживший причиной отторжения.

Основные характеристики привязанности (по Д. Боулби):

- конкретность: привязанность всегда обращена к какому-то конкретному человеку;
- эмоциональная насыщенность: значимость и сила чувств, связанных с привязанностью, включающих весь спектр переживаний – радость, гнев, печаль;
- напряжение: появление объекта привязанности уже может служить разрядкой негативных чувств младенца (голод, страх); возможность ухватиться за мать ослабляет и дискомфорт (защита), и саму потребность в близости (удовлетворение); отвергающее поведение родителей усиливает проявления привязанности ребенка («цепляние»);

- продолжительность: чем сильнее привязанность, тем дольше она длится; детские привязанности человек помнит всю жизнь;
- врожденный характер потребности в отношениях привязанности;
- ограниченность способности устанавливать и поддерживать привязанность к людям: если до трех лет ребенок по каким-то причинам не имел опыта постоянных близких отношений со взрослым либо если близкие отношения маленького ребенка разрывались и не восстанавливались более трех раз – способность устанавливать и поддерживать привязанность может разрушиться.

Потребность в привязанности – врожденная. Однако способность ее устанавливать и поддерживать может нарушиться из-за враждебности или холодности взрослых.

Типы нарушенной привязанности

Негативная (невротическая) привязанность: ребенок постоянно «цепляется» за родителей, ищет «негативного» внимания, провоцируя родителей на наказания и стараясь раздражить их. Появляется в результате как пренебрежения, так и гиперопеки.

- *Амбивалентная привязанность:* ребенок постоянно демонстрирует двойственное отношение к близкому взрослому – «привязанность-отвержение»: то ластится, то грубит и избегает. При этом перепады в обращении являются частыми, полутона и компромиссы отсутствуют, а сам ребенок не может объяснить своего поведения и явно страдает от него. Характерно для детей, чьи родители были непоследовательны и истеричны: то ласкали ребенка, то «взрывались» и били его, делая то и другое бурно и без объективных причин, тем самым лишая ребенка возможности понять их поведение и приспособиться к нему.
- *Избегающая привязанность:* ребенок угрюм, замкнут, не допускает доверительных отношений со взрослыми и детьми, хотя может любить животных. Основной мотив – «никому нельзя доверять». Подобное может иметь место либо в случае, когда ре-

бенок очень болезненно пережил разрыв отношений с близким взрослым и горе не прошло, ребенок «застрял» в нем, либо если разрыв воспринимается как «предательство», а взрослые – как «злоупотребляющие» детским доверием и своей силой.

- *«Размытая» привязанность:* так мы обозначили часто встречающуюся особенность поведения у детей из детских домов, которые ко всем прыгают на руки, с легкостью называют взрослых «мама» и «папа», но так же легко отпускают. То, что внешне выглядит как неразборчивость в контактах и эмоциональная прилипчивость, по сути представляет собой попытку добрать качество за счет количества. Дети стараются хоть как-нибудь, хотя бы в сумме от разных людей получить то тепло и внимание, которое им должны были дать близкие.
- *Дезорганизованная привязанность:* эти дети научились выживать, нарушая все правила и границы человеческих отношений, отказываясь от привязанности в пользу силы; им не надо, чтобы их любили, – они предпочитают, чтобы их боялись. Характерно для детей, подвергавшихся систематическому жестокому обращению и насилию и никогда не имевших опыта привязанности.

Если вышеприведенные особенности наблюдаются у детей, разлученных со своими семьями, надо учесть, что для первых четырех групп детей требуется помощь приемных семей и специалистов, для пятой группы – прежде всего внешний контроль и ограничение разрушительной активности, а затем уже реабилитация.

Этапы переживания горя и потери

Разлука с семьей, даже неблагополучной, – для ребенка утрата, которая сопровождается процессом переживания горя.

Боль и потеря – реальные составляющие жизни. Дети, теряющие семью, узнают об этом слишком рано. Подобная травма оказывает разрушительное воздействие на все уровни жизнедеятельности – физический, психологический, социальный.

Процесс переживания горя – процесс довольно длительный (около года), особенности его протекания и проявлений носят индивидуальный характер, однако *структура* и последовательность стадий являются общими для всех людей независимо от возраста, пола и культурной принадлежности.

Основная сложность при работе с детьми состоит в том, что у них нет моделей поведения в скорби: они не знают, что должны делать и чувствовать. Кроме того, их опыт не позволяет понять, что утрата означает полную перемену жизни, отсутствие изо дня в день и навсегда того тепла и защиты, которые давали отношения с ушедшим человеком (или людьми). Облечь свои переживания в слова дети тоже не могут. Они как бы «замирают», и их поведение может выглядеть таким же, как всегда, – что сбивает с толку взрослых, ошибочно полагающих, что «дети не понимают» или «им все равно».

Поэтому вначале мы приведем обычную последовательность стадий переживания горя, а затем подробно остановимся на особенностях переживаний детей, перемещенных из семьи в учреждение или приемную семью.

По изменению *силы чувств* и *степени контроля над ситуацией* процесс переживания горя подразделяют на следующие стадии:

1. Начальная (шок) – оцепенение, тревога, отрицание.

Кратковременная стадия, когда ошеломление нарушает восприятие реальности, происходит своего рода «отключение» чувствительности – эмоциональной и физической. Длится от нескольких минут до 2–3 недель. В это время человек не чувствует душевной боли за счет защитной реакции психики – «диссоциации», зато характерны вегетативные реакции тревоги: сердцебиение, напряжение мышц, потение, сухость во рту, нарушения сна и аппетита, желудочные расстройства. На интеллектуальном уровне возникают реакции отрицания («не верю», «может, он оживет», «ничего не случилось»): человек *уже знает, но не в состоянии понять*, как такое могло произойти. Повышенный мышечный тонус может приводить к гиперактивности как к форме отрицания: избегание психической нагрузки путем изменения физического состояния (убегание, драки, мастурбация, алкоголь и наркотики).

Если человек «застрял» на стадии отрицания более чем на 3–6 месяцев, требуется помощь специалистов.

2. Острая (дезорганизация) – амбивалентность, боль и отреагирование, поиск, агрессия, отчаяние, утомление, нарушения регуляции деятельности.

В этой фазе горе обрушивается на человека всей тяжестью. Чем большее место в его жизни занимала потеря – тем труднее ему в этот период, длящийся от двух месяцев до года.

Возникают сильные переживания тоски и муки, связанные с необходимостью отказаться от привязанности и одновременно желанием удержать ее. В человеке как бы борются две реальности: реальность любви и реальность смерти. Боль и попытки ее утолить вызывают специфическую реакцию *поиска*:

- постоянные всепоглощающие мысли об ушедшем;
- поиск мест его бывшего присутствия и ожидание возможной встречи в какой-либо форме;
- нецеленаправленная беспокойная деятельность («занять время ожидания»);
- Постоянное столкновение надежды с реальностью утраты постепенно подтверждает ее бесповоротность. Протест против факта потери, против вызванной этим боли, гнев на ушедшего, поиск «виноватых» и причин происшедшего, враждебность к тем, кто пытается помочь, и ненависть к себе – характерные признаки *подстадии острого аффекта*.

Очевидно, что эффективно работать и учиться в это время невозможно. *Расстройство деятельности* отмечается также на бытовом уровне, страдают не только высшие психические функции, – мышление, внимание, память, – но и физические процессы на уровне нарушения автоматизмов. Затем наступает спад эмоционального напряжения, изнеможение и апатия:

- снижение физической активности (упадок сил);
- мотивационные нарушения (всё теряет смысл по сравнению с горем);
- интеллектуальные проблемы (аффект тормозит интеллект).

В эмоциональном плане изнеможение выражается *депрессией*, утратой интереса к жизни, незащищенностью и безнадежностью.

Сочетание отчаяния и утомления может привести к появлению мыслей о самоубийстве как способе покончить с болью и воссоединиться с ушедшим.

Если на стадии шока важна физическая забота, то на стадии острого горя необходимо находиться рядом с человеком, оказывать эмоциональную поддержку (в т.ч. возможна работа с медиками и психологами) и помощь в организации дел. Если адаптация к потере не происходит более года и признаки острого горя не смягчаются, участие специалистов становится обязательным.

3. Утихающая (реорганизация) – восстановление.

В это время происходит свыкание с потерей: человек способен вновь войти в жизнь, которая принимает в расчет утрату, но не заполнена ею целиком. Важное значение для прохождения этой стадии имеет нахождение смысла в утрате, чтобы соотнести ее со своим пониманием жизни, Бога или добра.

Происходит осознание того, что наихудшее случилось, человек принял это и уцелел, и теперь снова готов жить и расти – с памятью об ушедшем и ради него.

Признаки реорганизации:

- меньше слез;
- возврат физической активности и интереса к жизни;
- сосредоточение на настоящем и будущем, а не на прошлом;
- появление положительных эмоций, повышение эмоциональной экспрессии;
- восстановление самооценки;
- чувство защищенности.

Способность ребенка справляться со стрессом зависит от следующих факторов:

- социальное и эмоциональное благополучие ребенка в момент травмы;
- опыт привязанности и близких отношений с другими взрослыми;

- присутствие и забота близких ребенку людей в момент травмы;
- индивидуальная динамика переживаний и способы отреагирования.

Способы отреагирования и снятия напряжения в стрессе (по Мерфи и Моризэ):

- удаляться в безопасное место;
- отойти от окружающих на некоторое время, чтобы «прийти в себя»;
- использовать различные приемы для успокоения самого себя;
- отреагировать с помощью символических игр и фантазии.

Личностные характеристики, помогающие пережить стресс:

- активность и самостоятельность ребенка;
- самоуважение и вера в себя;
- уживчивость и способность обращаться за помощью, когда это необходимо;
- гибкость и способность приспосабливаться к новому;
- ответственность за кого-то, кроме себя.

Для ребенка отчуждение от родной семьи начинается не в момент изъятия, а в момент помещения в новую семью или учреждение. Дети начинают чувствовать себя отличающимися от обычных детей – тех, которые не лишились семьи. Осознание этого может проявляться по-разному. Этим, по-видимому, объясняется тот факт, что многие адаптирующиеся к новым жизненным условиям дети начинают заметно хуже вести себя в школе и внезапно становятся мрачными и агрессивными.

Отрицание

Главная особенность поведения ребенка на этой стадии состоит в том, что он бессознательно не воспринимает потерю. Такой ребенок может быть послушен, даже весел, вызывая удивление у взрослых: «ему всё нипочем». Для вновь принятых в семью детей это может

означать, что они привыкают не выражать болезненные чувства, обращаясь к опыту прошлого. Они живут, изо всех сил стараясь не думать о том, что произошло, плывут по течению. Но такое состояние тянется не долго – либо последует «взрыв», когда переживания нахлынут, либо начнутся соматические и поведенческие проявления вытесняемых переживаний: рассеянность, частое впадение в прострацию, расстройство учебной и любой другой деятельности, требующей сосредоточенности и логики (глобальные расстройства внимания и интеллектуальные нарушения – «аффект тормозит интеллект»), капризы и слезы «без повода», ночные кошмары, расстройства желудочно-кишечного тракта и сердечной деятельности и т.п.

Стадия гнева и смещения чувств

Эта стадия характеризуется появлением сильных, иногда взаимоисключающих эмоций. Жить с чувствами, вызывающими тревогу и беспокойство, ребенку сложно и тяжело. Дети в этот период чрезвычайно чувствительны, и они особенно нуждаются в помощи, чтобы эти подавленные чувства не нанесли вреда. Дети испытывают следующие эмоции, причем иногда все сразу.

тоска Это чувство может вызвать у детей стремление увидиться с членами родной семьи и повсюду их разыскивать. Нередко утрата обостряет привязанность, и ребенок начинает идеализировать даже тех родителей, которые обращались с ним жестоко.

злость Это чувство может проявляться против чего-то определенного или быть самодовлеющим. Дети могут не любить себя, порой даже ненавидеть, потому что они были отвергнуты оставившими их родителями, несчастливой судьбой и т.д. Они могут гневаться на «предавших» их родителей, на «разлучников» – милицию и детский дом, которые «вмешались не в свое дело, – наконец, на приемных воспитателей как на узурпаторов родительской власти, которая им не принадлежит.

депрессия Боль потери может вызвать чувство отчаяния и потерю уважения к себе. Помогая принятому в семью ребенку выразить свою печаль и понять ее причины, воспитатели помогают ему тем самым преодолеть состояние стресса.

вина Это чувство отражает реальное или предполагаемое отвержение или обиду, причиненную потерянными родителями. Даже у взрослых людей боль может ассоциироваться с наказанием за что-то. «Почему это случилось со мной?», «я – плохой ребенок, со мной что-то не так», «я не слушался родителей, плохо помогал им – и меня забрали» – такие и подобные им утверждения высказывают дети, лишившиеся родителей. Суть происходящего в том, что ребенок в попытке осмыслить ситуацию ошибочно принимает ответственность за происшедшее на себя. С другой стороны, он может также чувствовать вину из-за собственных чувств, например, из-за того, что он любит приемных родителей и наслаждается материальным комфортом, в то время как его родители живут в бедности.

тревога В критических случаях она может перерасти в панику. Принятый в семью ребенок может бояться отвержения приемными родителями или испытывать иррациональный страх за свое здоровье и жизнь, а также за жизнь приемных воспитателей и/или родных родителей. Некоторые дети боятся, что родные родители разыщут их и заберут (в тех случаях, когда ребенок сталкивался с жестоким обращением в родной семье, а к новой семье искренне привязался) и т.д.

В целом, в период адаптации к приемной семье и свывкания с потерей поведение ребенка характеризуется противоречивостью и неуравновешенностью, присутствием сильных чувств (которые могут подавляться) и расстройством учебной деятельности. Обычно адаптация происходит в течение года. На протяжении этого периода воспитатели могут оказать существенную помощь ребенку, и это послужит «цементом», скрепляющим новые отношения. Однако, если какие-либо из перечисленных выше проявлений сохраняются на более долгий срок, имеет смысл обратиться за помощью к специалистам.

Рекомендации воспитателям

Определенность: ребенку важно знать, что будет дальше, какие порядки там, куда он попал. Постарайтесь заранее рассказать ребенку о других членах вашей семьи, показать их фотографии. Покажите ребенку его комнату (либо часть комнаты), его кровать и шкаф, куда он может сложить личные вещи, объясните, что это – его пространство.

Спросите, хочет ли он теперь побыть один или с вами. Старайтесь все время кратко, но внятно рассказывать ребенку о том, что будет дальше происходить: «Сейчас мы покушаем и ляжем спать, а завтра еще раз посмотрим квартиру, сходим погулять во двор и в магазин».

утешение Если ребенок подавлен и проявляет другие признаки горя, постарайтесь мягко обнять его и скажите о том, что вы понимаете, как грустно расстаться с теми, кого любишь, и как бывает тоскливо в новом, незнакомом месте, но так грустно ему будет не всегда. Подумайте вместе, что могло бы ребенку помочь. Важно: если ребенок расплакался – не останавливайте его сразу. Побудьте с ним вместе, и через некоторое время успокойте: если слезы есть внутри, лучше их выплакать.

физическая забота Узнайте, что любит ребенок из еды, обсудите с ним меню и по возможности учитывайте его пожелания. Последите, чтобы ночью в коридоре горел ночник, и если ребенок боится темноты – то и в его комнате тоже. Укладывая спать, посидите с ребенком подольше, поговорите с ним, поддержите за руку или погладьте по голове, если возможно – подождите, пока он уснет. Если ночью вам кажется, что ребенок, даже не маленький, плачет, – обязательно зайдите к нему, но не включайте свет, чтобы не смутить. Тихонько посидите рядом, попробуйте поговорить и утешить. Малыша можно просто обнять и даже остаться с ним на ночь (в первое время). Важно: будьте внимательны, если ребенок напрягается от физического контакта, выразите свое сочувствие и заботу просто словами.

инициатива Иницилируйте положительное взаимодействие с ребенком, проявляйте первыми внимание и заинтересованность его делами и чувствами, задавайте вопросы и выражайте тепло и участие, даже если ребенок кажется равнодушным или угрюмым. Важно: не ждите ответного тепла сразу.

воспоминания Ребенок может захотеть поговорить о том, что с ним было, о своей семье. Важно: отложите, если возможно, свои дела на потом, или выделите специальное время, чтобы поговорить с ребенком. Если его рассказ вызывает у вас сомнения или смешанные чувства, помните – ребенку важнее быть внимательно выслушанным, чем получить совет. Просто представьте, что мог переживать

ребенок тогда и что он чувствует во время разговора с вами, – и посочувствуйте этому.

памятные вещи Фотографии, игрушки, одежда – всё это связывает ребенка с прошлым, является материальным воплощением значительной части его жизни. Важно: каждый ребенок, переживший разлуку или утрату, должен иметь что-то на память, и недопустимо выбрасывать это, тем более без его согласия.

помощь в организации дел Дети часто чувствуют себя растерянными в новом месте и при таких серьезных изменениях в своей жизни. Вы можете обсуждать и планировать их дела вместе, давать им конкретные советы по поводу какой-либо деятельности, писать записки-памятки и т.д. Важно: поддерживать ребенка, если он злится на себя за свои промахи: «то, что происходит с тобой, – нормальная реакция на ненормальные обстоятельства», «мы справимся вместе» и т.д.

В характере вашего приемного ребенка могут быть черты, про которые вы смело можете сказать: «Это уже не его горе, а мое!». Пожалуйста, помните, что исправить все сразу нельзя. Сначала ребенок должен привыкнуть к вам, принять изменения в своей жизни – и только потом он будет меняться сам.

Большинство детей, чей опыт жизни в семье не был катастрофическим и чье доверие к взрослым подорвано не окончательно, ждут новую семью как средство исцеления от одиночества и покинутости, с надеждой на то, что в их жизни все еще будет хорошо.

Однако простого перемещения в новую ситуацию и помощи в переживании утраты не всегда достаточно для того, чтобы «новая» жизнь сложилась хорошо: прошлый опыт, навыки и страхи остаются с ребенком.

Нарушенная идентичность

Идентичность можно определить как знание того, из каких разных частей состоит наша личность; это принятие себя, необходимое

для того, чтобы успешно продвигаться по жизни с ощущением собственной целостности.

Сумма знаний о себе как результат анализа собственного жизненного опыта концентрируется в виде ответов на вопросы «Кто я?», «Какой я?». Но отношение к этому знанию, принятие себя возникает благодаря соотносению с системой социальных координат, нормами и ценностями той семьи и того общества, в котором живет человек. Рождаясь, ребенок физически отделяется от матери. Однако вплоть до подросткового возраста семья служит «психологической утробой», эмоционально питая и защищая ребенка.

У ребенка чувство «я» вырастает из чувства «мы», и для него вопрос «Кто я?» по сути означает «Чей я?». Ощущение принадлежности – это альтернатива одиночеству, источник жизненных сил: «Я – их, я нужен, меня любят – я есть».

Принадлежность семье не только определяет самовосприятие, но и задает вектор направления жизненного пути: «Откуда я?» – «К чему я иду?».

Дети – «социальные сироты» оказываются в ситуации чрезмерно ранней социальной эмансипации от семьи, и их психологическая жизнеспособность не выше физической жизнеспособности ребенка, родившегося значительно раньше срока.

Разлука с семьей приводит не только к разрыву отношений привязанности, но и к перемене социального и психологического статуса. С утратой основных ориентиров (семья и ближайшее окружение) нарушается восприятие себя и собственной жизни – оно приобретает неустойчивый и фрагментарный характер, в результате чего создается ощущение неадекватности. При этом положение детей из неблагополучных семей оказывается более выигрышным, чем у детей из домов ребенка: даже плохая реальность лучше, чем совсем ничего. Мальчик-подросток, от которого отказались в роддоме, не имевший сведений о своей матери и предыдущих поколениях, выразил свои переживания так: «Я потерялся в космосе».

Знание о своих предках и своей семье – «чувство корней» – помогает человеку понять, каково его место в истории этой семьи и в

жизни в целом; будучи тесно связано с понятиями «долг» и «смысл жизни», оно позволяет определить жизненные задачи и осознать значимость собственного жизненного пути.

Сохранение важных для ребенка связей с другими людьми, допустимых привычек, личных, в том числе памятных, вещей, восстановление жизненной истории самого ребенка и сбор сведений о его семье (составление «Книги жизни») частично смягчают боль потери и способствуют формированию идентичности.

При этом необходимо помнить, что идентичность ребенка несет в себе как положительные, так и отрицательные черты его кровной семьи. Этим объясняется частое стремление к воспроизведению детьми *поведенческих моделей*, принятых в кровной семье. Дело не только в научении («все мы склонны поступать с другими так, как когда-то поступали с нами»), но и в своеобразном подтверждении лояльности, верности своей родной семье со стороны ребенка. Дети, разлученные с родителями, которых они помнят, страдают не только от разлуки, но и потому, что не получили «родительского благословения» на свой дальнейший путь, разрешения жить счастливо и убеждения в том, что они не виноваты в разрыве с семьей.

Обычно требуется специальная терапевтическая работа для того, чтобы отделить любовь к кровным родителям от стремления «следовать за ними». Ребенок не может судить своих родителей, сохранение уважения к ним и благодарности за свою жизнь – естественное и необходимое чувство, отсутствие которого ведет к глубоким психологическим проблемам. Но это не значит, что ребенок должен повторять их ошибки. Именно из любви к своим родителям ему предстоит научиться справляться с трудностями и добиваться успеха, строить свою жизнь и отношения с людьми – иными словами, сделать то, чего хотели, но не смогли родители.

Часто встречающееся заблуждение заботящихся о ребенке взрослых – «он ненавидит своих родителей». На самом деле ребенок, обвиняющий родителей и ругающий их, «застрял» в фазе острого аффекта переживания утраты, и это препятствует его дальнейшему личностному развитию и отношениям с людьми. То, что по-настоящему

нужно ребенку в такой ситуации, – это помощь взрослых в том, чтобы отреагировать свой гнев приемлемым образом и перейти к стоящей за ним потребности в родительской любви, постоянстве и заботе.

Очевидно, что никакая терапия не сможет эффективно помочь, если одновременно с ней в жизни ребенка не появится новая семья.

Опыт показывает, что позитивные изменения в поведении ребенка происходят постепенно, и вопрос времени – очень серьезный. Достаточно помнить, сколько времени ребенок «учился жизни» в кровной семье, чтобы не ждать от него быстрых результатов. Принятие личности ребенка, укрепление привязанности с ним, терпеливое поощрение развивающихся положительных черт, поддержка и предоставление альтернативных, социально адекватных моделей поведения постепенно приводят к тому, что новый опыт усваивается и начинает приносить плоды.

Самый болезненный для приемных родителей вопрос – контакты с кровными родственниками. Неприятие кровной семьи, ревность и страх того, что «они» могут «отнять» ребенка – обычные в таких случаях переживания. Однако восстановление в родительских правах – дело уникальное, а если ребенок привязан к приемной семье (мнение детей в суде учитывается) – практически невозможное. Если же речь идет о *временном* изъятии ребенка из родной семьи – то контакты абсолютно необходимы. В то же время многие дети хотят знать (и имеют на это право), что происходит с их родителями, живы ли они. Если ребенок не видит кровных родителей и ничего не знает о них, он начинает думать, что не имеет для них никакого значения, а это очень тяжело. Кроме того, некоторую информацию о ребенке можно получить лишь от его родных родителей и других родственников. Дело социальной службы – обеспечить безопасность и приемлемый для новой семьи ребенка порядок этих контактов. Исключение составляют лишь случаи угрозы жизни ребенка со стороны кровной семьи.

Дети, разлученные с семьей: разница между знанием о собственной ситуации – и пониманием ее. Помощь детям, растущим в условиях замещающей заботы, по восстановлению идентичности. Постоянство и непрерывность.

Настоящее: разделение чувств и предоставление стабильности

- Объяснение ребенку необходимости перемещения приемлемым образом («правда не должна уничтожать»).
- Сообщение о том, что будет происходить в ближайшее время и что планируется в будущем.
- Работа с возникающими эмоциональными проблемами. Признание страха, тревоги ребенка, его печали о людях, оставленных позади, и неуверенности по поводу будущего.
- Предоставление конкретного места и наличие конкретного заботящегося лица в настоящий момент.
- Сохранение имени и фамилии, любимых вещей и допустимых привычек (еда, одежда, жизненный уклад).

Прошлое: осмысление и принятие

Обеспечение информацией о прошлом (каждый ребенок в соответствии с обстоятельствами и возрастом должен представлять, кто он, каково его происхождение, где и когда он родился, где прежде жил, кто его биологические родители и где они сейчас, а также информацию о других родственниках).

- «Книга жизни» – материальные свидетельства о прошлом: фотографии самого ребенка прежде и теперь, значимых людей и мест, записи и т.д. Акцент – на успехи, положительные события. Негативные события также обозначаются, но сдержанно.
- Контакты, насколько это уместно, с кровной семьей и прежними знакомыми.
- Выяснение того, как именно ребенок объясняет расставание с семьей. Проблема ответственности и контроля. Работа с чувствами вины и потери. Прояснение разницы между любовью к родителям и принятием их плохого обращения с собой как «правильного».
- Помощь ребенку в том, чтобы понять связь между имеющимися проблемами в настоящем (замешательство / депрессия / агрессия) и прошлым травматическим опытом.
- Нахождение ресурсов и сильных сторон в прошлом и настоящем ребенка.

«Книга жизни» (по В.Фалберг)

Особенность прошлого детей из неблагополучных семей состоит во фрагментарном характере, «выпадении» целых периодов жизни – некоторые из них дети не помнят в силу раннего возраста, а некоторые «вытеснены» как что-то ужасное. Патронатная семья может помочь ребенку, воссоздавая «линию жизни» в специальном альбоме воспоминаний. Там могут быть сохранившиеся или добытые у родственников ребенка фотографии, записи рассказов самого ребенка и других лиц о нем, рисунки, иллюстрирующие какие-то события, лист с наложенными одна на другую «обводками» контура руки ребенка в разных возрастах и т.д. Для сбора информации используются воспоминания самого ребенка, материалы из личного дела, беседы с членами кровной семьи и другими людьми, знавшими ребенка и его семью раньше: соседями, работниками социальных учреждений (поликлиника, детский сад, школа, дом ребенка и т.д.) Важны любые сведения о прошлом, факты и комментарии патронатных воспитателей к ним – о чувствах самого ребенка в связи с этими фактами, об их личном отношении, сопереживании ребенку в связи с тем, что излагается. Благодаря комментариям воспитателей и их поддержке у ребенка формируется более позитивный взгляд на свою жизнь и на себя самого.

Установление хронологической последовательности событий жизни ребенка, постепенное заполнение «пробелов» путем воссоздания утраченного и выявления неизвестных фактов, осмысление и переоценка значимых ситуаций, поиск положительного ресурса в судьбе ребенка – основные задачи такой работы.

Будущее: цели и перспективы

- Признание различия между биологическим и психологическим родительством без оценивания этого различия.
- Помощь в построении моделей будущей самореализации, включая возможность последующего воссоединения с кровной семьей.

Адаптация ребенка в замещающей семье

Дети, разлученные с кровной семьей и помещенные в приемную семью, сталкиваются с проблемой разрыва близких отношений и необходимостью формирования новых привязанностей. Вышеприведенное описание процесса свывкания с утратой отражает прежде всего внутренние переживания. При этом существует четкая динамика в процессе проработки внешних отношений с теми людьми, которые заботятся о ребенке и волею обстоятельств становятся для него самыми близкими, в той или иной степени заменяя родителей.

Опыт показывает, что адаптация ребенка к новой семье происходит *примерно в течение года и условно делится на три стадии.*

Первую стадию можно было бы назвать *стадией идеализированных ожиданий* – причем как у ребенка, так и у приемной семьи. Каждая из сторон полна надежд и старается понравиться другой. Примерно через месяц трудности реальных отношений разрушают образ «сбывшейся мечты», наступает первый кризис: привязанность ребенка к старой семье еще сохраняется, а к новой пока не сформировалась, привыкание к смене требований и правил является для него трудным и вызывает протест. В результате возникают «установочные конфликты», которые являются естественной частью приспособления семьи и ребенка друг к другу.

Часто в первые дни после размещения дети требуют, чтобы их отвезли обратно в детский дом. Подобное желание может быть продиктовано смесью разных чувств. Это и боязнь полной зависимости от малознакомых людей, и стремление сохранить контроль над ситуацией («я сам решаю, где мне быть» – потребность в безопасности), и проверка отношений («действительно ли я вам так нужен, что вы сможете меня удержать»); наконец, ребенок просто может соскучиться по людям, которые заботились о нем. Обычно мы советуем родителям уточнить у ребенка, хочет ли он съездить в гости или «насовсем», потом предложить подумать до утра, а утром сказать ему, что «теперь твой дом – здесь, и мы хотим, чтоб ты жил с нами, но удерживать тебя насильно не станем». Если ребенок маленький, достаточно сказать: «Ты теперь живешь с нами, и мы тебя никуда не

отдадим, а в детский дом мы съездим в гости через несколько дней, чтобы навестить твоих друзей и показать им твои новые фотографии».

«Установочные конфликты», поначалу нарастая и учащаяся, после какого-то основательного кризиса и «разборок» постепенно становятся реже, и возникают только по значительным поводам. Так наступает *стадия вживания*, или собственно *адаптации*. Происходит простраивание границ допустимого, привыкание к взаимным потребностям и особенностям, привычкам и правилам поведения. Кроме того, на этой стадии фактически формируется привязанность к новой семье. Вспышки негативного поведения в это время могут иметь следующие причины:

- Дети, пережившие утрату семьи, боятся повторения этого и в новой, приемной семье. Иногда они провоцируют воспитателей на разрыв, демонстрируя своим поведением двойственность – привязанность и отвержение одновременно, поскольку это именно то, что они пережили в своем опыте.
- Они колеблются между надеждой и страхом быть обманутыми снова, пытаются контролировать возникающие у них теплые чувства, поскольку знают, как взрослые могут злоупотреблять своей властью.
- Вспышки негативного поведения могут быть частью процесса отреагирования утраты кровной семьи, ребенок может тосковать и злиться.
- Дети таким образом могут демонстрировать, чему они научились в родной семье, свои представления о том, как надо себя вести.
- Дети проверяют, до каких пределов они могут пойти в своем плохом поведении, сохраняя принятие со стороны взрослых.

У таких детей очень много оснований для того, чтобы вести себя «плохо», и это становится дополнительной нагрузкой для воспитателя, осложняющей появление у него привязанности к ребенку. Поэтому очень важно:

- не ждать быстрых результатов;
- сосредоточиться на изменениях к лучшему, замечать и ценить их;
- обращаться за помощью к социальным работникам и специалистам, не боясь показаться «некомпетентными».

Необходимо сказать, что на этом этапе (в отличие от начальной стадии) заботящиеся взрослые уже больше знают ребенка, начинают лучше понимать его и чувствуют себя более уверенными. Ребенок, в свою очередь, начинает дорожить семьей (или семейной группой), уже не думает всерьез об уходе и больше доверяет воспитателям. Ощущение контакта с ребенком, взаимное понимание и теплые чувства – все это появляется по мере решения проблем.

Главное достижение этой стадии, длящейся обычно чуть более полугода, – взаимное доверие и субъективное ощущение постоянства отношений, появляющееся у обеих сторон, которые начинают воспринимать себя как целостность.

Таким образом, наступает некое *равновесие*, которое представляет собой *третью стадию* адаптации в семье, принявшей ребенка. В этот период семья становится достаточно самостоятельной, реже обращается за помощью к специалистам. Дети обычно начинают активно интересоваться своим прошлым, много вспоминают и даже сочиняют, беря за основу настоящее: «а мы с мамой тоже в цирк ходили, каждый месяц!», «а у нас тоже машина была» и т.п. Желаемое и действительное, помноженное на особенности детского восприятия, смешиваются в этих рассказах, суть которых сводится к следующему: ребенок нуждается в создании приемлемого варианта своего прошлого. В обычных семьях этой цели, как уже говорилось, служат устные «предания», воспоминания родственников, фотоальбомы и т.п. Новая семья может помочь ребенку, воссоздавая «линию жизни» в специальном альбоме воспоминаний. Обычно дети с большим интересом и благодарностью воспринимают составление такой «Книги жизни», и это укрепляет их положительные отношения с воспитателями.

Литература

Fahlberg V. A Child's Journey through Placement. 1990.

Боулби Д. Привязанность.

Диррегров А. Скорбь ребенка.

Работа детского дома №19 г. Москвы как уполномоченной службы органов опеки и попечительства» (сборник). – М.: 2001.

Л.В. Петрановская, М.В. Пичугина (Капилина) Чего обычно боятся приемные родители?¹

Когда люди хотят принять в свою семью ребенка, они руководствуются самыми добрыми чувствами и намерениями. И эти добрые побуждения в процессе принятия решения попадают на «одну чашу весов». А на «другой чаше весов» оказываются как социальные стереотипы (мифы) в отношении детей из детских домов (см. «15 мифов о детях из детского дома» на сайте www.pro-mama.ru), так и вполне реалистичные опасения.

Какие из этих страхов напрасны, а чего все же стоит опасаться? И главное: что делать, чтобы опасения не сбылись? Об этом и будет разговор в статье.

Начнем с того, что бояться и тревожиться в переломный момент своей жизни (а появление нового члена семьи, хоть родного по крови, хоть нет, – это именно такой момент), – нормально и даже правильно. Психологи проводили исследования, которые показали, что у тех беременных женщин, которым часто снились тревожные сны, роды проходили более благополучно. Возможно, потому, что женщина из-за тревоги относилась к себе более ответственно, готовилась к появлению ребенка. Наш многолетний опыт показывает примерно то же самое: как раз у абсолютно самоуверенных и не испытывающих тревоги приемных родителей проблемы бывают чаще – а те, что боятся, переживают, но все равно делают, рано или поздно справ-

ляются с любыми трудностями. Так что бойтесь за здоровье, главное – не позволяйте страху вас парализовать, старайтесь больше узнать и судить непредвзято, не попадая во власть мифов и стереотипов.

В конечном итоге все многообразные страхи приемных родителей можно разделить на две основные группы:

1. *Страхи «про ребенка».* Они могут звучать так: «У него плохие гены», «Он вырастет плохим (необразованным, испорченным) человеком», «Все мои усилия будут напрасны», «Он повторит судьбу своих кровных родителей».

2. *Страхи «про отношения».* «Он (она) не будет меня любить (бросит)», «Я не смогу его полюбить», «Мы никогда не станем друг другу родными», «Он скажет когда-нибудь: ты мне не мать!».

Для многих родителей две эти группы в конечном итоге сливаются в одном всеохватном чувстве страха: «Я не справлюсь, я окажусь плохим родителем».

Мы постарались добросовестно рассмотреть эти два «куста чертополоха», отравляющих жизнь приемным родителям – и не только в период принятия решения, но и потом, во время совместной жизни с ребенком. В основе наших размышлений – работа со многими замещающими семьями, которые обрели доверие своих приемных детей и близость с ними, невзирая на все трудности. И научились просто жить со своим ребенком – радоваться его успехам и его человеческой неповторимости, хрупкой гармонии взаимоотношений, которую не надо (и невозможно!) сравнивать с чьими-то еще мирами. Иными словами – научились быть семьей.

Кроманьонцы мы или кто?

Итак, куст первый. В основе большинства перечисленных страхов лежит от природы присущее человеческим (и вообще живым) существам чувство опасности перед чужим, не принадлежащим к своей семье (прайду, стае). Кто его знает, чего от чужого ждать... Скорее все-

¹ Впервые опубликовано на сайте www.pro-mama.ru.

го, ничего хорошего. Опять-таки: конкурент, претендует на еду, территорию. Лучше его прогнать поскорее. Все это заложено в нас на уровне генетической программы, винить тут себя совершенно не за что. Вопрос в том, что нам с этой программой делать. Мы все-таки люди, даже вроде бы разумные (есть такая гипотеза – непроверенная).

Согласно другой гипотезе, неандертальцы, например, именно потому и выродились, что не сумели преодолеть этой биологической программы и не стали вступать в браки с представителями других племен. Наши же непосредственные предки, кроманьонцы, как-то эту задачу решили, сумели свой страх перед чужим обуздать – и вот потому мы сейчас здесь, Интернетом пользуемся.

Однако у современного человека есть и свои основания для неприятия чужого. Грустно, но факт, что дети становятся приемными после того, как остались без собственных родителей, стали сиротами. А в наше время они обычно становятся социальными сиротами – то есть оказываются одинокими не по воле злого рока, а по причине алкоголизма, жестокости, безответственности и прочего подобного поведения их собственных папы и мамы. Иначе говоря, эти дети для большинства приемных родителей – еще и представители другого социального слоя, с другими представлениями о том, как надо растить детей, как себя вести, ради чего и как жить и т.п. Как говорится, «два мира – два образа жизни». Пока он маленький и послушный, про это не думается. А как только дитя в первый раз выпьет пива или накрасит губы – тут-то этот страх волной и накроет. И в голову не придет ведь здравая мысль: «Это возраст такой». Мысли будут примерно такие: «Все, это наследственность. Он уже спивается. Она уже начала становиться проституткой».

Давайте попробуем успокоиться и разобраться в теме подробнее.

Что можно сделать?

- Не терять головы.
- Избегать предвзятости в суждениях.
- Больше доверять своим чувствам «здесь-и-сейчас», в сегодняшнем общении с ребенком, а не страхам «что может быть потом».

Наследственность, или как Мичурин получил сотрясение мозга

Кстати, помните, как? Предание гласит, что полез на дуб за арбузом – а тот ему на голову упал. Шутки шутками, а этот анекдот в чем-то очень точно описывает страхи приемных родителей перед наследственностью. Ведь в самом деле – ребенок-то зачат и рожден, а может быть, и воспитывался несколько лет другими людьми. Этого факта мы изменить не можем. В этом смысле, что ни делай, он всегда будет «арбузом на дубе». А ну как сорвется с неродной ему ветки – да по голове?

«Плохая наследственность» – самое распространенное, практически «универсальное» объяснение любым трудностям, возникающим в процессе воспитания приемного ребенка. И самое опасное. Потому что «наследственность» – то, что изменить нельзя. То, что не дает шанса ни ребенку, ни родителям. А значит, заставляет опускать руки и отчаиваться, вместо того чтобы решать проблемы. Ссылаясь на плохую наследственность, мы, по сути, отталкиваем ребенка от себя, отказываем ему в праве меняться.

Объяснение это и самое несправедливое, поскольку употребляется гораздо чаще не к месту, ложно. Ведь сегодня все знают, что есть какие-то гены, но что именно от них зависит и как это проявляется – мало кто себе представляет.

Строго говоря, «наследственность» – это потенциал. То, насколько этот потенциал – как отрицательный, так и положительный! – реализуется, зависит от среды, а значит, от семьи, в которой ребенок растет. Соотношение факторов *среды* и *наследственности* – «50 на 50». В каких-то областях оно сдвинуто в одну сторону (например, цвет волос полностью задан генами), в каких-то – в другую (так, будут ли волосы чистыми и аккуратными, зависит только от обстоятельств и действий самого человека). Самое же главное в жизни – желание и умение работать, вера, ценности, способность любить и заботиться – уж точно не от наследственности зависит.

С другой стороны, гены – это всегда в большой степени лотерея (кстати, и в случае с родными детьми тоже). А вдруг ваш приемный

ребенок окажется наделен от природы талантами и качествами, которые в вашей семье не представлены?

На самом деле проблемы в развитии детей-сирот связаны в гораздо большей степени с травмой отрыва от семьи и родительской депривацией, чем с наследственностью. Именно отсутствие достаточной заботы и эмоционального контакта с близким взрослым (в некоторых случаях – жестокое обращение) в раннем детстве являются основной причиной диспропорционального развития таких детей – а не пресловутая «генетика». Ребенок с самыми прекрасными генами в этих обстоятельствах развивался бы плохо.

У покинутого, лишенного родителей ребенка с самого раннего возраста подорвана жизнеспособность. Близкий контакт с матерью (или с другим постоянным взрослым) в раннем детстве обеспечивает не только эмоциональный комфорт, но и психофизиологическую стимуляцию, необходимую для благополучного формирования ЦНС и головного мозга. У ребенка, который в течение первого года жизни растет не «на руках», затормаживается и нарушается нормальный ход развития. Последствия этого достаточно серьезные, но обратимы. Обратимы тем легче, чем раньше изменится ситуация – та самая «среда». Мы много раз видели, как неузнаваемо менялись и расцветали дети, попадая в любящую семью. Их просто невозможно узнать – хотя все гены, как вы понимаете, остались теми же самими.

Бояться генов, с одной стороны, естественно – ведь они не в нашей власти; с другой стороны, бессмысленно – по той же самой причине. Отрицать их тоже нет смысла: стремление «обтесать» ребенка под себя, игнорировать все его отличия от нас ничем хорошим не кончается – вот ведь даже Мичурин не пытался выдать арбуз за большой такой полосатый желудь!

Кстати, об арбузе: история про него вовсе не такая грустная, как кажется на первый взгляд. Во-первых, дуб явно хорошо справлялся со своими (родительскими) обязанностями: арбуз, судя по всему, был увесистым и, наверное, спелым. Во-вторых, сам арбуз, между прочим, против дуба ничего не имел. Может быть, он как раз не хотел, чтобы его срывали? Им хорошо было вместе!

Что можно сделать?

- Отдать себе отчет в своих мотивах: чего я хочу? Помочь ребенку, которому трудно и плохо? Испытать радость родительства, заботы и любви? Или получить «идеального» ребенка?
- По особо пугающим вопросам, например, о генетически передающихся болезнях, собрать достоверную информацию.
- Подумать о своем/своей супруге, о самых близких друзьях. У них совсем «чужие» вам гены. Это не мешает ни любви, ни близости, ни взаимопониманию.

Знание – сила?

Так сложилось, что у многих людей стоит как бы знак равенства между понятиями «высшее образование» и «хороший человек». Возможно, оттого, что средний возраст нынешних приемных родителей – 30–40 лет, они – дети и внуки людей послевоенного поколения. В то время в Советском Союзе материально бедны были почти все. Быть богатым было не только опасно (это могли себе позволить очень немногие), но и в каком-то смысле пошло. А вот быть образованным – стало, наконец, и возможно, и престижно. Вера в Бога была изгнана из жизни общества, и духовные ценности свелись к образованию. «Знание – сила», оно стало социальной ценностью и «безопасной вершиной», которую можно было достичь самим – и помочь в ее достижении своим детям. А желание помочь детям, хоть как-то обеспечить их будущее – естественное желание каждого нормального родителя.

Времена изменились, но важность образования для многих родителей актуальна по-прежнему. Логика примерно такова: «образование обеспечивает интеллектуальное и душевное развитие, а также среду общения для ребенка, и тем самым служит фундаментом его (ее) будущего». Звучит разумно, но лишь отчасти. Душевное и моральное развитие связано не столько с интеллектом, сколько с воспитанием чувств, с отношениями, в том числе и внутрисемейными, в которых растет ребенок. С тем, во что верят родители. С тем, во что верит и кого любит он сам. От этого действительно зависит, каким

человеком вырастет ребенок – родной или приемный. И большинство родителей, да и вообще взрослых людей, понимают это вполне отчетливо.

В чем же тогда дело? Что заставляет вполне здравомыслящих людей тянуть ребенка «за уши» в институт, нередко вопреки не только желанию, но и объективным способностям чада? Наверное, подобное происходит в тех случаях, когда уровень образования ребенка рассматривается как признак «достойного родительства». В самом деле, ведь образование – это то, что можно реально предъявить окружающим. И уж тем более, если ребенок – из детского дома...

Образование – нужно. И важно. Но так же важно не перейти, точнее – не переломить хрупкую грань, по одну сторону которой – то, что психологи называют «зона ближайшего развития», потенциал человека, который требуется развивать, прикладывая усилия, а по другую – усталость от чрезмерного напряжения, взаимное раздражение и отчуждение. Никакое образование не стоит того, чтобы ваши отношения с ребенком были разрушены, а он пришел к выводу, что «такой» он вам не нужен.

Что можно сделать?

- *Обратиться к специалистам*, которые проведут грамотную диагностику уровня развития ребенка и степени его отставаний, разработают систему развивающих и коррекционных занятий, подходящую именно вашему ребенку, дадут рекомендации, как с ним заниматься дома.
- *Создавать дома «развивающую среду»*, много общаться с ребенком, поддерживать его начинания, разрешать пробовать новое; самим относиться к занятиям как к делу увлекательному, а не как к «обязаловке».
- *Помнить, что отставание в развитии детей-сирот связано прежде всего с недостатком любви* и вызванной этим тревогой, которая блокирует природную любознательность ребенка, как говорят психологи, «аффект тормозит интеллект». Когда ребенок в вашей семье почувствует себя любимым и защищенным, его развитие ускорится.

- *Не сравнивать с другими*. Любое сравнение подкрепляет неуверенность ребенка в своих силах и боязнь потерпеть неудачу. Каждый ребенок уникален, и кроме недостатков, есть еще и особенности. Сравняйте его только с ним же самим «вчера-рашним»: раньше не умел – а теперь получилось!
- *Терпеливо ждать*. Получить все и сразу невозможно. Ни одному садовнику не придет в голову разворачивать бутон, чтоб цветок быстрее раскрылся и стал красивым! Все, что в принципе возможно, – в свое время будет, при условии хороших взаимоотношений и вашей разумной помощи и поддержки. А то, что невозможно, – того вы все равно не добьетесь, только измучаете себя и ребенка.
- *Разумно определять нагрузки*. Они должны быть посильны и для нервной системы, и для интеллектуального потенциала ребенка. Приготовление уроков «до ночи» не бывает продуктивным!
- *Всегда искать позитив*. Никому не хочется делать то, что не получается. Научите своего ребенка замечать пусть небольшие, но улучшения. Успех – лучший мотив в обучении.
- *Хвалить за усилия, а не за результат*. В любом деле важны последовательные усилия и преодоление трудностей. Научить ребенка этой жизненной мудрости – наверное, основная задача. Приемным детям она дается сложнее. Во-первых, опыт отвержения родными родителями подрывает веру в себя, а она лежит в основе настойчивости и упорства (не путать с упрямством – это вещи прямо противоположные!). Во-вторых, именно воля и терпение – качества, которые отсутствовали у кровных родителей этих детей, и формировать их приходится «с чистого листа».
- *Верить в ребенка*. Вера родителей в своего ребенка – это источник его жизненных сил и две трети будущего успеха!

Не всё то своровано, что украдено

Дети – как приемные, так и родные, – умеют сделать так, чтобы родители в этой жизни не скучали. То сломают что-нибудь, то по-

дерутся, то в историю попадут. Все это называется «трудное поведение», и трудное оно, как вы понимаете, в первую очередь для родителей (детям, наоборот, бывает трудно так себя *не* вести; впрочем, некоторым из них изредка это удается).

Один из самых распространенных и самых пугающих для родителей типов трудного поведения – детское воровство. На его примере мы рассмотрим, «как устроено» трудное поведение и как часто под одним явлением кроется множество очень разных.

Почти каждый ребенок хотя бы один раз пробует что-нибудь украсть. И во многом от реакции взрослых зависит, чем станет для ребенка эта ситуация: новой ступенькой в понимании границ и правил человеческого общения – или представлением о себе как о преступнике. Причин тому, что ребенок берет без спроса не принадлежащие ему вещи или ценности, может быть достаточно много.

неосведомленность Дети, растущие в детском доме, не имеют «своего» и, соответственно, не понимают, что такое «чужое». При общественном укладе жизни все вокруг общее, поэтому взять без разрешения – вовсе не значит «украсть». Точно так же ребенок, выросший в детском доме, может не знать ничего о назначении денег, о том, что они имеют определенную ценность, что их количество ограничено, что они кому-то принадлежат. И когда ребенка ругают за такой поступок, он не понимает, что такого страшного сделал.

клептомания Её часто боятся люди, готовящиеся взять в семью ребенка, – это не особенность детей из неблагополучных семей, а психическое расстройство, болезнь, которая в принципе может поразить любого из нас. Но только в принципе: к счастью, настоящая kleптомания – очень редкое заболевание, столкнуться с ним в реальной жизни крайне маловероятно.

невротическое воровство Воровство этого типа может встречаться у детей, переживших психологическую травму, неуверенных в своем нынешнем положении, испытывающих страх перед будущим, имеющих низкую самооценку. Это – своего рода попытка заполнить «черную дыру» беспокойства, вызванного дефицитом любви, причем возможно, что дефицит был в прошлом, но «дыра» еще не успела затянуться. Чувство риска, азарт и инфантильное удовольствие при-

своения желаемого временно заполняют пустоту. Но поскольку это лишь замещение реальной потребности, оно насыщает ненадолго. После пережитой опасности наступает желанное успокоение, тревога на время отпускает – однако вскоре возникает вновь, усугубленная виной и уверенностью, что «я совсем пропащий». Это тот самый тип воровства, о котором пишут в прессе, удивляясь: зачем звезда с миллионными гонорарами украла в супермаркете маечку? Да ведь, к сожалению, от несчастного детства и звезды не застрахованы.

демонстративное воровство Ребенок намеренно нарушает запрет не брать что-либо, хотя прекрасно понимает, что попадется: он словно делает «назло». После раскрытия кражи ведет себя вызывающе, хамит, отпирается, врет в глаза. Скорее всего, это т.н. «протестное поведение». Возможно, ребенок проверяет границы: а что вы сделаете? Не откажетесь ли от него? А возможно, таким странным образом «выбивает» особое внимание к себе. Некоторые дети, лишённые любви и заботы, приходят к выводу, что единственный способ привлечь внимание взрослого – разозлить его. Наказание их пугает меньше, чем безразличие. Причем за безразличие они порой принимают обычную сдержанность – особенно если привыкли к крику и побоям.

присвоение статуса Порой дети связывают наличие каких-либо вещей с чувством собственной значимости, уверенности в себе. Зависть к вещам – проявление чувства собственной малоценности, которая часто бывает у детей, отвергнутых собственными родителями. Иногда, особенно у подростков, иметь то же, что есть у других, – значит «быть как все», «своим», принадлежать к значимой группе. Во взрослом мире «статусные вещи» означают принадлежность к социальной группе с определенным материальным достатком. В подростковом микросоциуме правила жестче: если у тебя нет того, что есть «у всех наших», ты – «лох», изгой, «белая ворона». Иными словами, для подростков обладание чем-то – еще и способ избежать насмешек и травли, которых они боятся панически. И если ребенок со счастливым детством и прочным домашним «тылом» за спиной часто способен справиться с такой ситуацией, то для приемного ребенка стресс оказывается чересчур сильным.

Что же такое *собственно воровство*? Согласно словарю, это «спланированное присвоение чужого имущества ради его материальной ценности; при этом человек осведомлен о социальном и моральном запрете на такие действия, осознает степень вреда для жертв кражи и возможность наказания для себя».

Как мы видим, далеко не все случаи, когда ребенок берет чужое, на самом деле являются воровством! А реакция взрослых часто носит «опережающий» характер: «Сегодня украл шоколадку, а завтра – станет вором-рецидивистом. Опять-таки, гены... Все, это конец, все было зря, ничего не вышло, мой ребенок – вор!»

На самом деле именно в момент родительского отчаяния (а не в процессе кражи шоколадки) над будущим ребенка сгущаются тучи. Потому что у него самого нет опыта, он ничего толком не знает о себе. Он получает информацию только от нас, взрослых. А тут сам папа (сама мама) говорит, что он – вор. Значит, так оно и есть... Опасность «ярлыков» состоит в эффекте социального гипноза: «как вы лодку назовете, так она и поплывет»!

Опасения, что воровство связано именно с тем, что ребенок – приемный, имеют под собой основания. Только гены тут снова ни при чем. Моральное развитие непосредственно связано с опытом благополучной привязанности. В основе «голоса совести» лежит не столько страх наказания, сколько боязнь утраты любви и уважения близких, а также способность сочувствовать другим людям. Большинство детей, которые воспитываются в благополучных родных семьях, к старшему дошкольному возрасту знают о том, что такое «можно» и «нельзя», «хорошо и плохо». Однако сначала они просто «не хотят расстраивать маму», «не хотят поспорить с папой». Следовать моральным нормам самостоятельно и осознанно, по «внутреннему закону совести» дети становятся способны значительно позже – примерно к 10–11 годам. Если же у ребенка раннее детство было неблагополучным, отмечаются задержки в развитии совести: ему некого беречь, он не умеет сочувствовать, нет отношений, которыми он бы дорожил, ведь всему этому тоже нужно учиться. Плюс постоянное чувство тревоги, задержка в интеллектуальном развитии (идея собственности – сама по себе довольно сложная). Поэтому

детям с «неблагополучным стартом» дольше требуется внешний контроль.

Почему мы так подробно рассказываем о разных типах воровства? Потому что если это *по сути не воровство*, а неосведомленность (невротическая тревога, протест, страх быть отвергнутым и т. п.), бесполезно бороться с симптомом, внешним проявлением проблемы, то есть собственно утаскиванием шоколадки. Это все равно, что усердно вытирать лужи, если прохудилась крыша, а дыру не заделывать (как вы понимаете, ругаться и топтать ногами или плакать и отчаиваться – еще менее продуктивно). Нужно понять, что происходит с ребенком *на самом деле*. Тогда можно будет решить основную проблему, а воровство пройдет само.

Что можно сделать?

(все, сказанное ниже, подходит и для любого другого типа трудного поведения)

- Ясно осознавать свои цели. Понятно, что при столкновении с трудным поведением нас захватывает буря эмоций. Так и хочется надавать как следует, чтобы запомнил. Вы, конечно, получите разрядку. Но что именно ребенок «запомнит»? Что вы бываете страшны в гневе? Что лучше не попадаться? Чувствуете разницу между «воровать плохо» и «воровать опасно – побьют»? Вы, собственно, какого результата хотите?
- Помнить, что ребенок, совершивший проступок, – не преступник. Случившееся – это для него шанс освоить некоторые важные правила человеческого общежития. Использует он его или нет – во многом зависит от реакции взрослых. Навешивая ярлыки, вы лишаете ребенка возможности выбора в будущем: ведь он уже вор, чего тут думать-то?
- Собрать полную и непредвзятую информацию о том, что произошло. К сожалению, к детям из детского дома существует предвзятое отношение, и ребенка могут обвинить несправедливо.
- Постараться понять, что стоит за поступком ребенка, какова эта ситуация с точки зрения ребенка, каковы были его намерения и как он понимает результат. Для этого нужно внима-

тельно и спокойно его выслушать. А чтобы он мог быть открытым с вами в столь стрессовой ситуации – до этого создавать доверительные отношения.

- Учитывать возраст и особенности развития ребенка. Часто взрослые терпимо относятся к тому, что ребенок отстает в росте или в учебе, но не могут перенести задержки в развитии совести. На самом деле это такая же зона развития, как и другие. Просто, возможно, сейчас ребенку, которому десять лет от роду, в моральном отношении – еще только шесть. И относиться к его поступкам, объяснять ему, что произошло, надо с учетом этого.
- Подробно и понятно объяснить ребенку, чем именно плох его поступок. Почему нельзя брать чужое без спросу, даже если хочется. Что теряет тот, кто берет чужое, – прежде всего, в отношениях с людьми. Рассказать, как плохо тому, у кого украли, что он чувствует. Объясните, что желание взять чужое посещает в детстве всех людей, и как люди это преодолевают, и т.д.
- Предложить выход из ситуации. Обязательно надо вместе с ребенком попросить прощения (объяснив, зачем!), при этом не позорить и не бросать одного. Найти способ самому ребенку возместить нанесенный ущерб: вернуть, сделать своими руками новое, отдать свое взамен растраченного и т.д.
- Выразить уверенность (не требовать обещаний, не угрожать, а именно выразить твердую уверенность), что в будущем ребенок научится справляться с соблазном взять чужое.
- Своим собственным поведением выражать уважение к собственности, в том числе к вещам самого ребенка, спрашивать разрешения, не рыться в его вещах. И его не вводить в искушение, не бросать где попало деньги и ценности, пока не будете уверены, что это не станет невольной провокацией.
- Если вы обнаружили, что за воровством стоят другие причины, нужно начать решать эти проблемы. Если вам кажется, что сами вы не можете понять, что движет ребенком, обратиться к детскому психологу.

Лолита или...

Один из самых кошмарных кошмаров – развратный ребенок. От этого бросало в холодный пот даже выдавших виды героев Достоевского. Помните, детское личико – и томный взгляд из-под полуопущенных ресниц. В реальности все порой бывает даже не столь поэтично: крошки сыплут похабными остротами, непристойно лезут к детям и взрослым, проявляют явный интерес ко всему, что «про это». У специалистов это называется *«сексуализированное поведение»*. Конечно, приемные родители в шоке – ребенку пять-шесть лет, а он что творит? Что же будет дальше-то?

Попробуем разобраться. Представьте себе реальную жизнь ребенка из неблагополучной семьи. Взрослые или пьяные, или с похмелья. Злые, ругаются, не кормят. Мама угрюма, безразлична, а может и ударить, если будешь приставать. И вдруг звонок в дверь – пришел мужчина. Принес выпивку и закуску. Мама сразу оживилась, улыбается, хлеба с колбасой дала. Потом они, выпив, целуются, валяются на постель, говорят «те самые» слова и делают «те самые» движения. И вот уже мама смеется, добрая становится, да и дядя по голове погладил и конфету дал (хорошо, если только по голове погладил). Естественно, для ребенка в этом случае все, что связано с «этим», становится особенно значимо и привлекательно. Потому что только «это» означает радость, ласку, выживание. Если его не выгоняют – значит, позволяют принять участие в этом «празднике жизни». Он горд, что все знает и понимает. При этом ему и страшно, и тревожно, ведь по поведению взрослых он чувствует, что это «что-то особенное», стыдное, тайное.

Попав в новую семью, он может демонстрировать сексуализированное поведение просто по привычке. А потом, поняв, что смущает взрослых, может использовать как своеобразную власть над ними – они ведь явно не знают, как себя вести! Кроме того, любой ранний опыт в этой сфере, даже если не было прямого насилия, – травма для ребенка. Травма рождает тревогу, она требует выхода. Ребенок демонстрирует сексуализированное поведение новым ро-

дителям в смутной надежде, что они помогут разобраться, как-то переварить этот опыт, с которым сам он не знает, как поступить.

Иначе говоря, *подлинная причина «развратного» поведения ребенка вообще никакого отношения к сексу не имеет.* Она все та же – дефицит любви и ласки, тревога и незащищенность. Кстати, именно поэтому, а вовсе не из-за «генов матери-проститутки» нередко «идут по рукам» девочки, выросшие без родительской ласки. Они обычно не получают ни малейшего сексуального удовольствия от своей «распутной» жизни – просто они готовы платить своим телом даже за такой суррогат ласки и внимания, за то, чтобы хоть одну ночь не оставаться одним – в постели и в жизни.

Все еще сложнее, если ребенок был свидетелем насильственного секса или сам был жертвой насилия (это возможно и в неблагополучной семье, и, к сожалению, даже в детском учреждении). Возможно, эпизоды сексуального использования были вообще единственными моментами в жизни ребенка, когда на него обращали внимание, его касались и с ним разговаривали. Возможно, взрослый внушал ребенку, что «ты на самом деле сам этого хочешь» или «видишь, какая ты испорченная, никому не говори, а то тебя накажут». Возможно, его держали впроголодь и кормили только «после этого», или били в случае сопротивления. Или говорили: «Видишь, как я тебя люблю. Иди ко мне». Вина, стыд, боль, отверженность, бессилие сплетаются в результате в душе ребенка в такой мучительный узел, что он буквально «сам не свой», то есть не справляется ни со своими чувствами, ни со своим поведением. Выглядеть со стороны это может как угодно – и как зажатость, и как «испорченность», и как «неадекватность» (представьте, что вы – от чистого сердца – говорите ребенку с таким опытом: «Я тебя люблю. Иди ко мне»... А у него – истерика).

Должно пройти немало времени, прежде чем ребенок узнает и поверит, что любовь бывает другой: бережной, бескорыстной, уважительной. И, скорее всего, для преодоления столь тяжелого опыта ему понадобится помощь специалистов. Самое плохое, что может случиться с ним в приемной семье, – если на лицах родителей он увидит гадливость и презрение, подтверждающие его и так очень

низкое мнение о себе; или если реакцией будет ярость, и ребенок испугается и замкнется; или если он поймет, что они сами смертельно боятся этой темы, а значит, ничем ему не помогут.

Здесь, как и с воровством, «всё не так, как на самом деле». Сексуализированное поведение ребенка всегда – результат травмы (кроме редких случаев врожденных патологий, которые проявляются обычно и десятком других гораздо более тяжелых симптомов). Никаких действительно «сексуальных» потребностей в результате травмы, естественно, появиться не может. Потребности этих детей все те же – научиться любить и быть любимым, защищать и уважать себя, оставить прошлое в прошлом и жить дальше. Для этого ему понадобятся ваша любовь и ваше спокойствие.

Что можно сделать?

- *Не смущаться.* Вы взрослые люди. Оставьте фантазии о развратных детях литераторам. Как мы уже знаем, «секса» в этом – меньше всего. Спокойно и уверенно (но не гневно!) объясните ребенку, что так себя вести непринято и некрасиво, дети так делать не должны. Конечно, это само по себе не поможет, но ребенок должен знать вашу позицию. Если вам неудобно перед родственниками или друзьями, просто спокойно скажите им, что это со временем пройдет.
- *Показать альтернативу.* Если ребенок не подвергался насилию, а скорее страдал от невнимания и отсутствия ласки, побольше возитесь с ним, весело тормошите, держите на руках. Он должен увидеть, что объятия и поцелуи – это не обязательно секс.
- *Обратиться к специалисту,* особенно если вы знаете или подозреваете, что ребенок был жертвой насилия. Это очень тяжелый опыт, и будет лучше, если ребенку поможет профессионал. Возможно, с вами он вообще не захочет говорить на эту тему, и в этом нет недоверия. Ребенку важно, что его новый дом – территория безопасности, и даже разговоры о «том прошлом» здесь ему не нужны. Пусть это происходит в кабинете психолога – и там и остается.

- *Не поддаваться страху!* Самое ужасное, похоже, уже случилось. Ребенку и самому страшно. Он должен видеть, что вы не боитесь этой темы, а значит, сможете ему помочь.
- *Быть очень осторожным*, если ребенок пережил насилие. Ваши проявления любви могут его напугать. Договаривайтесь с ним о каждом шаге: «Я подойду и укурю тебя на ночь, хорошо?». Если он не хочет – значит, нет. Он должен поверить, что вы не будете ничего с ним делать против его воли (это не значит, что вы не можете настаивать на своем в других сферах – речь только о случаях физического, телесного контакта).
- *Поднимать самооценку.* Ребенок должен знать, что представляет собой ценность не только как сексуальный объект. По чаще говорите ему, как вам с ним интересно, как он вам помогает, какой он сообразительный и т.п.

«Дитя-монстр» и «Дитя-монстр возвращается»

А вдруг он... все разнесет... будет мучить животных... бить маленьких... обругает бабушку... Картины одна ужаснее другой встают перед глазами. Наверное, один из самых сильных страхов взрослых – страх перед детской агрессией. Потому что если нападает и дерется равный, можно тоже разозлиться и дать сдачи. А если угроза исходит от ребенка, особенно маленького, мы теряемся и не знаем, что делать. Происходит сшибка сильнейшей глубинной установки «ребенка надо любить и защищать» и внезапно поднимающейся изнутри волны собственной ответной агрессии: «Да как он смеет! Вот я ему...». Неудивительно, что почти каждый год появляется новый голливудский фильм про такого маленького, хорошенького ребеночка, который на самом деле – просто монстр.

Все дети проходят в своем нормальном развитии периоды, когда учатся владеть собой, сдерживать спонтанный гнев. Усвоение социальных норм и правил выражения своего недовольства начинается в возрасте 2–3-х лет. В благополучном варианте ребенок постепенно учится находить приемлемые для его окружения способы

отреагирования негативных эмоций и способы достижения желаемого. После десятка истерик ребенок убеждается (при правильном поведении родителей), что это не лучший способ получить что-то. С другой стороны, он узнает, что иногда взрослых можно просто попросить, или убедить, или, наконец, справиться самому. Если родители принимают его чувства, но ставят рамки поведению, он приходит к выводу, что злиться – нормально, а вот крушить все вокруг – нет. Он не боится своей злости, и она быстрее уходит.

Дети, не имеющие опыта благополучных внутрисемейных отношений, не имеют ни позитивных образцов поведения в сложных ситуациях, ни опыта правильных ограничений деструктивного поведения. Возможно, их вообще замечали только тогда, когда они начинали истошно орать. Возможно, они наблюдали, как взрослые сами не справляются со вспышками гнева и превращаются в «монстров». Поэтому, когда таких детей посещает гнев, они оказываются беспомощны: имеющиеся в их распоряжении модели поведения плохи и неприемлемы, а других у них нет.

Более того, многие дети из неблагополучных семей подвергались жестокому обращению. Последствия насилия двойки: боль и страх требуют отреагирования, и ребенок еще долгое время «выплескивает» их на окружающих. Кроме того, ребенок усваивает модели «насильственного» поведения, и требуется время и труд воспитателей, чтобы переучить его.

Взрослые люди могут испугаться ребенка, ведущего себя разрушительно. Сильный аффект вообще пугает, а если непонятны причины, его вызвавшие, то и подавно. Сам ребенок тоже не осознает истинных мотивов своего поведения, и уж тем более не в состоянии что-либо объяснить. Растерянность взрослых он воспринимает как их слабость, и у него возникает ощущение контроля над ситуацией, своего превосходства над взрослыми, а значит – учитывая его прошлый горький опыт – своей защищенности. Таким образом, *растерянность и испуг взрослых подкрепляют агрессивное поведение ребенка*. В следующий раз приступ гнева возникает легче и длится дольше. Поскольку открытое проявление агрессии является наиболее запретной формой поведения в обществе, у взрослых возникает сильное искушение

счесть ребенка «ненормальным». Они еще больше пугаются – и тем самым окончательно лишают ребенка надежды получить то, что ему на самом деле нужно: защищенность, в том числе от самого себя. Ведь от своего гнева он страдает не меньше окружающих: тяжело жить рядом с монстром – а каково, когда монстр внутри тебя самого?

Иногда агрессия прямо направляется на себя: это называется *аутоагрессия*. Ребенок может явно причинять себе боль – кусать, царапать, вырывать волосы, или делать это нечаянно – падать «на ровном месте», врезаться в углы, обжигаться (причем все это случается столь часто, что речь явно идет не об обычном детском бытовом травматизме). В более старшем возрасте аутоагрессия может толкать ребенка к заведомо очень опасным забавам, нарушению закона и даже попыткам покончить с собой. За аутоагрессией стоит глубокое неприятие самого себя, бессознательное убеждение ребенка, что ему не следует быть. Потому что единственный источник, из которого мы с вами узнаем, что желанны на этом свете, – любящие лица наших родителей. Это, собственно, и есть ответ на вопрос, как помочь ребенку с аутоагрессией: она проходит по мере того, как он убеждается, что нужен и любим. Но чтобы в это поверить, ему недостаточно слов и уверений – должно пройти время, и совместный опыт жизни с приемными родителями сформирует у ребенка новое отношение к самому себе.

Аутоагрессия как отвержение самого себя, самообвинения и приступы отчаяния встречаются у чувствительных детей и в острой фазе переживания утраты родной семьи. Причем ребенок может «застрять» в переживании горя, превратив его в ритуал «искупления» и выражая таким образом свою любовь к покинувшим его значимым людям. Если взрослые не реагируют на подобное поведение ребенка, оно усиливается. Причиняя себе боль, физическую или эмоциональную, ребенок словно надеется, что если ему станет по-настоящему плохо, родители вернуться. Важно, чтобы он в этот время узнал, что утешение и помощь можно получить не только от ушедших близких, но и от других взрослых, например, от приемных родителей. Если они будут искренне стараться помочь ему, уважая его горе и не пытаясь его поскорее «затушевать» и обесценить («было бы о

ком горевать – об этой алкоголичке»), ребенок доверится и научится находить опору в новых привязанностях.

Каждый агрессивный ребенок хочет, чтоб его близкие взрослые могли справиться с его гневом. Ведь если родители могут защитить ребенка от него самого, то они смогут защитить его и от всего остального в этой жизни. А это как раз то чувство защищенности, которого ему так недостает и которое необходимо любому ребенку для роста и развития.

Что можно сделать?

Не чувствовать себя жертвой. Фраза «я не могу с ним справиться» не должна звучать ни вслух, ни в голове. Ведя себя как жертва, вы провоцируете ребенка быть агрессором. Помните: вы заведомо сильнее. Как бы ребенок ни бушевал – это всего лишь маленький ребенок, да еще и несчастный.

Не принимать ярость ребенка на свой счет Его агрессия – это нормальная реакция на ненормальные обстоятельства жизни, которая выражается «не вовремя и не тем людям». Он зол, и у него есть на это основания. Это не мешает ему любить вас и со временем разобраться, что к чему.

Бороться не с чувствами, а с поведением Ребенок имеет право злиться, но не имеет права причинять вред окружающим. Если его «понесло», сохраняйте спокойствие. Когда дело ограничивается воплями – оставьте его одного. Если он может начать все ломать или нанести себе увечье, оставайтесь рядом и спокойно, но твердо удерживайте его от подобных попыток.

Бороться не с ребенком, а с агрессией Говорите с ребенком о его приступах ярости как его союзник и помощник. Не обвиняйте и не требуйте невозможного – сам он с собой пока справиться не может. Вы должны преодолеть это вместе. Предложите ему новые идеи, что делать, когда «несет», например, заведите «подушку злости», которую можно колотить. Выражайте уверенность, что все получится: во время истерики вместо слов «если ты не успокоишься сейчас же, я тебе...» гораздо уместнее будет «когда ты сможешь говорить спокойно, приходи, и мы все обсудим».

Внимательно относиться к проявлениям аутоагрессии Постараться выяснить причины «самонаказания», понять, в чем ребенок винит себя, какова стоящая за виной утрата. Для этого важны доверительные отношения с ребенком, его уверенность, что вы все поймете и постараетесь помочь. Поняв причины аутоагрессии, вы узнаете, какова истинная эмоциональная потребность ребенка, а значит, сможете найти новый способ ее удовлетворения.

Обратиться к специалисту Ребенку может быть очень важно осознать причины своей ярости и выразить ее «по адресу» – это можно сделать с помощью психолога. Если ребенок уже осознает приступы агрессии как свою проблему и хочет с ними справиться, психолог может научить его приемам саморегуляции. В случаях аутоагрессии психолог поможет преодолеть чувство вины и неполноценности, научит находить новые точки опоры в жизни.

Статистика знает все...

Хорошо, гены ни при чем, воровство – не воровство, а агрессия – это просьба о помощи. Все как-то сказочно. А как же объективные факты? Как же данные статистики, которые сегодня широко публикуются: из выпускников детского дома лишь 10 % находят себя в жизни – остальные же мыкаются между безработицей, одиночеством, зависимостями, тюрьмой и учреждениями соцзащиты. Как тут не испугаться приемному родителю: статистика – она же наука точная! Она, как говорили классики, «знает всё». И раз такие ужасные результаты – значит, все-таки гены?

Статистика – действительно наука точная. Она оперирует точными цифрами. Но важное уточнение: изучением причин, по которым цифры получаются такими, а не иными, статистика не занимается. Давайте попробуем разобраться в причинах.

Посмотрим на ситуацию с точки зрения ребенка, выпускника детского дома. Много лет он провел в казенном учреждении. С одной стороны, он чувствовал себя обделенным по сравнению со своими благополучными семейными сверстниками. У него были хуже,

чем у «семейных», игрушки, еда, одежда, у него не было своей комнаты, не было дома, а главное – не было родителей. С другой стороны – он привык, что все появляется «само»: еда в столовой, чистое белье в спальне, новое оконное стекло взамен разбитого. Откуда все берется, что нужно сделать, чтобы все это появилось, – ребенок не видит и не знает.

Далее. В детских домах порой бывает дедовщина не хуже, чем в армии, старшие заставляют младших подчиняться, и попробуй возрази – избыют. Воспитателям это удобно, так они поддерживают дисциплину.

Все хорошее – сладости, игрушки, одежда – распределяется по ровну, «по сколько положено» и что есть на складе. У ребенка из детского дома нет возможности, как у домашнего, взять и наесться конфет. Ему дают конфету – но по одной в день. А в детстве так хочется иногда наесться как следует – не каждый день, но иногда. Или очень хочется именно розовую тетрадку, а дали только зеленую. Хочется необычных, модных кофточек, а дали – какие есть. Единственный способ добыть желаемое: выпросить, отнять, украсть у другого. Не потому, что сам ребенок плохой, – а потому, что по-другому его желания просто не могут быть удовлетворены.

Наконец, добавим к этому очень небольшой шанс получить приличное образование и профессию: вне семьи ребенок имеет не много возможностей для развития способностей, да и учиться обычно не хочет. А кто хочет учиться, если чувствует себя несчастным и хуже других? Едва ли не главный бич детей их детских домов – низкая самооценка, которая обессиливает, заставляет опустить руки и идти по пути наименьшего сопротивления.

А теперь представим себе детей с самыми лучшими генами, которые годами росли в таких условиях. Вот им исполняется 18 лет, они выходят в жизнь. Их «приданое» состоит из следующих пунктов:

- Полное одиночество и никому-не-нужность. Никто не ждет, никто не поддерживает, не с кем поделиться и посоветоваться.
- Полное отсутствие опыта нормальной жизни, умения налаживать быт: ребенок никогда не видел изнутри жизнь обычной, благополучной семьи. Он не знает элементарных вещей:

как экономно расходовать деньги, как самому приготовить еду, где покупать одежду и как за ней ухаживать. И уж тем более не знает, как растить и воспитывать детей.

- Привычка безоговорочно подчиняться тем, кто старше и сильнее, не вдумываясь в суть приказов.
- Накопленное чувство обиды на жизнь, на судьбу, ревность и зависть к более благополучным людям.
- Убеждение, что получить то, что хочешь, можно только за счет других, силой или обманом. Альтернатива – ничего вообще не хотеть и довольствоваться тем, что «само в рот попало».
- Твердая уверенность, что ты хуже других, ни на что не способен и тебя никогда ничего не получится (в сочетании с объективно низким уровнем знаний и нежеланием учиться).

И как вы думаете, сколько из этих детей с самыми хорошими генами смогут нормально жить? Привычка к послушанию старшим и обида на весь мир делают их самой легкой добычей для криминальных структур. И дети туда охотно идут, потому что там их все-таки защищают, там они все-таки нужны.

Одиночество, неутоленная потребность в любви и ласке заставляют рано вступать в брак и рожать детей – так хочется, чтобы была наконец семья, были любимые люди. Выпускники детских домов мечтают, что у них-то все будет хорошо, они-то своих детей не бросят. Но опыта и умения строить жизнь семьи нет, все быстро разваливается, как ухаживать за ребенком – непонятно, бабушек и тетушек, опять же, нет. Результат: дети опять попадают в детдом. Неуверенность в себе вызывает чувство отчаяния, не дает пробиваться, стремиться к целям.

При этом бывшие детдомовцы не знают, что делать со своим плохим настроением. Их никто никогда не утешал и не баловал, и они сами не умеют себя утешать и баловать. Десятки способов, которыми владеет любой человек, чтобы справиться с приступом уныния, он не из головы выдумывает – это мама когда-то предлагала: «Что-то скучно – давай пойдем в кино (прогуляемся, спечем пирог)» или «Ну, не расстраивайся так, смотри, что у меня есть (конфета, игрушка,

забавный пустячок)». Подбадривать и утешать самого себя – тоже умение, мы ему учимся дома, в семье. Ребенок, выросший в детском доме, этого не умеет. Любая неудача, спад сил – и он погружается в отчаяние полностью. Пока кто-нибудь не нальет... Напившись раз-другой, человек с ужасом понимает, что вот оно – его тянет туда, куда он зарекался попадать. Страх и вина усиливаются, на душе становится только хуже – появляется рюмка, далее везде.

Их очень жаль, этих ребят, но кто имеет право бросить в них камень? На их месте кто бы справился? Наследственность тут ни при чем. Просто ребенок из детского дома весь – сплошная ахиллесова пята. У него все и везде незащищено и уязвимо. Защиту может дать только семья.

Что можно сделать?

- Взять ребенка в семью и дать ему нормальное детство. Больше добавить нечего.

М.В. Пичугина (Капилина)

Приемные и родные дети в семье: проблема ревности¹

В семье с приемным ребенком родился кровный. Как справиться с ревностью старшего?

Когда в семье рождается младший ребенок, почти всегда старшие дети начинают ревновать, кровные они или приемные. Ведь мама начинает уделять меньше внимания им и отдавать свое внимание и нежность малышу. И у ребенка возникает ощущение «у меня любовь забрали, другому отдали», он и обижается, и злится. Конечно, многое зависит от того, каковы в целом в семье отношения между родителями и детьми. Если есть близость и понимание, то родители смогут принять тревогу ребенка и помочь ему почувствовать себя лучше. Например, можно поговорить так: «Я понимаю, тебе обидно, что сейчас я больше с ним, чем с тобой. Но я тебя люблю очень, ты – мой старший ребенок, второго такого старшего у меня нет и не будет. Просто он – маленький и совсем беспомощный, и ты когда-то был таким, и так же во мне нуждался. Мамой поделиться нелегко, но мне очень важно, чтобы ты меня понял, и помогал мне в семье сделать так, чтоб мы все жили хорошо и дружно». Даже когда старший ребенок понял все, что вы ему сказали, ему все равно будет непросто справляться со своими чувствами. Иногда он будет капризничать, вредничать. И тут важно не срывать, стараться, по возможности, находить компромиссы: «Я понимаю, ты хочешь, чтоб я сейчас занялась тобой, но я не могу прямо сейчас – я приду к тебе попозже, а ты попроси папу (бабушку) помочь тебе». Придумать какие-то свои

способы, как в условиях дефицита времени и сил уделять друг другу внимание и бывать вместе с ребенком. Гуляя с коляской, можно идти со старшим, держать его за ручку и тихонечко беседовать. Просить его помощи в чем-то, благодарить за нее. Хоть 20 минут, но «посекретничать о своем», или просто полежать рядом, когда маленький спит, а у мамы не осталось сил разговаривать. То есть стараться показать ребенку: «у нас с тобой все в порядке». Чтобы он почувствовал – немного поменялась форма отношений, но качество осталось прежним. И через какое-то время он привыкнет, успокоится.

Но если отношения между родителями и детьми сложные, то, конечно, они осложняются еще больше с рождением младшего ребенка. Если ребенку все время не хватало понимания и любви, а теперь этого становится совсем мало, такой ребенок может окончательно впасть в уныние, отдалиться от родителей, у него могут начаться проблемы с поведением и учебой... В то же время «обострение» ситуации может стать шансом для семьи признать трудности в отношениях и попытаться разрешить их, чтобы обрести близость друг с другом.

В любом случае, хорошо было бы готовить старших детей к появлению младшего, рассказывать, как мама заботится о малыше, говорить, что так когда-то заботились о них. Объяснять, что заботиться о маленьком непросто и мама будет уставать, но это самое главное дело на свете – растить человека, и они смогут помогать в нем. *Все, о чем я сказала выше, относится как к кровным, так и к приемным детям. Но с приемными детьми есть и свои специфические особенности.*

Если приемный ребенок появляется в семье, где уже есть кровный, то, как правило, ревность вероятна скорее со стороны кровного. Вообще для ребенка, даже когда он согласился на появление приемного брата или сестры, ездил вместе с родителями знакомиться в детское учреждение, ждал и хотел, – все-таки для него приход приемного ребенка в семью есть больший, нежели для родителей, шаг. Родители – старшие, а ребенок получает отношения на равных. И на равных будет делить с приемным братом или сестрой дом, ро-

¹ Интервью с психологом М.В. Капилиной впервые опубликовано в журнале «Фома» осенью 2010 г.

дителей, жизненное пространство. Это очень серьезное событие, даже потрясение. И от родителей потребуются, с одной стороны, понимать это, а с другой – не воспринимать своего ребенка как жертву, а приемного – как агрессора. Разобраться в детских конфликтах и соперничестве можно, только если считать обоих детей – *своими*, хоть и разного происхождения, и помнить: если родной ребенок ужился с приемным, он поладит в жизни с кем угодно.

Когда приемный ребенок приходит в семью, он присутствие родных детей воспринимает как данность. А вот когда уже во время его пребывания в семье у приемной мамы рождается малыш – это переносится сложнее. Это не столько вопрос ревности, сколько актуализация травмы родительского отвержения. Приемный ребенок видит, что другому дают то, чего у него никогда не было. *Поэтому с приемным ребенком важно заранее прорабатывать историю его жизни*, все его боли и переживания по поводу утраты кровной семьи. Это лучше делать вместе со специалистами, которые помогут и собрать информацию о семье ребенка, и обсуждать ее. Сами приемные родители могут поговорить со своим ребенком о том, что есть два пути появления детей в семье. Один путь: когда ребенок родился в семье и живет в ней, пока не станет взрослым. Другой путь – когда ребенка родить смогли, а заботиться о нем не могут. И в такой ситуации ребенок попадает в дом ребенка или в детский дом. Но каждому человеку нужен свой дом и семья. И таких детей находят приемные мама и папа. Здесь важно объяснять, что приемная семья – это настоящая семья. Что такое приемный ребенок? Это когда тебя приняли в сердце, приняли в душу, в жизнь, и ты стал по-настоящему дорогим и родным человеком. Еще можно попытаться «прожить» вместе со своим ребенком тот период, когда вас не было рядом. Рассказывать про младенцев, брать на ручки и качать, «как маленького», показывать, как пеленают малышей, если захочет – завернуть его в одеяло. Ребенок может захотеть попить из детской бутылочки, и нужно это ему разрешить.

Конечно, все это лучше обсуждать до рождения малыша. С появлением новорожденного будет просто некогда заниматься такими вопросами, да и приемный ребенок может подумать: «ну да, мне

это объясняют, потому что все кончилось». Если приемному ребенку не было известно, что он – приемный, появление новорожденного и первый год жизни – не лучшее время для обсуждений жизненной истории, и стоит отложить их «на потом», ограничившись той подготовкой, которую родители предприняли бы для старшего ребенка, будь он кровным.

М.В. Пичугина (Капилина) «Мифы» детей о приемных родителях

Человек так устроен, что все значимые события в его жизни не только запоминаются.

Со временем они «мифологизируются», обрастая дополнительными деталями и смыслами. И начинают отражать не столько реальность, сколько личную значимость этих событий для того, с кем они происходили. В особенности это касается тех событий, понять которые было сложно – либо в силу недостатка информации, либо в силу ограниченных возможностей для понимания.

Все это справедливо и в отношении детей, переживших утрату кровной семьи и помещенных в новые, приемные семьи.

Недооценивать глобальность такого события для ребенка было бы ошибкой. Хотя бы потому, что сравнить это можно только со «вторым рождением».

Дети, в сознательном возрасте (после 3-х лет) покинувшие родные семьи, с первого дня жизни в новой семье оказываются перед серьезной задачей «совмещения» двух своих семейных статусов в процессе формирования целостного представления о себе.

Дети, принятые в новые семьи младенцами, рано или поздно также должны будут понять и принять свое реальное прошлое.

В любом случае, формирование у детей представлений о себе и своей жизни всегда зависит от позиции близких взрослых. Только они могут помочь ребенку разобраться с этими непростыми вопросами, сформировать адекватное, последовательное и максимально позитивное представление о прошлом. Более подробно мы рассмотрим проблему «Как рассказать ребенку, что он приемный?» в специально посвященной этому статье.

Тема этого сообщения – то, каким образом дети объясняют себе самостоятельно (если взрослые не помогают им!) свое происхождение и что может из этого получиться.

Ниже мы приведем наиболее распространенные типы *нарушенного* самовосприятия тех детей, с которыми нам приходилось работать в терапии, и соответствующие им представления-«мифы» о родителях. Мы подчеркиваем, что речь идет о нарушенном представлении о родителях, поскольку в большинстве случаев родителям и специалистам удается сформировать адекватное восприятие жизненной ситуации у приемных детей.

«жертвы киднепинга» Представления ребенка о самом себе базируются на представлениях о своей семье. Естественное для всякого человека желание чувствовать себя нормальным, а для ребенка – еще и хорошим, значимым образом связано с отношением к своим родителям. Маленькие дети не критичны. Они любят своих родителей не такими, какие они есть, а такими, какими они должны быть. И в случае с детьми из неблагополучных семей мы часто имеем дело с идеализацией кровных родителей, подкрепленной процессом переживания утраты. При этом сотрудники милиции могут рассматриваться как «насильники», вмешавшиеся не в свое дело, а приемные родители – как пусть и хорошие, но «похитители». Особенно сильно это проявляется, если ребенок неудовлетворен отношениями с приемными родителями. Тогда, как аргумент в противостоянии с реальными родителями, возникает образ «идеального родителя», – в данном случае кровного. Если желаемое сильно расходится с действительностью, дети вытесняют реальные воспоминания, подменяя их фантазиями. У детей с истероидной акцентуацией компенсаторные мечты могут доходить до того, что они всем рассказывают, что их родители – миллионеры, арабские шейхи и т.д., а сами они «здесь оказались случайно и временно», до тех пор, когда их найдут. Такие «маленькие принцессы» и вести себя начинают соответственно: авторитетов среди взрослых для них нет, друзей среди детей – тоже.

«маленький преступник» Позиция ребенка в этом случае – «меня бросили, потому что я плохо себя вел(а)». Поведение колеблется

от агрессии и провокаций возвратов (чтобы вернуться туда, откуда забрали, и чтобы оправдать негативное представление о себе) до аутоагрессии («я виноват навеки» – мотив искупления) и отражает прежде всего восприятие разлуки с семьей и связанную с этим боль как наказание за что-то плохое – дальше ребенок сам находит, за что именно. Приемные родители в этом случае – *«несведущие личности»*, которые со временем поймут, с каким плохим ребенком имеют дело, и сделают то же, что и кровные, – бросят. И чтоб не оттягивать неизбежное, агрессивный малыш будет драться и ругаться матом на своих новых родителей, а депрессивный ребенок-жертва, например, может страдать анорексией (отторжение пищи, искусственная рвота) или даже «расписывать» стены фекалиями, провоцируя отвращение к себе. Вариация «маленького преступника» – *«Али-Баба, попавший в пещеру с сокровищами разбойников»*. Главная задача – вынести как можно больше, пока тебя не «вычислили». Такие дети могут нести деньги или продукты в кровную семью, друзьям во двор или в детский дом. Они не слишком маскируются, поскольку убеждены – все равно их непременно выгонят!

«возвращенцы» Маленькие дети, знающие, что от них отказались, все время ждут маму и папу. И когда за ними, наконец, приходят – они часто думают, что это те же люди, которые когда-то их покинули (что вообще-то вполне логично!). В таких случаях дети боятся или просто не способны открыто обсуждать это с родителями («вдруг рассердятся и бросят снова»). В то же время они испытывают подавляемое беспокойство и агрессию, которые находят выход в немотивированном с точки зрения взрослых деструктивном и провокативном поведении: побеги, капризы, непослушание. Приемные родители для них – *«изменщики»*. Иногда стремление изводить новых родителей и обвинение их начинает носить отнюдь не завуалированный характер, но вот объяснить по существу, в чем же именно родители виноваты, ребенок не может, в том числе и себе самому.

«Идеальный ребенок» для «идеальных родителей». В этом случае, который относится к детям старшего дошкольного/младшего школьного возраста, характерна позиция ребенка «Раньше всё было пло-

хо – а теперь всё будет хорошо: я заслужу!». Такие дети реалистично воспринимают ситуацию с неблагополучием в кровной семье и обладают сохранной способностью к привязанности. Они готовы строить новые отношения и очень стараются быть хорошими в них, принимая на себя ответственность за благополучие в новой семье. Но в любых новых отношениях возникают «установочные конфликты», а привязанность формируется далеко не сразу. В результате через некоторое время срабатывает «эффект маятника», воодушевление сменяется разочарованием, дети падают духом, чувствуют растерянность и безвыходность. Потому что надежды на новые отношения были «плотиной», сдерживавшей печаль утраты по несостоявшейся любви в кровной семье. И когда «плотина рушится», бежать от нахлынувшей печали некуда – такой ребенок впадает в самую настоящую депрессию.

Вышеприведенные примеры характерны для детей младшего возраста, сохранивших смутные воспоминания о том, что когда-то у них была другая семья. Очевидно, что убеждения детей существуют не на интеллектуальном, а на эмоциональном уровне – в виде чувств, которые не осознаются, то есть названы и объяснены самим ребенком быть не могут. И основная масса этих чувств адресована кровным родителям, но по законам психологического переноса «отвечать за всё» приходится тем, кто является родителем в настоящий момент.

В терапевтической работе со случаями такого рода первый шаг – помочь родителям понять мотивы поступков ребенка и выработать адекватную линию поведения: линию, которая, с одной стороны, контролировала бы деструктивную активность ребенка, с другой – не поддерживала бы ролевую дихотомию «враг-родитель / отчужденное дитя», которую ребенок поневоле навязывает своей новой семье. Очевидно, что очень много зависит здесь от терпения родителей и их способности «не повестись» на предложенную «игру в войну», и психологи, работающие со взрослыми, могут оказать в этом существенную поддержку.

В работе с ребенком последовательно необходимо решать следующие задачи:

1. При помощи тестирования, беседы, проективной диагностики постараться понять основную «претензию» ребенка – так, как он сам ее для себя формулирует.
2. Работая с чувствами ребенка, помочь ему выразить их и осознанно адресовать тем, кому они должны быть направлены, – кровным родителям.
3. Отделить в представлениях ребенка образы кровных родителей от образов приемных родителей, определяя специфику характеров и отношений.
4. Прорабатывать амбивалентные чувства привязанности-гнева в отношении кровных родителей, помогая ребенку от агрессии в процессе переживания утраты кровной семьи перейти к стоящей за ней неудовлетворенной потребности в любви.
5. Ориентировать ребенка на отношения с приемными родителями как на источник нового позитивного опыта и привязанности.
6. Работая с «Книгой жизни», воссоздавать последовательную историю жизни ребенка, сохраняя всё позитивное и переосмысливая негативное.

Излишне говорить о том, какой целительной силой может обладать реальная информация о кровной семье, поскольку зачастую фантазии детей о родителях – это еще и реакция на отсутствие контактов и сведений о кровной семье. Такое «игнорирование» со стороны кровной семьи ребенок воспринимает как оценку: «я недостойн внимания и любви, я для них – никто!». Не зная правды, легко потерять ориентиры в жизни. В то же время правда не должна уничтожать, и это уже забота специалистов и близких взрослых.

Ко всему вышеперечисленному необходимо добавить еще один пункт – подростковые конфликты с приемными родителями:

«Гамлеты» и родители-«узурпаторы» Реакция эмансипации от семьи в подростковом возрасте характерна для всех детей. Пере-

смот авторитетов, негативизм в отношении взрослых становятся необходимым этапом формирования юношеской идентичности и последующей самостоятельности. Излишне упоминать про подростковую не критичность и «борьбу за права», в результате которой все проблемы этого периода в отношениях с приемными родителями объясняются просто: «Я им не родной!» – обычно имеется в виду, что гоняют как родного, а любят недостаточно. Правда, для многих родителей тоже есть искушение в виде «генов». Но поскольку кроме стереотипов и самолюбия и у родителей, и у детей есть в запасе здравый смысл и взаимная привязанность, обычно конфликтные ситуации удастся разрешить.

Очень продуктивны в этом отношении семейные сессии (см. «Наши технологии. Работа с семьей в кризисе»), на которых сначала происходит отдельная работа в парах «взрослый психолог – родитель(ли)» и «детский психолог – ребенок». Цель этой работы – снять аффективное напряжение, вспомнить о том позитиве, который есть в отношениях клиентов, и выйти на тот конструктивный уровень, на котором все члены семьи готовы поискать альтернативный расставанию выход. Далее происходит совместная работа психологов и членов семьи в режиме регулярных встреч (обычно 3–5 сессий), на которой вырабатываются новые правила взаимодействия. Это необходимо для того, чтобы потребности в понимании и взаимные ожидания всех участников конфликта удовлетворялись в той степени, в которой это возможно. Кроме того, индивидуальная работа с детьми этого возраста предполагает необходимую проработку темы «лояльности» к кровной семье и формирования подростковой идентичности, когда признание (или привязанность) к кровным родителям отделяется от желания следовать за ними, повторяя их ошибки. Опыт показывает, что социальная наследственность и трансгенетические переносы имеют большее значение, чем «генетика» – и, в отличие от собственно генетики, не столь незыблемы.

Подводя итог этому краткому очерку, хочется еще раз отметить важность и обязательность работы с жизненной историей всех перемещенных детей, с объяснением и переосмыслением всех фактов

и событий этой истории. Дети к большинству ситуаций относятся так, как к ним относятся их близкие взрослые, и чем ребенок младше – тем это сильнее. Боязнь «травмировать» ребенка обсуждением проблем его жизни отражает нежелание взрослых иметь дело с болезненными переживаниями детей. Результат такого замалчивания – дети остаются один на один с мучающими их вопросами, и ответы, которые они находят или придумывают, зачастую хуже и вреднее, чем правда – тем более та правда, которая разделена и смягчена сочувствием взрослых.

М.В. Пичугина (Капилина)

Мама, мне объявили бойкот!

Проблемы

подростковой «травли»

Ребенок вдруг отказывается идти в школу, ходит мрачнее тучи, замыкается в себе или приходит к родителям с плачем и говорит: «Мне в классе объявили бойкот!». Как помочь в этой ситуации ребенку, что делать ему, его родителям и педагогам в классе, каковы причины детских бойкотов и как можно их избежать – на эти вопросы мы попросили ответить детского психолога Марию Викторовну Капилину.¹

Тебя здесь нет!

Большинство людей на своем опыте знают, что в подростковом возрасте многие или подвергались бойкоту, или сами были участниками гонений. Что такое бойкот? Это когда один ребенок в группе детей подвергается воздействию молчания, это активная форма игнорирования человека, его отрицание – как будто его здесь нет, и это, конечно, очень мучительно.

Вообще, молчание – очень сильное средство общения между людьми. Когда оно наполнено смыслом – не враждебностью, а смыслом, молчание может оказывать огромное влияние. Мы знаем, какую силу может иметь пауза, когда человек ничего не отвечает, оставляет время другим подумать – и как благотворно это может сказываться.

¹ Впервые интервью опубликовано в журнале «Нескучный Сад» №3-4 в 2007 году, записала интервью Марина Нефедова.

ваться. Но когда речь идет о детском бойкоте, мы сталкиваемся с молчанием как с формой проявления враждебности, групповой травли. Для взрослых людей это должно означать несколько вещей. Во-первых, это не просто конфликт, а травля, уничтожение одного ребенка другими детьми. А еще это – борьба за власть. Власть сделать существование человека невыносимым – и неважно, в подобном случае мы говорим о бойкоте или о том, что ребенка, например, коллективно бьют – по сути, бойкот – это то же избиение, только при помощи энергии игнорирования. А для взрослых людей – это прежде всего знак того, что в группе детей происходит иерархическое становление при помощи силы.

На ком попробовать зубы?

Если говорить о структуре подросткового бойкота, то здесь всегда есть идейный лидер и есть приобщившиеся. Когда авторитет взрослых падает, у детей встает вопрос авторитета внутри своей группы. И какой-то лидер начинает стремиться к власти. Травля кого-то – это проба своей силы, власти и над жертвой, и над другими людьми, которых он, этот лидер, за собой ведет. Он получает власть вершить судьбу. Это, конечно, иллюзия власти, но такие негативные лидеры – это дети, плененные страстью к власти над чьими-то чувствами. При этом иногда в такую позицию попадают дети совершенно неплохие, просто они увлекаются таким судом: начинают решать, что этот человек плох и с ним надо разобраться. Есть желание осудить кого-то, применить к нему силу разбирательства, а моральные устои подростка еще не совсем сформированы. Подростковый возраст – это возраст, когда уже есть желание судить о чем-то самому и действовать на основе собственных суждений, ограничения взрослых уже не срабатывают, а вместе с тем, еще нет достаточной чувствительности и милосердия – душа еще не воспитана, вот тут-то и начинается этот самосуд.

Дети бывают жестоки – но не все. Для большинства происходящее – знак, что и они могут оказаться на месте ребенка-изгоя, а если

не хочешь – присоединяйся. Срабатывает стадный инстинкт. Тот самый феномен – «мы» и «они», когда «мы» дает ощущение безопасности. А «они» – это вроде какой-то враг, сделавший нашу жизнь хуже. Нужен какой-то враг, чтобы на нем опробовать свои зубы.

Конфликт ранит всех

Когда дети растут в цивилизованном, гуманном обществе, я уж не говорю о христианском, ситуация «все на одного» – сама по себе очень плохая и тревожная. Что тут могут сделать педагоги? Естественно, нужно поговорить с детьми. Нужно собрать всех вместе, разговор следует вести открыто. Это не должно быть кулуарное разбирательство, нужно, чтобы присутствовали все участники ситуации. Не надо бояться свары, нужно организовать нормальное общение.

Педагоги могут собрать класс детей, могут пригласить родителей главных действующих лиц, сказать: «Вы знаете – у нас проблема. У вас объявлен бойкот, вы не разговариваете с таким-то мальчиком. А в нашей школе таких отношений, чтобы все набрасывались на одного и делали его жизнь невыносимой, быть не может. Давайте мы разберемся. В чем ваши претензии к человеку? Если он виноват – давайте найдем какой-то другой способ исправить ситуацию. В чем ваша цель? Затравить человека и сжить его со свету, чтобы он каждый день слезами умывался и жизнь ему стала не в радость? Или просто у вас есть какие-то конкретные претензии, может быть, вы ему их выскажете – и он исправится, и проблемы не станет, и все мы опять будем жить дружно? Потому что конфликт, острые отношения – они плохи для всех, они всех ранят. Когда какая-то нездоровая ситуация – не думайте, что вас это не касается!».

Действительно, бывает, что какой-то ребенок сам всех бьет, обижает, и дети против него объединяются. В таком случае, если для возмущения есть реальная здоровая почва, одноклассники могут как-то высказаться – он то-то и то-то делает. С каждым случаем нужно разобраться по отдельности, нужно сначала дать возможность высказаться обиженному, потом обидчику, выяснить у ребенка, что

стояло за его поведением, что он хотел на самом деле, может ли он вести себя иначе? То есть разобраться с делом, выяснить, в чем суть претензий и как можно примирить обе стороны. И если дети идут на этот разговор, это означает, что гонимый ребенок действительно всем чем-то насолил. Но так бывает редко.

Один за всех и все на одного

Гораздо чаще мы сталкиваемся с травлей. И если понятно, что в классе выбрали кого-то слабого, который почему-то всем не нравится, то в этом случае можно сказать довольно жестко: «Ваш класс не разговаривает с ребенком, потому что он вам не нравится. А знаете, педагогам не нравится такой класс. И раз вы это затеяли, значит, нам придется поступить с вами так же. К примеру, у нас не будет устных вопросов, а вы все переходите на письменную форму обучения, с вами не будут разговаривать учителя. Или вы вообще все не приходите в школу до тех пор, пока не найдете другого решения конфликта. Как вам это понравится?».

Если в школе, в классе такие вещи происходят – это показатель неблагополучия отношений внутри коллектива детей. И взрослые обязательно должны дать оценку того, что происходит.

Очень важно выяснить, кто инициатор конфликта и спросить: «Не боитесь ли вы, что когда-нибудь это случится с вами, ведь в жизни многое возвращается?».

Ошибка педагогов бывает в том, что, например, они, вызвав к себе зачинщиков конфликта, требуют подружиться с объектом общей травли. Нельзя в конфликте детей брать на себя силовое решение. Наша задача – помочь детям разобраться в своих чувствах, в том, что хорошо, что плохо, и дать им понять, какой выбор правильный, а какой нет, но действовать все равно будут они.

Что делать родителям?

Если ребенок приходит домой весь в слезах и говорит: «Мне объявили бойкот» – во-первых, нужно спросить, кто конкретно это сделал? Весь ли класс с ним не разговаривает? Внезапно ли это случилось? Как ребенок думает, почему это произошло? То есть сначала поискать разумные причины. Постепенно следует составить некую картину. Не сразу кидаться на амбразуру – ведь может быть, и ребенок в чем-то не прав. И если ребенок достаточно взрослый – ему нужно сначала предложить разобраться самому. Внутренне крепкому ребенку можно предложить прийти в класс и сказать: «Почему вы все со мной не разговариваете, что я вам сделал? А хотели бы вы, чтобы с вами так вот поступали? Объясните мне – если я неправ, я исправлюсь. А если вы просто травите меня, потому что вам охота над кем-нибудь поиздеваться – значит, вы – негодяи!». Иногда, если называть вещи своими именами, это задевает людей, вызывает желание ответить. И если начнется разговор, то лед будет разбит. И пусть это будет ругательство, пусть это будет какое-то горячее взаимодействие – тем не менее, это уже диалог, в котором можно прояснять отношения, а эмоциональное напряжение спадет само собой. А если ребенок боязливый и робкий, боится завести разговор сам, если у ребенка уже истерика, он явно не в том состоянии, когда можно идти выяснять отношения, он сломлен – тогда нужно родителю встать на его место, одному пойти в школу, к учителю, и вместе с учителем встретиться с классом и постоять за своего ребенка.

Прийти в класс, сказать: «Я – мама. У вас у всех есть родители. Вы бы хотели, чтобы ваша мама приходила каждый день домой, забивалась в угол, плакала и не разговаривала с вами? Вам было бы ее жалко?» Попытаться поговорить с детьми, у которых живое сердце, рассказать им о чувствах своего ребенка, постараться прояснить ситуацию. Иногда дети имеют одно представление о своих поступках, а когда им помогают понять, как это на самом деле – их поведение может измениться без всякого давления. Очень важно не «наезжать» на детей: «как вы посмели обидеть моего замечательного ребенка!». Агрессия порождает агрессию, говорить нужно по воз-

возможности спокойно. Я не беру крайние формы издевательств, когда уже пора подавать в суд, я говорю о том, когда еще можно восстановить ситуацию.

Для детей в подростковом возрасте важно не «прикрываться» родителями, не попасть в позицию «маменькиного ребенка». Поэтому вмешательство взрослых, его форма всегда должны зависеть от контекстных вещей: конкретной ситуации и особенностей ребенка. Потому что главное для взрослых – сделать детей жизнеспособными, т.е. научить понимать, что такое хорошо и что такое плохо, как им стремиться к первому и стоять за себя перед вторым. *Цель* действий взрослых в конкретной ситуации – добиться понимания всеми участниками *суть* происходящего, совпадает ли эта суть с тем, чего хотят дети на самом деле, и если суть эта дурна – найти другие способы поведения для всех, т.е. изменить ситуацию. *Форма* вмешательства: ее надо выбирать. Как раз от нее и зависит, будет ли ребенок выглядеть «маменькиным». Сильного ребенка можно «подготовить» к тому, чтоб отстаивать себя, обсудить, Что он хочет в этой ситуации, как этого можно добиться. Моральная поддержка очень важна, это – тоже форма участия. Если ребенок в плохом состоянии, деморализован или просто внутренне слаб – с ним (или с ней) можно поговорить так же, и спросить: «Хочешь, чтоб я пошел вместо тебя? Или мама?». Но если дело совсем плохо, нужно «брать огонь на себя». Да, родитель – это другая сила, не из мира детей, но ведь «все на одного» – тоже неравное соотношение сил! *Есть две крайние позиции родителей*: 1) Гиперопека: Бывают, к сожалению, родители, которые вмешиваются во все дела своих детей и шагу не дают им ступить самостоятельно или 2) «Брутальная» позиция: «Выплывай, как хочешь, сам». Понятно, что правильный путь – срединный. Мы здесь рассматриваем проблему в обычной семье с «думающими» родителями, задача которых – воспитывать своего ребенка, но не бросать его одного в отчаянии с «воспитательной целью»!

В том случае, когда ребенок уже настолько сильно пострадал, что для него невозможно остаться в этой школе, приходится просто уйти. Иногда это разумно. Но разобраться надо все равно. Уходить, не разобравшись, ни в коем случае нельзя. А после выяснения си-

туации сказать: «Мы уходим, но не потому, что вы такие сильные и мы вас испугались, а потому, что в вашем классе очень много подлости и вы это культивируете, а мы не хотим быть внутри таких отношений». Такое решение надо принимать совместно с ребенком, разобрав всю ситуацию и испробовав *все другие средства*. Так же надо понять, что «убегать» каждый раз невозможно.

После этого следует работать с ребенком. С ним должен обязательно поговорить священник, психолог, нужно выработать какую-то линию поведения. Коллективная травля – это большая травма, она может породить боязнь людей. Как выводить ребенка из этого? Ему надо очень сочувствовать: «Да, конечно, когда все против одного – это очень тяжело, но ведь ты все-таки это выдержал!». Потом нужно обсудить – может быть, присоединились к бойкоту не все, и кто-то относился к ребенку по-другому? То есть обязательно надо акцентировать внимание, что не все тридцать человек в классе его активно ненавидели. И важный момент – помочь понять, почему люди так действовали, знали они или не знали, как это влияет на ребенка? В том случае, если вы решили уйти из класса, ребенку нужно сказать: «Мы уходим, потому что мы не хотим быть с этими людьми, в жизни бывает так, что в каком-то месте нам не рады, а в другом месте мы обязательно найдем друзей, и у нас все будет хорошо». Подумайте с ребенком о тех людях, которые его любят и о том хорошем, что есть в его жизни.

Бывают ситуации, которые мы здесь не будем подробно рассматривать, когда ребенку вроде и не объявляют бойкот, но никто с ним особо не дружит. Причины этого разные. Это происходит иногда с гиперопекаемыми детьми, чьи родители придерживаются позиции: «мой ребенок исключительный». И вот когда такие мысли внушаются ребенку, у других детей это часто вызывает раздражение. Когда рядом сидит «исключительная личность», невольно хочется сделать что-то, чтобы она стала менее исключительной, сбить спесь. Такие дети – жертвы, отношение к ним других детей – это целая тема, не имеющая никакого отношения к бойкотам, хотя родителям этих гиперопекаемых детей может тоже захотеться прийти в класс и потребовать, чтобы с их чадом все дружили.

Не присоединился – герой?

Если детей воспитывать в уважении и сочувствии к другим людям, если у них будут какие-то понятия о милосердии, о том, что нельзя нападать на другого просто потому, что он тебе не нравится – то такие дети никогда не будут устраивать бойкот или присоединяться к травле. Способность принимать другого человека, даже если он не похож на тебя, – это профилактика бойкотов. Ведь если рассматривать бойкот как средство коллективной травли, как жестокость, то конечно, это невозможно для детей, воспитывающихся в добре и любви. Они просто не смогут в этом участвовать. И если ваш ребенок не присоединяется к коллективной травле, его нужно поддержать, но не превозносить. В отношениях с детьми не надо сильно все педалировать. Ему можно сказать: «Знаешь, ты нормальный человек. И я тебя поддерживаю», – так, чтобы он понял, что вы с ним заодно. А дальше нужно разобраться: «Ты знаешь, у этой травли есть лидер, и есть другие дети, которые к нему присоединились – они его боятся? И этот лидер бунта не потерпит? То есть ты протестуешь против его власти, и, конечно, он на тебя постарается обрушиться. Поэтому ты будь готов...» Можно подсказать ребенку лучший способ действий в этой ситуации – прямой откровенный разговор в присутствии других людей, прямо в лицо зачинщику, лидеру сказать, например: «Да, может быть этот человек не прав – но я против такого способа действий, потому что это не по-человечески. А тобой на самом деле движет желание проявить свою власть и жестокость, а вы все трусите». Открыто сказать. Наверное, это спровоцирует какой-то взрыв, но среди детей мало тех, кто жесток по-настоящему. Большинство – обычные дети, которые могут ошибаться, допускать слабости. И когда они слышат то, что им или не приходило в голову, или приходило, но они боялись признать, когда они слышат это, сказанное вслух, – они уже не могут это игнорировать. И ситуация перестанет быть скрытой, и уже не будет продолжаться. Уже не смогут люди, объявившие этот бойкот, по-прежнему носить маску благородного, справедливого, законного воздействия. Это сорвет напряжение – и бойкот будет прерван.

Не обличить, но помочь

Если ребенок вам рассказывает, что у них в классе объявили кому-то бойкот, то призывать ребенка к противостоянию этой акции, навязывать ему активные действия неправильно, потому что это уже получается не личный выбор ребенка. Однако выразить свое мнение, свое видение ситуации необходимо. «А мне эта ситуация совсем не нравится, и твоя реакция мне не нравится». Если ребенок спросит, почему, можно ему объяснить просто: «Что происходит, когда вы не разговариваете с Женей? Жене плохо. Ты уверен, что он понимает, за что вы с ним не разговариваете? Женя не может исправить ситуацию, потому что ему никто ничего не объясняет. Если ваша цель – изменить Женино поведение, то бойкот – лучший ли способ сделать так, чтобы Женя что-то понял? Явно нет! А результат такой, что Жене просто плохо. И другие люди получают от этого удовольствие, и вот это страшно. Получается, что это и есть подлинная цель – помучить кого-то и почувствовать свою силу? И мне эта цель не нравится, мне очень жаль, что ты этого не понимаешь...»

Ваша задача – не обличить, а помочь ребенку понять, что происходит, выразить свое отношение к этому. Может быть, этим вы поставите ребенка в сложную ситуацию, когда он уже знает, что другие неправы, и, например, все равно он не может пойти против всех, трусит. Но пусть он хотя бы это понимает, пусть его мучает совесть! Муки совести – это муки роста. Может быть, этот стыд в дальнейшем подвигнет его быть сильнее – и в следующий раз ребенок выскажется, а в этот раз он хотя бы участвовать не будет. Он узнает себя, начнет искать в себе силы, потому что если стыд жжет – ты будешь искать силы измениться. Конечно, если вы ребенку говорите: «Да, ты плохой, да как ты мог, да я тебя знать не хочу, да ты мне не сын после этого!» – это действительно очень тяжелая ситуация. Потому что вы таким образом не даете ребенку ни средства к исправлению, ни возможности понять, что происходит – он просто смутно понимает, что вызвал ваш гнев тем, что что-то рассказал, и в другой раз еще подумает, рассказывать ли вам что-нибудь? Поэтому нужно просто помочь понять ему, что происходит, и дальше дать свою оценку.

Лидер бойкота – мой ребенок!?

Самая тяжелая ситуация для родителей не тогда, когда ваш ребенок – жертва, а когда ребенок – лидер в травле. Потому что тут вы открываете, что ваш ребенок становится чудовищем. Это пугает, отвергает родителей в отчаяние: как мой ребенок так мог?! И ему невозможно сочувствовать в этой ситуации, он вызывает гнев – и в то же время это ваш ребенок, и большинство родителей чувствуют себя в тупике. Они не могут поверить, и первая их реакция – обвинение: «Нет, тот сам виноват, а моего ребенка оболгали!» Ведь иначе получается, что «я – плохой родитель, если мой ребенок – такое чудовище!». Это очень тонкая ситуация, и в любом случае, когда мы с чем-то сталкиваемся в отношении детей, прежде чем делать какие-то выводы, нужно все-все узнать про ситуацию. То есть никогда не поддаваться первому порыву и убедиться, что вы действительно собрали всю информацию с разных сторон, прежде чем как-то реагировать. И что вы там переживаете внутри – это ваше дело, но что вы будете делать – это должно быть очень осмысленно на основе такого анализа. Тут очень важно не ошибиться. И если вы собрали информацию с разных сторон, поговорили со своим ребенком и с другими детьми, поговорили со взрослыми – и вы понимаете, что действительно ваш ребенок повинен в организации всего этого, а он предстает в позе и не раскаивается – то есть в душе-то он безусловно боится, но вины своей не признает, можно с ним просто эту ситуацию разобрать, можно ему сказать: «Знаешь что? Я вижу, ты так воинственно настроен все отрицать, ты чувствуешь себя правым... Я тебе могу сказать, что по сути то, что ты сделал, может и имело какую-то благую цель, ты был возмущен поведением этого мальчика, и ты считал, что с этим надо бороться... А теперь давай с тобой посмотрим, что получилось. Получилось, что вы все объединились против одного человека, вы увлеклись слишком своим воздействием – и уже у вас поменялись местами ваша благая цель и тот способ действий, которым вы пытались ее достичь – это уже явно не благой путь, и привел он совсем не к благой цели. Посмотри – достигли ли вы того, что хотели? А может быть, вы достигли чего-то другого? Давай

с тобой разберем результаты, чего мы достигли: у нас – конфликт, у нас – нервный срыв вот этого человека – и действительно ли он настолько виноват, что в таком состоянии должен был оказаться? Ты хочешь сказать, что не хотел, чтобы он был в таком состоянии, но ты знаешь – вопрос не в том, что ты хотел, а в том, что ты сделал и что из этого получилось. Это – реальный результат. И поскольку твои действия к этому привели, значит, ты виноват».

Тут важно помочь ребенку: с одной стороны, дать ему какую-то надежду – «вот я понимаю, что ты не хотел самого плохого». А с другой стороны – «теперь давай посмотрим, что получилось, где надо было остановиться, может быть, нужен был другой способ действий?» Где он перешел эту грань между справедливым возмездием и жестокостью? Если ребенок скажет, что не хочет просить прощения, можно спросить его: «А чего ты боишься? Ты боишься, что все повернется против тебя и так же, как ты сейчас травил вот этого, начнут травить тебя? А знаешь, почему ты боишься? Потому что ты выпустил джинна из бутылки. Ведь известно, *кто* сначала людей подбивает на злые дела, а потом пугает: «Никому не говори – иначе с тобой поступят так же», – на самом деле подобные страхи лишают человека возможности раскаяться и исправить свою вину. И только правда, только правдивые признания в неправильности своих действий помогают человеку отказаться от них и начать действовать иначе». И, действительно, раскаяние происходит через боль. Но это необходимо.

Самое главное в отношениях с детьми – помогать им находить правильные пути. Хотя нам самим сначала нужно эти пути находить, тогда мы сможем помочь нашим детям. Это, конечно, подвиг, и это самый большой родительский труд.

М.В. Пичугина (Капилина) Профессиональные трудности при составлении «Книги жизни»¹

«Знание о своих предках и своей семье – «чувство корней» – помогает человеку понять, каково его место в истории этой семьи и в жизни в целом. Это знание тесно связано с понятиями «долг» и «смысл жизни», оно позволяет определить жизненные задачи и осознать значимость собственного жизненного пути.

Сохранение важных для ребенка связей с другими людьми, допустимых привычек, личных, в том числе памятных, вещей, восстановление жизненной истории самого ребенка и сбор сведений о его семье (составление «Книги жизни») частично смягчают боль потери и способствуют формированию идентичности.

«Книга жизни» (по В. Фалберг)

Особенность прошлого детей из неблагополучных семей состоит во фрагментарном характере, «выпадении» целых периодов жизни – некоторые из них дети не помнят в силу раннего возраста, а некоторые «вытеснены», как что-то ужасное. Патронатная семья может помочь ребенку, воссоздавая «линию жизни» в специальном альбоме воспоминаний. Там могут быть сохранившиеся или добытые у родственников ребенка фотографии, записи рассказов само-

го ребенка и других лиц о нем, рисунки, иллюстрирующие какие-то события, лист с наложенными одна на другую «обводками» контура руки ребенка в разных возрастах и т. д. Для сбора информации используются воспоминания самого ребенка, материалы из личного дела, беседы с членами кровной семьи, людьми, знавшими ребенка и его семью раньше (соседи, работники социальных учреждений – поликлиника, детский сад, школа, дом ребенка и т. д.). Важны любые сведения о прошлом, факты и комментарии патронатных воспитателей к ним – о чувствах самого ребенка в связи с этими фактами, об их личном отношении, сопереживании ребенку в связи с тем, что излагается. Благодаря комментариям воспитателей и их поддержке у ребенка формируется более позитивный взгляд на свою жизнь и на себя самого.

Установление хронологической последовательности событий жизни ребенка, постепенное заполнение «пробелов» путем воссоздания утраченного и выявления неизвестных фактов, осмысление и переоценка значимых ситуаций, поиск положительного ресурса в судьбе ребенка – основные задачи такой работы.

Воссоздание жизненной истории ребенка, формирование здоровой идентичности и адекватного самовосприятия у детей, переживших разрыв с семьей, представляют собой одно из базовых направлений деятельности психолога в социальных проектах помощи семьям с приемными детьми. Обычно материальным воплощением жизненной истории детей становится «Книга жизни». Необходимые сведения о работе с «Книгой жизни» можно найти в работах д-ра Фалберг (Fahlberg). Ее книги – энциклопедического уровня, в них много практических рекомендаций по работе с детьми и приемными семьями.

Тема данного семинарского занятия – профессиональные трудности, с которыми сталкиваются специалисты при составлении «Книги жизни». В качестве примера мы будем использовать настоящую «Книгу жизни» одного 11-летнего мальчика (с его разрешения), которая представляет собой квинтэссенцию этих трудностей.

Итак, *первая трудность*, обычно возникающая у специалиста, который должен составлять «Книгу жизни» – это вопрос: «А надо ли

¹ Стенограмма семинара, Санкт-Петербург, СПЦ «Дом Милосердия», осень 2007 года. Впервые опубликовано на сайте www.pro-mama.ru.

это делать? Стоит ли будоражить прошлое ребенка? Может быть, как-нибудь само утрясется?»

Без сомнения, вопросы такого рода порождаются профессиональной неуверенностью: незнанием того, как подступиться к задаче, боязнию навредить или столкнуться с болью ребенка. Каждый, кто хотя бы однажды проделал успешно эту работу, смог оценить ее значение. Дети, утратившие семью, переживают социальную и личностную дезориентацию. Упорядочивание событий прошлого, поиск позитива, восстановление утраченных сведений – это целый пласт реабилитационной работы по преодолению внутреннего хаоса у таких детей. И его возможно осуществить посредством составления «Книги жизни». Но вопрос все же возникает...

Представленную вам «Книгу жизни» составляла не я, с ней работала стажер, девушка-психолог, которой нужна была профессиональная практика. И первый вопрос, который она задала: «А надо ли это вообще делать?» Она прочитала весь материал, который мы ей дали про «Книгу жизни», и все же спросила: «Надо ли вообще ребенку это знать?» В данном случае проблема решилась просто. Я была ее руководителем и дала ей задание: «Сделай хорошую «Книгу жизни» с этим ребенком. Я буду тебе помогать, а потом ты поймешь, зачем это было нужно». Это был наш с ней профессиональный договор: она делает, а потом понимает, насколько это нужно. Я использовала свой авторитет и возможность влиять на события, а она просто должна была сделать такую работу, это было ее профессиональной обязанностью.

Трудность номер два: ребенок-клиент имеет очень тяжелую судьбу.

Мальчику, для которого составлялась эта «Книга жизни», сейчас 11 лет. Его мама умерла от сердечной недостаточности, наступившей в результате регулярных побоев со стороны отца, когда Вите (имя изменено) было 2 года. Мальчик, по его словам, не знает, что произошло, и даже не помнит своей мамы. Папа в результате был лишен родительских прав и попал в тюрьму из-за жестокого обращения с женой, которое фактически послужило причиной ее смерти. До 3 лет о ребенке заботилась бабушка, потом она поняла, что не в силах заботится о ребенке, и он попал в детский дом, не в наш. Некоторое

время он жил там, затем из-за плохого поведения и больших проблем с развитием попал в интернат для умственно-отсталых детей. И затем из этого интерната он был переведен в наш детский дом в возрасте 11 лет. Вот таков путь его перемещений. Надо сказать, что из этого интерната нам его отдали с большой радостью, а на нас тоже смотрели как на умственно-отсталых.

У этого ребенка стоит диагноз «умственная отсталость». Однако, на наш взгляд, в данном случае имеет место задержка развития на органической основе и социопатическое формирование личности. У него есть функциональные нарушения, ограничен объем памяти и энергетические возможности в обучении, он гиперактивен, возбужден, плохо держит внимание, у него преобладает конкретное мышление, то есть снижена возможность абстрактно-логического мышления относительно его возраста.

Но он не олигофрен, он способен обучаться, и серьезные пробелы в его знаниях являются, в большей степени, следствием социальных и мотивационных нарушений. Тем не менее, диагноз у него стоит, и это довольно обычная ситуация с детьми из детских домов.

Когда по социальным причинам, чтобы проще с ребенком было обращаться, ему сначала ставят диагноз, а потом его не снимают. Потому что специалисты оказываются перед дилеммой: либо снять диагноз и тем самым признать, что он был неверен, т. е. поставить под сомнение компетентность собственной комиссии (а в больницах годами заседают одни и те же комиссии), либо сохранить диагноз, что явно проще. Тем более что ребенок, годами живущий в интернате вместе с такими же детьми, не имеет адекватных возможностей для развития и компенсации, это просто резервация, и дети оказываются заложниками своего диагноза, постепенно приходя «в соответствие» с ним.

Мальчик, попавший к нам, – «тяжелый» по своему собственному статусу (поведенчески, интеллектуально, эмоционально), у него достаточно сложные объективные нарушения. И социальный анамнез у него также очень неблагоприятный: папа – психопат, забивший жену до смерти, мама – жертва, которую ребенок, как он утверждает, не помнит. При этом он сохранил отношения с семьей, он сейчас

не хочет ни в какую патронатную семью. Он идеализирует свою кровную семью, папа для него герой, он говорит: «Папа хороший, папа меня любит, бабушка меня любит, я хочу жить с ними».

Когда возникла задача составления «Книги жизни», мне нужно было с этим мальчиком заниматься психотерапией. И вы понимаете, это не самое лучшее начало, если клиент считает, что у него-то нет никаких проблем, кроме проблем окружения, а окружение – это мы. Мы – разлучники с его хорошей семьей, которая на самом деле его любит, и он был бы счастлив, если бы не мы. В такой ситуации его желание говорить о своем прошлом, реальном прошлом, минимально.

Это и есть *третья трудность* – когда ребенок не желает заниматься составлением «Книги жизни», своей личной историей.

Он не хочет рассказывать об этом. Ни другим, ни себе. Он боится этой боли, и этот страх передается тем, кто работает с ним. Но наша задача – как раз «обезболить» его историю, ради этого все и делается.

И *четвертая трудность* в нашей стране – у нас очень часто нет достаточной документации о детях, даже у тех детей, которые проходят через учреждения. Недостаток документации, которая ложится в основу «Книги жизни», официальной документации. У этого ребенка не было медицинской карты в раннем детстве, следовательно, не было сведений о рождении, о первых заболеваниях и так далее.

Это то, с чего мы начинали всю эту деятельность.

Моя работа супервизора заключалась в следующем: я разделила всю работу на «шаги» и минимизировала их. Я сказала девушке-стажеру: «Твоя первая задача – выстроить последовательность событий. Тебе не надо сразу углубленно изучать события, добиваться эмоционального отклика ребенка на события, надо хотя бы примерно последовательность событий выстроить». Затем мы с ней составили план действий, ее действий. И впоследствии все полученные в ходе работы с ребенком сведения я помогала ей систематизировать, анализировать и комментировать. И все эти комментарии вошли в «Книгу жизни» мальчика.

Задачей стажера было по возможности восстановить отсутствующие социальные данные.

Надо сказать, что эта «Книга жизни» не является образцом, она несовершенно, именно поэтому я ее и взяла в качестве примера. Это не та «Книга жизни», которую можно показывать на Выставке достижений народного хозяйства, это нормальный рабочий материал, который можно развивать дальше.

Первое, что мы сделали, – зафиксировали свидетельство о рождении. Мы сняли копию и поместили в «Книгу жизни» это документальное свидетельство о том, что ребенок родился. Сам мальчик говорил, что он родился не в роддоме. Мы поместили его свидетельство в «Книгу жизни», чтобы у него, как ни странно звучит, вообще было свидетельство, что он родился. Хотя это несомненный факт, потому что он – есть, но у ребенка было некоторое замешательство, когда он увидел свидетельство о рождении, и он очень долго его изучал.

Когда ребенок раз за разом возвращается к чему-либо под разными предложениями, рассматривает, то это очень важно, так как в данном случае внимание, устойчивый интерес к чему-либо – это показатель значимости.

Затем мы восстановили его медицинские документы.

Когда надо было описывать младенческий период развития этого ребенка, стажер меня спросила, что делать, у него же нет семейных фотографий из раннего детства, и он практически ничего не помнит. Мы договорились, что можем использовать рисунки и фотографии каких-либо других младенцев, просто чтобы был «образец», хоть что-то: «младенцы выглядят вот так». И мы поместили это на вторую страницу его истории.

На первой странице вы можете видеть фотографию мальчика в настоящий момент, какие-то забавные картинки, которые оживляют ситуацию и отражают виды деятельности, которые любимы им. Это не обязательно рисунки. Он любит футбол, любит кататься на скейтборде, любит пошутить, и мы нашли какие-то картиночки и поместили их сюда. Здесь написано: «Это твоя “Книга жизни”, которую мы начали писать 17 сентября 2005 года, тебе сейчас 11 лет. В “Книге жизни” описаны сведения о тебе, немного социальных и меди-

цинских сведений и наши комментарии. Ты родился в Москве 3 мая в родильном доме. Мы не знаем сейчас номер этого роддома, мы это выясним, при рождении ты весил 3.300 и твой рост был 50 см». При этом мы нашли куклу для него ростом примерно 50 см, мы не стали здесь это примерять, мы показали, как примерно выглядит младенец. Потом он поинтересовался, что такое 3.300. Мы насыпали в мешок сахара, и он подержал это на руках, причем он держал мешок, как держат детей. Он при этом ничего не говорил, он поковырялся в носу, вздохнул и сказал: «Да, я пошел играть».

Дальше там написано: «Ты закричал сразу». Он спросил: «А что это значит, почему вы об этом пишете?» Мы сказали ему: «Это значит, что у тебя не было никаких асфиксий, ты не задыхался, это реакция нормального, здорового ребенка». Он спросил: «Это значит, что при рождении со мной все было нормально?» Мы сказали: «Да». Причем эти вопросы он начал задавать не сразу.

Первая его реакция на «Книгу жизни» была такой: он лазил под стол и говорил: «Да пошли вы на фиг...». Те, кто работает с детьми, знает, что это не самое плохое, что можно от детей услышать в качестве отзыва на свою работу. Тем не менее, все время краем уха и краем глаза он отслеживал, что происходит.

Что было написано дальше: «Если тебе когда-нибудь будет интересно, то вся информация о младенцах хранится 25 лет». Это правда: во всех роддомах информация хранится 25 лет в закрытых архивах.

Далее в «Книге» написано: «При желании ты сам можешь обратиться в тот роддом и в дом ребенка, в который ты попал впоследствии». Для мальчика это очень важно, потому что, по его сведениям, он родился не в роддоме, он вообще не имеет понятия, где он родился. А какая-то определенность – это почва под ногами. И в некоторых случаях негативная информация лучше, чем отсутствие какой бы то ни было информации. Мы оставили тут свободное место, потому что мальчик был негативно настроен и отказывался сам рисовать. Мы специально оставляли пустые листы, чтобы в дальнейшем, возвращаясь к ним, он смог что-то рисовать и писать сам.

На следующей странице мы поместили фотографию младенца. И так прямо и написали: «У нас, к сожалению, нет твоей фотографии

в младенческом возрасте, но младенцы выглядят так. Они очень маленькие и беззащитные, и ты был тоже таким, когда родился. Младенцы нуждаются, чтобы рядом с ними кто-то был, и обычно будущие родители очень ждут рождения ребенка». Это очень важный момент. Дети, чьи родители позволили произойти разлучению, считают себя отвергнутыми, нежеланными. Но родители рожают детей для жизни, они передают им дар жизни, не являясь его хозяевами и «авторами». И одна из задач «Книги жизни» – показать ребенку, что с ним или с ней все в порядке, они достаточно хороши для жизни, раз появились на свет.

Этот мальчик не хотел говорить о своем прошлом по двум причинам. Во-первых, он не хотел говорить плохо о своих родителях, потому что на самом деле знал очень много плохого. Во-вторых, он не хотел говорить, чтобы не предавать их, и боялся общественного осуждения для своих родителей, отчасти выполняя прямое указание своей бабушки, которая напутствовала его такими словами: «Не болтай о своей семье и держи язык за зубами». Иногда явное или неявное напутствие со стороны родителей присутствует, и дети его выполняют, соблюдая верность своей семье.

И вот эти скудные сведения и отношение ребенка к своему прошлому как к чему-то очень плохому, что нужно скрывать, поставило для нас очень важную терапевтическую задачу «Книги жизни» – найти то хорошее, что было в его прошлом, восстановить хоть какое-то теплое, человеческое отношение к этому прошлому, которое, безусловно, есть. И заслуживает признания.

В то же время мы не можем врать, сказать: «Ах, с твоей мамой ничего страшного не случилось». Но мы можем писать ту правду, которую мы понимаем.

Действительно, в какой-то момент у любых родителей, у которых рождается ребенок, возникают теплые чувства. Пусть не все время, пусть не настолько, чтобы как следует и вовремя заботиться о своем ребенке. Но все же это не то убеждение, к которому в глубине души приходит каждый брошенный ребенок: «Я никому никогда не был нужен – а значит, и не буду».

Мы об этом написали: «Обычно родители ждут рождения ребенка, и для них это радость, так как он является плодом их любви».

Потому что это – правда: когда люди вступают в близость, какие-то теплые чувства, тот максимум, который они могут испытывать друг к другу, у них есть. И в данном случае мы не судим, а просто свидетельствуем, что в жизни его родителей это было. Там было много всего другого, но в этой работе главное не то плохое, что там было, это известно и нам, и ребенку. *Нам важно найти крохи хорошего, и поднять их на поверхность, создавая в дальнейшем опорные точки, по которым ребенок сможет идти, как сквозь болото, сквозь свою беду.*

В следующем фрагменте отражено противоречивое отношение, которое есть в чувствах ребенка и в его словах относительно его семьи, такая амбивалентность. С одной стороны, он говорит, что не помнит свою маму, и в то же время упоминает: «Она – Зубарева, потому что я – зубастый», и это притом, что у него другая фамилия, по отцу. На самом деле связи здесь не видно, но скрытая агрессия присутствует, вот это упоминание о зубах, а ведь его мама была жертвой. Несомненно, отношение к ней не как к жертве, а как к источнику проблемы – что она взяла и померла, а папу за это посадили в тюрьму и мальчика отправили в детский дом, – со стороны семьи явно присутствует. Это типичное отношение в семьях, где есть насилие. И оно учит ребенка и к самому себе в дальнейшем в ситуации, когда он жертва, относиться как к виноватому, это то, с чем мы с вами сталкиваемся. Он говорит, что он не помнит, как звали маму, при этом он возражал психологу, которая посмотрела по документам и сказала: «Нам известно, что когда ты родился, твоей маме, Зубаревой Анне Павловне (имя изменено), было 24 года, то есть она была очень молодой». Нами указано, где эти сведения написаны, чтобы он смог проверить, потому что официальные данные со сведениями семьи расходятся. Мальчик говорит, будто не помнит, как звали его маму. Согласитесь, довольно странно, что имя матери даже не упоминалось в семье (бабушка отдала его в детский дом в возрасте почти четырех лет, потому что плохо чувствовала себя и не могла заботиться о мальчике). То есть ребенок утверждал, что он этого не знает. Соответственно, для нас как для специалистов это

значит две вещи: либо имя матери действительно не упоминалось, и это такая закрытая тема, скелет в шкафу, о котором мы говорили, либо это вытеснялось, как что-то плохое, как будто она преступница.

Однако когда вы находите для ребенка какие-то факты из его прошлого, он вдруг начинает говорить, хотя до этого утверждал, что ничего не помнит.

Мы сказали мальчику: «Ты говорил, что не помнишь, как звали твою маму, и что дети рождаются, а мам избивают». А он ответил: «Я не помню такую чушь, что маму зовут Анна, бабушка такое не говорила». То есть очевиден конфликт между его лояльностью к семье и тем, что предлагали ему мы. Но мы потихонечку свое дело продолжали делать.

Дальше написано: «Мамы вынашивают ребенка 9 месяцев, а потом только рожают. Твоя мама тоже 9 месяцев вынашивала тебя, берегла тебя внутри себя, чтобы с тобой ничего не случилось. Когда у мамы рождается сын, она радуется, так как появляется будущий защитник и опора в жизни». Это все очень важные вещи.

Мы часто в работе с детьми не упоминаем тех вещей, которые нам кажутся абсолютно очевидными, и таким образом дети не узнают каких-то чрезвычайно важных понятий просто потому, что им не сказали.

Никто не считает нужным говорить об очевидных вещах. Мы все это обсуждали со стажером, и она меня спрашивала: «Ну что я могу написать об этом?» Мы договорились, *что* именно она может написать.

Для ребенка значимо, что его умершая мама его любила, что она умерла не потому, что не любила его, что он имел для нее значение. И вообще такие подробности, что ты когда-то был внутри мамы, и она тебя берегла, – очень важны.

И это совсем не простой факт, что ты был где-то внутри, и потом тебя родили, это целое событие.

На нашего мальчика эта часть работы произвела громадное впечатление, он так и сидел замерев.

Он – гиперактивный ребенок, а когда гиперактивный ребенок замирает, он находится в состоянии транса. Беспокойство внешнее

– это способ избавиться от беспокойства, которое все время точит внутри. И с ним редко такое случается, чтоб он замер. А тут он впал в состояние транса на некоторое время: он все время закрывал и открывал эту страницу, не читая ее. В возрасте 3 лет дети часто играют в «сохранение предмета»: что-то достают и прячут. Витя делал то же самое с этой страницей: он как будто каждый раз возвращал себя к тому, что он имел значение для своей мамы, к тому, о чем написано на этой странице. Для него это была новость, он об этом никогда не думал.

На следующей странице написано: «Для своего отца ты был первенцем».

Для нас это было существенно. Это очевидный факт, но нам показалось важным это записать.

«Первенцем, и особенно мальчиком, отцы всегда гордятся, гордятся, что у них первым рождается сын». Это тоже важно упомянуть. Безусловно, мы абсолютно уверены, что хотя бы в какой-то момент искра гордости у мужчины все равно возникает в душе. Что он делает с этим ребенком, как он обращается с ним, это другой вопрос, это вопрос жизненный, но факт, что, безусловно, что-то в душе у папы было, мы упомянули.

Мы написали: «У твоего папы был очень крутой характер, он всегда был главным в доме и он всегда жестко себя вел с остальными».

Правда не должна уничтожать.

Мы не можем лгать, скрывать правду, но очень важно находить слова, которые отражали бы правду правильным образом и в то же время не содержали в себе осуждения. Крутой характер, жесткое поведение – это обозначение того, какой был папа. На самом деле мальчик все очень хорошо помнит, потому что в дальнейшем он изобразил семью на рисунке и давал очень красноречивые комментарии. И после этого признания он вообще отказался что-либо делать, и мы сами продолжали делать «Книгу жизни», потому что он решил, что он слишком много сказал.

Еще один используемый шаг – все излагается постепенно, то есть не только временная последовательность восстанавливается, а события, так же, как в жизни, созревают постепенно, и это очень

существенно. Также преимущество «Книги жизни» в том, что эта постепенность представлена постранично. Сознание детей, с которыми мы работаем, очень хаотично и фрагментарно. Поскольку единственный механизм защиты у них – это вытеснение страшных моментов. И тогда с воспоминаниями происходит то же, что с кинолентой, из которой вырезаны куски – они становятся разрозненными и смешиваются в беспорядке. И отсюда очень многие нарушения в мышлении, в поведении у таких детей, эта хаотичность присутствует во всем.

В «Книге жизни» эти фрагменты выстроены последовательно и, кроме того, хорошо, если «Книгу» можно сделать не на пружинном переплете, а из альбома с файлами, куда все время можно вставить что-то, дополнить, это очень хороший прием.

По сути, единственная сессия, на которую данный ребенок согласился – это сессия, когда он нарисовал рисунок семьи и давал какие-то комментарии к нему. Он не хотел говорить об истории жизни, но он нарисовал рисунок.

Таким образом, работа с «Книгой жизни» происходила постепенно.

Вначале мы работали с документами, связанным с рождением ребенка и о начале совместной жизни родителей с ним. Вот важный момент, до которого мы дошли, – рисунок, он очень мелкий. Наверху красное – это то, что мальчик сделал в конце, он сказал, что эту надпись может прочитать только отец. Это не надпись, это какой-то зигзаг, рисунок красным цветом, это было его обращение к отцу. Достаточно яростно он это рисовал, изображал, это видно по рисунку – ломаные линии и такой разброс в пространстве. Внизу рисунок семьи с надписями «Я крутой», при этом мальчик сказал, что это не его семья, а просто «какая-то семья».

Когда ребенок противится тому, чтобы нарисовать семью, мы ему говорим: «Ну, хорошо, нарисуй какую-нибудь семью, не свою». Вы все знаете, что частица «не» мозгом не воспринимается, отрицательная формулировка все равно содержит в себе первоначальный образ, на основе которого строится отрицание: чтоб нарисовать «не свою семью», сначала надо представить – свою. Витя нарисовал и сказал:

«Это маленький, у него кровь течет». Он нарисовал маленького ребенка, рядом – маму, всю такую квадратную с неестественной, растянутой улыбкой на лице клоуна. Затем – папу с большим кулаком:

«Папа бьет маленького, у маленького кровь течет», – еще раз повторил он. Это его любимый папа, который никогда ему ничего плохого не делал.

Дальше он стал рисовать себя, говоря: «Это я, Витя», и нарисовал три фигурки: себя, фигурку с подписью «Я крут» и еще одну – «Я – big boy» («большой мальчик»). Он уточнил, что boy («бой») он употребляет в значении «драка». Уже дальше последовала красная надпись. После этого он вообще отказался что-либо делать, и потом мы работали только с документами и фотографиями.

Фотографии у него, к счастью, были.

В качестве следующего шага мы изобразили линию его перемещений. Это тоже очень важно, просто линию фактических перемещений из одного интерната в другой, и представили это на одном листе с названиями всех учреждений без комментариев. Здесь написано: «Школа-интернат. Ты пошел в первый класс и учился там до 2003 года. Затем ты переведен в детский дом №..., специализированный для детей с отклонениями в развитии, и учился в школе №.... И затем ты (стрелка) переведен в детский дом № 19. Зачислен 13 января 2005 года и учишься в школе №...». Над этим листом он тоже «зависал». Он, в принципе, знал свой жизненный путь, *но почему-то ему было важно, что это было представлено на одном листе, вот эта целостная последовательность.*

Следующий шаг, к которому мы вернемся в дальнейшей работе с ребенком, – это восстановление всего его жизненного пути с перемещениями: сначала родильный дом, потом семья, потом интернат, потом один детский дом, потом другой. Мы представим это на одном листе. Не просто фрагментами и кусочками, как это существует в его сознании, а в виде внешнего, доступного зрительному восприятию, образа. *У мальчика конкретное мышление, он живет настоящим моментом, он очень импульсивный, поэтому для него крайне важно все, что представлено образно и в едином пространстве, что доступно для восприятия одновременно.*

Кроме сведений о семье, мы поместили в «Книгу жизни» медицинские сведения: информацию о его заболеваниях, прививках, которые, кстати, он тоже изучал с большим интересом. Мы написали очень значимые вещи, касающиеся его отношения к семье и к факту перемещения. Здесь написано: «Для твоих родителей очень важно, что ты появился на свет. На момент рождения они не были зарегистрированы как муж и жена, но они жили вместе, а следовательно, являлись гражданским мужем и женой, они твои папа и мама. Как вы жили первые два года твоей жизни, мы не знаем. Ты любишь своих родителей и потому не хочешь говорить о семье, так как хочешь гордиться своими родителями и не обсуждать с посторонними что-то плохое». Обратите внимание, мы фактически регистрируем его слова, но дополнительная информация, которая здесь заключена, это то, что в его семье было что-то плохое, о чем он не хочет говорить, потому что любит своих родителей. Мы признаем его право на частную жизнь, на чувства, мы фиксируем их документально, мы не отрицаем их, но в то же время мы фиксируем, что там были проблемы. Дальше мы описали факт разлуки с семьей, что произошло и почему это произошло, и поместили на эту страницу фотографию, на которой он в последний раз со всей своей оставшейся семьей. Это была последняя по времени фотография, где он с бабушкой и папой. Здесь написано: «Когда тебе был 1 год 8 месяцев, 29 января 1996 года, твоя мама умерла. Известно, что она умерла от сердечной недостаточности, вызванной частыми побоями». Мы не пишем, что папа бил маму. Но ребенок на самом деле это знает, и у нас была очень большая проблема. Мы не могли говорить ребенку, что папа убил маму, потому что это очень тяжелая информация, но в то же время это правда. До этого мы писали, что характер у папы крутой и он бил маму иногда, здесь это написано, но на самом деле мальчик все знает. Это тот минимум, который можно и нужно написать, но вы видите, что он очень сдержанный, без каких-либо комментариев на эту тему. Вообще здесь пока нет никаких комментариев мальчика, я позже об этом скажу.

«Даже маленькие дети любят своих мам, так как мама заботится о них, дарит им тепло и любит их, и разлука с мамой тяжело пережи-

вается ребенком. Для тебя маленького это было тяжелое событие в жизни, но ты пережил это тяжелое событие, так как у тебя был папа, бабушка и родственники, а именно, дядя, папин брат». Тут написаны имя, фамилия дяди и его дата рождения. «Потом твой дядя женился, и в твоей семье появилась тетя Галя». Это упоминание о расширенной семье и кровных родственников. Судя по тому, что дядя женился и никогда не сидел в тюрьме за жестокое обращение, он социально сохраненный человек и он помогал своему племяннику. Это представитель кровной семьи, и информация о нем – возможность для ребенка строить отношения с представителями кровной семьи в дальнейшем. Кроме того, тут отражен тот факт, что папа и бабушка к самому мальчику сохраняли теплые чувства и готовы были заботиться о нем.

На следующем листе – отражение отношения мальчика к своей семье. Он идеализирует ее, и мы обязаны с этим считаться. Это такое дерево с человечками, на котором ребенка просят нарисовать его кровных родственников разными цветами и дать какие-то комментарии к этому. Он яркими и позитивными цветами рисует свою семью, он и себя рисует теми же цветами, что и папу, бабушку, он рисует близость. Мы поместили в «Книгу жизни» этот рисунок и комментарии к нему: «Ты любишь свою семью, она очень важна для тебя».

Дальше фотография не того времени, а детская. И мы описали: «После смерти мамы о тебе заботилась бабушка. У папы начались неприятности, и он попал в тюрьму». Мы не описываем подробно, по какой причине, но мы отразили этот факт. «О тебе заботилась бабушка, но потом по состоянию здоровья ей это стало тяжело, и тебя перевели в детский дом». Почему я так подробно рассказываю об этом? Это – очевидные вещи, но для ребенка очень важно, что бабушка не просто не захотела больше заботиться о нем, а дело было в том, что она старая женщина и у нее не было сил заботиться о маленьком мальчике, который требует много внимания. При этом она продолжала его навещать, она все время его навещала в детском доме, и про это здесь написано.

Когда у взрослого человека возникают сомнения, что его любили, что он был нужен, иногда нужно какое-то материальное свидетельство, – так же, как любому из нас – о том, что это было действи-

тельно так. Это как раз такое свидетельство. Пусть Витины родители не могли дать ему весь объем любви, пусть они давали ему какой-то минимум с нашей точки зрения, но это было хоть что-то, и ему очень важно это знать.

Поскольку ребенок никак не комментировал и не говорил о своих чувствах, у нас была необходимость интерпретировать его чувства. Вот что мы написали: «Это трудное начало жизни для тебя. И никому не пожелаешь, чтоб так складывались обстоятельства. Но ты это пережил, ты живешь дальше, ты познаешь мир. Ты многого не понимаешь, поэтому иногда злишься и дерешься. Ты всегда был подвижным, сообразительным ребенком, любящим спорт, а не учебу».

Мы находим в нем положительные черты и фиксируем их. У него большие проблемы с учебой и он действительно гиперактивен, мы не переиначиваем факты, но мы кроме негатива, который всем известен, находим и позитив и отражаем его.

«Ты дрался, когда тебе казалось, что тебя не понимают, или просто ты злился. Тебе все давалось нелегко, но все равно ты стремился к успеху». Это правда, у этого мальчика есть стремление к успеху, и он такой престижный. «Тебе нравится помогать другим и общаться, поэтому у тебя всегда были друзья». Это тоже правда.

«Тебе нравятся мальчишеские проделки, и вел ты себя часто не очень хорошо, но для мальчика это обычное поведение, однако важно, чтобы твои проделки не причиняли вреда тебе и окружающим».

Детям, пережившим потерю, очень важно сохранять все контакты, всех значимых лиц, которые когда-либо возникали в их жизни. Мы нашли фотографию его друзей из интерната и поместили ее сюда с комментариями: «Это друзья из 70 детского дома и девушка из Фонда «Надежда», которая посещала тебя». Это также факт, что кому-то он был интересен во внешнем мире.

Уже на этом этапе вы видите, что работа с «Книгой жизни» – это умение фиксировать те крохи, которые есть, замечать и не пропускать их. Это то же самое, что работа разведчика. В нашей работе нет ничего неважного.

Продолжаем наши комментарии к фотографиям Вити. Обратите внимание, что мы выбирали яркие фотографии, потому что наша

задача была создать какой-то позитивный фон и максимально позитивное отношение к его собственной жизни.

«Ты неразговорчив, ты не любишь говорить о себе, у тебя богатый внутренний мир, но ты часто скрываешь свои переживания или не можешь их выразить и из-за этого становишься агрессивным и не можешь сдерживать свои отрицательные эмоции. У тебя бывают трудные моменты, но они проходят, тебе важно, чтобы в эти минуты тебя кто-то поддерживал и чтобы все-таки к тебе хорошо относились. Тебе хочется быть успешным, хотя успех тебе нелегко дается, и ты гордишься, когда у тебя что-то получается, ты не останавливаешься на этом, а стремишься к еще большему успеху». У каждого ребенка есть свои личностные особенности, и очень важно отразить то позитивное, что в них есть, и зафиксировать документально, чтобы потом в те самые трудные моменты он мог возвращаться к этой «Книге жизни», где *написано, что он – хороший*, причем написана правда.

Мы знаем, что у него есть увлечения. Здесь фотография акробата, так как он проявил большой интерес к акробатам в цирке, он и сам очень гибкий мальчик, поэтому мы написали на следующей странице: «У тебя большой потенциал. У тебя есть интересы и любимые занятия. Когда ты был в цирке и увидел акробатов, они тебя сильно впечатлили. Ты заинтересовался этой профессией, и может быть, ты станешь акробатом. Также ты танцуешь брейк – нижний и верхний». Соответственно, здесь такая дискотечная страница. Здесь фото брейк-танцора из журнала и подпись: «Ты любишь показывать разные элементы из брейка». И написано еще, что он любит, это его цитата, написано психологом от руки, а не на компьютере. Это написал не сам Витя, но в этом есть что-то более личное: «Я люблю белых медведей, и еще мне жалко бездомных собак», – и рисунок белого медведя карандашом.

Мы все время оставляем пустые места, чтобы ребенок сам мог дорисовать. Уже на этом этапе он очень активно начал интересоваться тем, что мы делаем. То есть он приходил и говорил: «Ну, какая там погода, как что, а кстати, как там моя «Книга жизни», вы чего-нибудь новое туда написали?» – «Хочешь что-нибудь туда написать?» – каждый раз спрашивали мы его. – «Нет-нет, мне это не интересно», – говорил он, подходил к столу и начинал подцеплять пальцем стра-

ницы. Он не открывал «Книгу» сам, психолог с готовностью открывал ему эту страницу, он рассматривал, а потом говорил: «Ну, ладно, ну, я пошел играть».

В начале работы, если помните наш рассказ, он грубил, не хотел разговаривать, лазил под стол. В настоящее время он заходит каждый день и, когда стажера-психолога не бывает на месте, он спрашивает, где она, и «Книгу жизни» он предпочитает хранить в нашем кабинете, для него очень важна приватность. Для ребенка, который всю жизнь прожил в интернате и никогда не имел личного пространства, наш кабинет – это место, где, он знает, никто не возьмет его «Книгу», и это еще один показатель уровня доверия к нам.

В «Книге жизни» фиксируются значимые актуальные события в жизни ребенка: «Лето 2005 года ты провел в Евпатории в лагере, где ты купался в море и ходил в аквариум». Это его отзыв, то, что он запомнил. «Ты пользовался популярностью у девочек и танцевал с ними на дискотеке». Это очень важно, потому что у Вити начались «первые любви» с девочками, и это очень важный факт для мальчика, который все время со всеми дрался и которому трудно устанавливать отношения. Все-таки, когда у него есть какие-то теплые чувства, привязанности, мы это отражаем. И видите, как это написано: «Ты пользовался популярностью у девочек», – не только ему нравились девочки, а он тоже кому-то нравился, в том числе девочкам.

Теперь нам нужно было написать трудную информацию. Он же все время говорил, что он не хочет ни в какую приемную семью, а хочет вернуться в свою родную семью. Тут фотография Вити и директора нашего детского дома, вот что мы по этому поводу написали: «Твой папа лишен родительских прав, поэтому ты к нему вернуться не можешь, но ты регулярно встречаешься с бабушкой, с папой реже, но тоже встречаешься. Ты верный человек, ты любишь свою семью, ты хочешь жить дома, но так сложились обстоятельства, что это невозможно, и ты живешь в детском доме». Когда взрослые по малодушию делают вид, что ребенок сам делает выбор и сам решает свою судьбу, на ребенка ложится ответственность за этот выбор. Он начинает думать о себе как о предателе и виновнике, позволившем произойти разлуке со своей семьей.

Вообще дети часто принимают на себя ответственность и вину в том, что их забрали из семьи. Они думают, что должны были что-то сделать, но не воспрепятствовали.

Вот здесь, в этих простых словах, написано, что обстоятельства сложились так, что «ты бы хотел, но ты не можешь», – то есть что это не его вина и не его ответственность. И здесь отражено, что он хотел бы жить со своей семьей. Таким образом, эти слова снимают ответственность с него самого и расставляют все по своим местам. Этот момент очень важный.

«Ты живешь в детском доме № 19, где у тебя есть друзья, где тебе уделяют много внимания и тоже любят». Это тоже очень важный момент, мы фиксируем, что он принят и нужен. «Мы готовы всем тебе помочь, чтобы ты вырос здоровым, умным и добрым человеком. В твои 11 лет для тебя открыты все возможности, и хочется, чтобы у тебя все сложилось удачно». Я еще раз повторяю, что это не просто создание какой-то иллюзорной, идеальной картинки, это на самом деле наше отношение к нему, наши пожелания и смысл нашей работы. Это не гарантия того, что все будет так, но мы пишем про это и таким образом создаем материальное свидетельство, к которому он сможет возвращаться.

Что стало происходить, когда «Книга жизни» была написана до этого момента?

Мы все время оговаривали с моей коллегой-стажером, что надо писать простыми словами, которые были бы понятны мальчику, чтобы они содержали в себе, с одной стороны, информацию, с другой стороны, максимум поддержки.

Вы знаете, мало того, что он все время стал приходить и интересоваться своей «Книгой жизни», улучшилось и его поведение, он извинился перед девушкой-психологом за свое поведение в начале работы, он пришел к ней сам и сказал: «Вы знаете, простите меня, пожалуйста». Это сказал наш мальчик, который ругается матом, курит и чего только не делает.

Вот так мы справлялись со всеми трудностями, и таков был результат для ребенка и для стажера. Она делает теперь «Книги жизни» для всех остальных детей, которых ведет, – и уже без вопроса «зачем».

М.В. Пичугина (Капилина), Е.Т. Дорохова Трудности в образовании у приемных детей¹

Каждый родитель, родной или приемный, хочет своему ребенку добра. И старается приложить максимум усилий для того, чтоб ребенку было хорошо. Чтoб он или она выросли умными, добрыми и нашли свое место в жизни. «Место в жизни» обычно означает способность адаптироваться в обществе, т.е. получить образование, освоить какую-либо профессию и уметь ладить с людьми.

И школа, по идее, как раз и создана для того, чтобы дети получали там необходимые знания и умения – как в образовательной сфере, так и в социальном общении. Но поскольку «набор знаний» и методы обучения являются «стандартными», то дети с особыми потребностями, не умеющие быстро «вписаться» в систему общих правил, сталкиваются с огромными трудностями в процессе школьного обучения.

Для семей с приемными детьми образование зачастую становится очень серьезным испытанием на прочность.

Учеба – основное занятие ребенка на протяжении всего сознательного детства. Любознательность, исследовательский интерес заложены в каждом ребенке самой природой. И большинство детей, поступающих в школу, полны энтузиазма и гордости. Однако с течением времени ситуация для многих из них может измениться.

Систематическое обучение требует хорошего самоконтроля, устойчивой работоспособности, собранности и внимания – то есть всего того, что называется «психологической зрелостью». На школьные успехи *организованность* в процессе деятельности влияет иной раз больше, чем интеллектуальная одаренность!

¹ Впервые опубликовано на сайте www.pro-mama.ru.

Более того, именно восприимчивые и сообразительные дети могут быть невнимательными и неусидчивыми. При этом они вполне в состоянии оценить тот факт, что их результаты хуже, чем у других. А делать то, что не получается, не хочется никому.

Также у детей эмоциональное состояние непосредственно влияет на успешность интеллектуальной деятельности. В некоторых случаях именно эмоциональные проблемы и жизненные неприятности приводят к неуспеваемости у детей, а вовсе не плохие способности.

Все вышеизложенное справедливо в отношении детей, которые росли в обычной семейной ситуации.

Для детей, чье детство было неблагополучным, проблемы «на старте» школьного обучения усиливаются многократно.

Три аспекта обучения

В педагогической практике принято выделять три сферы, в которых оценивается успешность обучения ребенка:

- навыки и умения
- способности (одаренность)
- социальные отношения

Причем при оценке успешности ребенка в образовательном процессе рассматривается не только потенциал или наличный уровень сформированности вышеперечисленных сфер («результативность»), но и характер динамики в их развитии – поступательный либо регрессивный.

В данной статье мы хотели бы обсудить, как проявляются возникающие у приемных детей трудности обучения применительно ко всем трем сферам.

Социальные отношения

Для ребенка отношения с другими людьми служат основой любой деятельности. Ребенок нуждается в оценке, помощи и эмоциональной поддержке со стороны близких взрослых и ровесников, чем бы он ни был занят. Так он учится и развивается.

Традиционный стереотип в отношении детей из детских домов – «все они умственно отсталые и потенциальные преступники».

Излишне говорить, что дети, попавшие в детский дом – это не особая «разновидность», принципиально отличающаяся по своим качествам от других человеческих существ. Это дети, пережившие в самом начале своей жизни глобальную катастрофу – утрату семьи, отсутствие родительской любви и заботы, не имевшие необходимых условий для нормального развития и зачастую подвергавшиеся дополнительным травмам – жестокому обращению и насилию. Зная историю некоторых из них, удивляешься, как они вообще выжили в тех обстоятельствах, в которые попали.

Именно родительская депривация и последствия жестокого обращения являются основной причиной диспропорционального развития детей-«социальных сирот», а не «наследственность» и органические нарушения.

Очевидно, что предубеждения в отношении таких детей – это тоже форма насилия, эмоционального насилия, результатом которого является социальное отвержение, априори лишаящее этих детей шансов на восстановление.

В силу эгоцентризма детского мышления плохие события в жизни часто предстают для детей как наказание за что-то. Дети, пережившие разлуку с родителями, воспринимают себя как отвергнутых и отличающихся от других в худшую сторону – потому что с другими такого не произошло, а «меня бросили», «я – лишенный родительских прав!». Низкая самооценка, чувство вины, душевная боль и порождаемая ею агрессия – все это характерно для самочувствия и поведения как малышей, так и подростков в трудной жизненной ситуации. Эти дети очень чувствительны к критике и несправедливости, обидчивы и конфликтны, иногда – мнительны. Сама по себе ситуация обучения, основанная на оценке результатов и неизбежном сравнении с успехами других, для них – стресс. Потому что любая, даже мелкая неудача, подтверждает существующий у них глобальный тезис: «я – хуже других, я – плохой (плохая)».

Такому ребенку требуется гораздо больше терпения, поддержки и индивидуального внимания со стороны педагогов, чем детям, которые изначально росли в стабильной семейной ситуации и были защищены любовью и заботой родных родителей.

Но у педагогов, у которых в классе по 30 учеников и большая учебная нагрузка, зачастую просто не хватает сил на дополнительное внимание к «трудному» ребенку. И вместо желания помочь у учителя может возникнуть раздражение и желание «вытеснить» такого ученика. Доказать, что ученик безнадежно плох, совсем не трудно: для этого учителю достаточно разговаривать с ним ледяным тоном, обращаться преимущественно по фамилии, отчитывать за каждую провинность, принципиально и строго оценивать все учебные результаты, сосредотачиваясь на недостатках, и обсуждать их в присутствии других детей или приемных родителей. Очевидно, что желание предпринимать не то что дополнительные, а даже минимальные усилия для достижения результатов в такой обстановке у ребенка исчезает. Кроме того, для маленьких детей авторитет взрослого высок, и ко многим вещам они относятся так, как к ним относятся взрослые. Неприязнь педагога передается соученикам – и начинается конфликт «одного со всеми».

Причем формы «боевых действий» могут быть весьма разнообразны. В ответ на неприязнь ребенок с неблагополучным прошлым для начала сплачивается с другими «отщепенцами» в классе. Во-первых, общие неприятности легче пережить вместе, во-вторых, на фоне друг друга они не так уж плохи и, в-третьих, они дают друг другу принятие, которого не могут получить от остальных. Драки и обзывания, порча вещей и демонстративное воровство – вот обычный «арсенал» средств, который используют приемные дети, когда сталкиваются с негативным отношением. Если взрослые – педагоги, родители, психологи – объединяют в этот момент свои усилия для снятия напряжения, для того, чтоб помочь ребенку вести себя иначе, а не просто бесконечно наказывать его (ее) – тогда есть вероятность исправления даже тяжелой ситуации. Но если между взрослыми нет единства и конфликт распространяется на отношения между родителями и педагогами – то результат предсказуем: «неудачнику» при-

ходится покинуть школу, которой он (она) «не соответствует». При этом неудачи ребенка не только ухудшают его отношение к себе, но и создают эмоциональное напряжение в отношениях с приемными родителями, вплоть до разрушения этих отношений.

К счастью, бывают и другие ситуации. Когда педагогические усилия школы, поддержка семьи и приемного ребенка, терпение и понимание учителей позволяет «вытянуть» учебную ситуацию из кризиса и укрепить отношения ребенка с его семьей. Потому что успех в учебе социально значим и помогает ребенку поверить в свои силы, почувствовать себя «на равных» с другими, больше доверять взрослым и надеяться на лучшее.

Безусловно, внутриличностные проблемы приемного ребенка могут быть достаточно тяжелы сами по себе, а не спровоцированы извне. Но в таких случаях службы сопровождения обычно рекомендуют альтернативные формы обучения. В массовые школы психологи и педагоги этих служб направляют детей с сохраненным интеллектом и с позитивным опытом адаптации на предыдущих ступенях образования: детский сад, подготовительные группы, занятия с педагогами в детском доме и т.п.

Формирующая роль среды в развитии и обучении очень высока. Ребенок, интегрированный в нормальную социальную среду, получает не только равные возможности в образовании, но и альтернативный жизненный опыт: достойные примеры для подражания и шанс для построения позитивных межличностных отношений.

Одаренность либо ограниченные способности

«Неспособных детей не бывает». Неизвестно, кому принадлежит это высказывание, но любой человек, работающий с детьми и любящий их, знает, что это действительно так. Поскольку у каждого ребенка есть какой-то свой талант, свои способности. И есть то, что может заблокировать их проявление: отсутствие любящей семьи и жестокое обращение.

Благополучное формирование привязанности в раннем детстве непосредственно связано с интеллектуальным развитием. Отвергаемые дети неблагополучны эмоционально – и это гасит их интел-

лектуальную и познавательную активность. Вся внутренняя энергия уходит на борьбу с тревогой и приспособление к поискам эмоционального тепла в условиях его жесткого дефицита. Кроме того, в первые годы жизни именно общение со взрослым служит источником развития мышления и речи ребенка. Отсутствие адекватной развивающей среды, плохая забота о физическом здоровье и недостаточность общения со взрослыми приводит к отставанию в интеллектуальном развитии у детей из неблагополучных семей.

Дети, растущие в отсутствии родительской любви, отстают в физическом и психическом развитии, даже не имея органических нарушений. Тогда как дети, родившиеся с органическими нарушениями, приводящими к интеллектуальной недостаточности, но растущие в любящих семьях, лучше адаптированы социально и имеют возможность скомпенсировать свои проблемы путем развития дополнительных способностей. То есть движущая или сдерживающая сила развития любого ребенка – это родительская любовь и условия жизни, а не сами по себе врожденные способности. Способности – это потенциал, реализация которого зависит от условий существования.

Одаренность еще не служит гарантом того, что она будет реализована. Очень многие приемные родители знают, что их дети талантливы: хорошо рисуют, обладают музыкальным слухом и голосом, имеют гуманитарные или математические способности. И при этом больше половины из них учатся значительно хуже своих способностей, бросают институты, в которые поступили, не хотят развивать свой дар и не придают ему значения.

В чем же дело?

Стремление к достижениям, уровень притязаний, способность к преодолению трудностей и систематическим усилиям (т.е. постоянство и упорство – свойства, противоположные бессмысленному упрямству, которого у этих детей бывает хоть отбавляй!) – все эти качества обеспечивают развитие природных способностей. *Но само действие этих качеств требует наличия воли и энергии.* Мы уже говорили о том, что опыт отвержения родными родителями разрушает представления ребенка о том, что он – хороший (хорошая) и нужен на этом свете. Это пробивает своего рода «брешь» в жизнеспособности ре-

бенка, через которую начинают «утекать» жизненные силы ребенка. Причем разлука с родителями или их смерть в равной степени воспринимаются ребенком как отвержение, и для изменения этих убеждений требуется специальная работа. Индивидуальные особенности, степень близости с приемной семьей, духовная поддержка (церковь) и наличие профессиональной помощи (психотерапия) влияют на восстановление жизнеспособности травмированного ребенка.

Проблема *сломленности жизненной воли* – это скорее проблема «духовного наследия», полученного ребенком от своих кровных родителей. Физиологическая зависимость при алкоголизме и наркомании обычно носит вторичный характер, первичными являются безволие и личностная несостоятельность, признаки которых – инфантилизм и эгоцентризм, жизнь по принципу удовольствия, душевная апатия, стремление игнорировать проблемы вместо того, чтобы их решать, безответственность и потребительство, отсутствие глубоких чувств. Те задачи, которые не были решены родителями, двойным грузом ложатся на плечи их ребенка: и как реальный результат несостоятельности родителей, и как отсутствие внутреннего опыта и ресурса, когда приходит время учиться тому, чему не смогли научиться они. Именно формирование волевых качеств у приемного ребенка зачастую становится самой трудной задачей приемных родителей. Но это и есть самая трудная задача с объективной точки зрения в процессе воспитания – после задачи формирования доверия и близости в отношениях.

Наконец, для любого человека мерилom успеха служат координаты его существования – семья, друзья, социальное окружение. Достижения родителей часто служат «стартовой площадкой» для детей. Когда в семье поколениями никто не получал высшего образования, ребенок, даже если не знает об этом на «сознательном уровне», испытывает сильное внутреннее сопротивление в отношении подобного «шага вверх». Причина тому – бессознательная лояльность к родной семье – «все наши это не делали, и я не буду» (см. статью «Психологические проблемы детей, переживших разрыв с семьей. Идентичность»). Знание о каких-либо успешных предках из «кровного рода», любовь и позитивные примеры приемной се-

мы и близкого социального окружения, личный опыт достижений могут помочь ребенку «прыгнуть выше головы» в такой ситуации.

Таким образом, мы видим, что именно психологические проблемы и последствия жизненной травмы мешают проявиться творческому потенциалу приемных детей, а вовсе не отсутствие одаренности или «отсталость».

Навыки и умения

Мир вокруг стремительно меняется, предъявляя к детям все новые требования в знаниях и умениях. В наше время многие дети приходят в школу, уже умея читать и считать. Потому что этому их научили родители.

Низкая общая эрудиция, задержка психического развития, эмоциональное неблагополучие, гиперактивность и дефицит внимания как следствие разбалансированности нервной системы – то, с чем приходят в школу дети, имеющие опыт жизни в неблагополучной семье с последующей институционализацией. Потому что этим их «обеспечили» родители.

Привычка спокойно сидеть на месте, сосредотачиваться на восприятии информации от взрослого (слушать и смотреть), умение действовать по инструкции и соблюдать правила, способность планировать свою деятельность и корректировать ее результаты (произвольность) – все это входит в понятие «учебные навыки и умения» наравне с формирующимися в процессе обучения навыками в отдельных школьных дисциплинах (письмо, чтение, счет и т.д.).

«Неусидчивость», «невнимательность» становятся первым «камнем преткновения» таких детей в школе.

Систематическая и правильная забота взрослого об удовлетворении потребностей лежит в основе процесса стабилизации нервной системы младенца и уравниванию процессов возбуждения-торможения. Причем эмоциональная составляющая заботы о ребенке играет не меньшую роль в формировании ЦНС, чем систематическая забота. Доказательством тому служат проблемы с нервной системой у детей из домов ребенка, где с медицинской точки зрения соблюдены все необходимые условия ухода за ребенком.

«Эффект госпитализма», «аутистическое раскачивание», возбудимость и неврозы – источником всех этих проявлений служит эмоциональная депривация или попросту – отсутствие материнской любви, дать которую не может ни один детский дом с самым лучшим персоналом, а таблетками это не лечится.

Другая проблема – *слабая произвольность и недостаток самоконтроля*. Дети, о которых плохо заботились, не умеют заботиться о себе сами. Самостоятельными (не одинокими и одичавшими, а именно самостоятельными) они бывают крайне редко. Потому что изначально благодаря правильному уходу, по реакциям взрослых, дети учатся распознавать свои потребности и запоминают, что нужно делать, чтобы их удовлетворить – так формируются основы навыков самообслуживания, которые в дальнейшем закрепляются непосредственным обучением, опять-таки со стороны взрослых. Соответственно, дети из неблагополучных семей, где их нуждами пренебрегают, значительно отстают в навыках самообслуживания от сверстников, о которых хорошо заботились. Они не в состоянии организовать себя и свою деятельность, им трудно приспособиться к школьным правилам и дисциплине.

Когда родители читают ребенку сказки, рассказывают истории, разучивают с ним стихи и песенки, занимаются рисованием и конструированием – это не только предоставляет ребенку новую информацию и развивает его внимание, память и мышление, но и служит базой для восприятия будущей *ролевой дихотомии «учитель-ученик»* в ситуации школьного обучения. Несформированность *внутренней позиции школьника* затрудняет сознательное участие ребенка в учебном процессе и даже может привести к «выпадению» из этого процесса.

Ограниченность знаний и навыков в начале школьного обучения мешает усвоению новой информации, ребенок отстает от соучеников – и начинает избегать неудач, т.е. самого обучения. *Негативная учебная мотивация* – еще один «цветок в букете» образовательных проблем приемных детей.

Очевидно, что со всем этим «комом» трудностей ребенок не в состоянии справиться в одиночку, и даже помощи приемных родителей может оказаться недостаточно.

Трудные дети трудны в первую очередь для самих себя, и без помощи социального окружения им не преодолеть тех препятствий, с которыми они сталкиваются на пути к нормальной жизни. И в это окружение попадают не только родители и специалисты, но и дети в классе, и родители этих детей, и педагогический состав школы, и соседи по дому... Интеграция приемных детей в общество важна не только для приемных детей – она важна и для самого общества. Если мы не будем воспитывать в наших детях и в себе самих нормальные человеческие чувства – терпимость, способность к принятию и поддержке, сочувствие, а будем относиться к детям с трудной судьбой как к «источнику проблем» и отторгать их, то рано или поздно ситуация обернется против нас. Потому что дети вырастают и становятся взрослыми. И нам придется общаться с ними, и нашим детям тоже. Общаться с людьми, которые благодаря нашему отношению узнали, что в жизни – «каждый сам за себя», «вытесняй того, с кем тебе трудно», «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»... Наверное, никому не хотелось бы жить в обществе, в котором все люди придерживаются таких убеждений. А значит, работу по борьбе со стереотипами и воспитанию терпимости надо начинать с себя. И тогда жизнь станет лучше не только для приемных детей...

Рекомендации

А что же все-таки делать родителям и чем могут помочь специалисты? В первую очередь – поддерживать позитивный профессиональный контакт между собой ради достижения единой цели – помочь успешно адаптироваться к школе ребенку из приемной семьи!

Что могут сделать специалисты?

- Выяснить жизненную историю ребенка, хорошо знать источники его проблем.
- Выявить степень эмоциональных проблем ребенка.
- Проводить реабилитационную работу (психотерапия и коррекция поведения).
- Провести хорошую медицинскую диагностику и коррекцию (помощь детского невролога).

- Провести грамотную диагностику уровня развития ребенка и степени его отставаний.
- Разработать систему развивающих и коррекционных занятий в соответствии с особыми потребностями в образовании для данного ребенка – индивидуальных или групповых.
- Дать рекомендации родителям относительно домашних занятий с ребенком.
- Проводить регулярный мониторинг развития ребенка и знакомить родителей с его результатами, отражающими динамику развития ребенка.

Что могут сделать родители?

Кроме создания развивающей среды и занятий с ребенком, важно следующее:

- Помните: *аффект тормозит интеллект*. Отставание в развитии детей из неблагополучных семей связано прежде всего с недостатком любви и вызванной этим тревогой, которая блокирует природную любознательность ребенка. Только после того, как ребенок в вашей семье обретет стабильную привязанность и эмоциональную защиту, начнется поступательный процесс его развития.
- *Не сравнивать с другими*. Каждый ребенок уникален, кроме недостатков есть еще и особенности. Только эмоциональная поддержка и постепенное движение от одного маленького успеха к другому помогут преодолеть неуверенность ребенка в своих силах и боязнь потерпеть неудачу.
- *Терпение*. Получить все и сразу невозможно. Быстро – не всегда значит «хорошо». Ни одному садовнику не придет в голову разворачивать бутон, чтоб цветок быстрее раскрылся и стал красивым! Когда между родителями и ребенком сформировалась привязанность, темп развития ребенка начинает определяться природной любознательностью и индивидуальными способностями.
- *Разумные нагрузки*. Учебные нагрузки должны быть посильны и для нервной системы, и для интеллектуального потенциала

ребенка. Посоветуйтесь со специалистами (педагог, психолог), разработайте индивидуальную гибкую систему занятий с вашим ребенком. Приготовление уроков «до ночи» – не бывает продуктивным!

- *Искать позитив.* Не хочется делать то, что не получается. Научите своего ребенка замечать пусть небольшие, но улучшения. Успех – лучший мотив в обучении.
- *Хвалить за усилия, а не за результат.* В любом деле важны последовательные усилия и преодоление трудностей. Научить ребенка этому – наверное, основная задача, которую приемным детям решать сложнее, чем родным, по двум причинам: во-первых, опыт отвержения родными родителями подрывает веру в себя, а она лежит в основе настойчивости и упорства (не путать с упрямством – это вещи прямо противоположные!). Во-вторых, именно воля и терпение – качества, которые отсутствовали у кровных родителей этих детей, и формировать их приходится «с чистого листа».
- *Верить в ребенка.* Вера родителей в своего ребенка – это источник его жизненных сил и две трети будущего успеха

М.В. Пичугина (Капилина)

Дети-отказники

в больницах¹

- Что испытывает ребенок, впервые попавший в больницу, в отделение детей-отказников?
- Чем ему можно помочь?
- Если вы лежите со своим ребенком в больнице и рядом ребенок-сирота, что вы можете для него сделать?
- Нормально ли пребывание ребенка в больнице более двух недель?
- Что стоит изменить в сложившейся системе?

Для любого ребенка изоляция и одиночество – это психологическая травма. И чем младше ребенок и чем дольше он лишен индивидуального тепла и общения с близким взрослым – тем долгосрочнее и серьезнее будут негативные последствия, приводящие к искажениям в психоэмоциональном развитии. Нарушения поведения, депрессивные или агрессивные состояния, отставания в интеллектуальном развитии, искажения в формировании привязанности – для детей, переживших разрыв с семьей, все это – типично. Кроме того, в больницу ребенок попадает в связи с проблемами здоровья. Сейчас все чаще (и это абсолютно правильно!) маленьких детей кладут в больницу вместе с мамами, потому что только присутствие и забота матери могут обеспечить эмоциональную защиту, смягчить страх и физическую боль, которые испытывает малыш, да и хороший уход за ребенком лучше мамы никто не осуществит. Ребенку-отказнику вдвойне тяжело и страшно, потому что его некому утешить и защитить в такой ситуации.

¹ Впервые опубликовано на сайте «Отказники.ру».

Если персонал больницы ориентирован не только на физический уход, но и понимает важность эмоционального благополучия ребенка, которое влияет на успешность лечения – тогда и сами нянечки будут стараться тепло общаться с ребенком-отказником, находить время для игры с ним и будут разрешать лежащим рядом мамам с детьми уделять внимание одиноким детям. То, что к плачущему ребенку иной раз стараются не подходить, «чтоб не баловать, а то с рук не слезет потом» - связано отчасти с отсутствием знаний о том, что делать с таким ребенком, а отчасти – просто раздражение людей, недовольных дополнительным волнением. Информация, которую получает таким образом ребенок – ты никому не нужен и плакать (звать на помощь) – бесполезно. Очевидно, что это не только травма отвержения и страдание для ребенка. Это еще и модель отношений с людьми, которую ребенок усваивает как образец. Как относятся к ним, так они потом будут поступать с другими.

Увеличивая количество несчастных и озлобленных людей вокруг себя, мы формируем социальную среду, в которой живем. Надеюсь, что наша страна, мы с вами, достойны лучшего. И помощь одиноким детям в больницах – вполне конкретный и действенный вклад в социальное благополучие нашего общества.

Волонтеры в этом смысле могли бы стать настоящим ресурсом для больниц. Правильно было бы разработать программу систематической работы – спланированной, последовательной – с детьми-отказниками в больницах, тогда их эмоциональные потребности хотя бы частично удовлетворялись за счет общения с подготовленными волонтерами. Знание возрастных особенностей детей и навыки развивающего обучения и игры, а также корректное отношение к порядкам в больнице и уважение к режимным требованиям – необходимые составляющие такой работы.

М.В. Пичугина (Капилина) **Женщина хочет ребенка, а близкие против¹**

Как быть, если женщина очень хочет взять ребенка, а муж и/или родные категорически против? Уговаривать ли? Собрать ли втайне документы и потом поставить перед фактом? Поможет ли ультиматум?

Желание иметь ребенка для женщины совершенно естественно. Когда есть семья и налажена жизнь, хочется, чтобы эта жизнь была наполнена любовью и заботой о ребенке. Но бывает так, что здоровье женщины не позволяет иметь собственного ребенка. Или семьи нет, а быть мамой женщина хочет. Либо ребенок был, но случилась трагедия: болезнь или несчастный случай, приведший к утрате. Бывает и вполне благополучная ситуация – дети в семье уже выросли, а запас сил и родительской любви еще достаточен.

В большинстве таких случаев возникает вопрос о приемном ребенке. И очень важно, чтобы взрослые понимали, что они ждут как будущие приемные родители для самих себя, чего хотят на самом деле. Потому что нереалистичные ожидания родителей являются одной из главных причин возвратов приемных детей в детский дом. Поэтому когда близкие начинают озвучивать всевозможные страхи и опасения, это даже хорошо. Женщины более подвержены влиянию чувств, эмоциональным порывам. Сопротивление мужчины в деле принятия ребенка в семью может быть связано с большим чувством ответственности, с пониманием обязательств и нежеланием ввязываться в дело, в котором мужчина не уверен в успехе. В этом случае последовательное и подробное решение вопросов приводит к согласию у мужчины принять на себя ответственность приемного ро-

¹ Интервью впервые опубликовано в журнале «Дети дома» фонда Катрен в 2010 году..

дителя. Опыт показывает, что у абсолютно самоуверенных и не испытывающих тревоги приемных родителей чаще бывают проблемы, а тот, кто боится, переживает, но все равно делает – рано или поздно справляется с любыми трудностями. Важно трезвое понимание того, что без трудностей не обойдется, решимость справляться с ними и знания о том, как это можно сделать и к кому обращаться за помощью. Интерактивные тренинги для кандидатов в Школах приемных родителей, индивидуальные консультации у психологов, работающих в сфере семейного устройства, чтение специальной литературы – если семья при помощи всего этого сумеет найти ответы на большинство тревожащих вопросов, она будет достаточно хорошо подготовлена к возможным трудностям в деле воспитания приемного ребенка.

Другое дело, если один из супругов – муж или жена – *не* хочет ребенка. Ни собственного, ни приемного. Так бывает, и обычно это связано с собственным несчастливым детским опытом и/или с негативным внутренним убеждением относительно своей способности быть хорошим родителем. Зачастую люди избегают говорить открыто о таких вещах даже с близкими, и тогда все сводится к дискуссии о проблемности детей-сирот и о том, что «родными они не станут все равно». В таких парах один из партнеров может психологически находиться в роли «ребенка», и появление реального ребенка приведет к конкуренции, результатом которой может стать распад супружеских отношений. Переубедить партнера в такой ситуации вряд ли удастся, скорее человек будет сопротивляться пассивно: «Я не буду ходить на тренинг подготовки, достаточно того, что ходишь ты», «Ну ты хочешь ребенка – ты и бери, я не против» и т.п. А потом, либо сразу после устройства ребенка, либо в течение первого года адаптации, когда начнутся установочные конфликты, позиция пассивной устранимости проявится реальным уходом мужа или жены из семьи. Излишне говорить о том, что дети, уже однажды пережившие утрату семьи, болезненно переживают проблемы в отношениях родителей. Им нужна безопасность и стабильность, и детям важно, чтоб их взрослые были счастливы и умели ладить друг с другом. Чувствовать себя источником проблем – совсем не то, что нужно ребен-

ку. И «продавливать» согласие партнера, а уж тем более ставить ультиматумы – это плохой способ достижения цели. И ничего хорошего при таком подходе не получится. Ребенок не может быть средством улучшения отношений между взрослыми, и свои проблемы взрослым нужно решать самостоятельно. И точно также один взрослый человек не может (не должен!!) рассматриваться как «средство» или «препятствие» к достижению целей другого взрослого. Если мы любим друг друга – мы не можем пренебрегать желаниями или страхами наших близких. И иногда надо смириться и принять ситуацию как есть – бывает, что в семье муж с женой живут друг для друга и без детей. Если мы принимаем ребенка в семью – важно согласие всех ее членов, потому что только тогда ребенок придет в маленький мир, где терпение и надежда помогут вырасти любви, ради которой ребенок и появляется на свет.

М.В. Пичугина (Капилина), Л. Виноградов

Человеческие проблемы и журналистская этика

Несомненно, телевидение – самый мощный инструмент воздействия на общественное мнение, и понятно желание отчаявшихся людей прибегнуть к его помощи. Но часто это связано с вынесением на широкую аудиторию интимных подробностей. О том, как максимально обезопасить себя от ненужного любопытства окружающих, а также о журналистской этике мы беседуем с психологом детского дома № 19 Марией Викторовой Капилиной¹.

Мария Викторовна, что надо учитывать людям, надеющимся решить свою серьезную жизненную проблему с помощью телепередачи?

На мой взгляд, важно реально оценивать возможности телепередач и собственную роль в них. Привлечение внимания к какой-либо проблеме через СМИ может позитивно повлиять на дальнейшие события. Но для конкретного человека, который оказывается в эпицентре обсуждения, подобная акция всегда сопряжена с негативными побочными эффектами, и иногда эти «эффекты» перевешивают.

Концепцию программы определяет тот, кто пишет сценарий. И его концепция может не совпадать с чаяниями героя передачи. Поэтому прежде, чем обратиться в конкретную программу за помощью, нужно хорошо понять, что это за программа, каковы ее цели. Кроме того, хотя основных действующих лиц и принято называть «героями», для авторов программы они могут быть, прошу прощения, лишь «рабочим материалом». И ведущие, если программа не авторская,

следуют сценарию, большинство их реплик пишется заранее и, очевидно, не ими.

Человек, обращающийся на телевидение, ищет сочувствия и общественной поддержки. Однако надо понимать, что даже при самой корректной подаче материала ему не гарантировано всеобщее сочувствие. Восприятие – вещь субъективная. Кто-то из зрителей скажет «сам виноват», кто-то осудит вынесение сора из избы, а кто-то просто останется равнодушен.

Вынесение своей проблемы на обсуждение в телепередаче ставит человека в личную зависимость от компетентности и добросовестности журналиста. Можно не только стать жертвой журналистской небрежности, но и попасть в более серьезную ситуацию. Есть программы, как и желтая пресса, просто зарабатывающие на «жареных» фактах, иногда их намеренно искажая. Другой, более мягкий вариант – создатели программы искренне хотят разобраться в проблеме. Их интересует проблема, но не вы как личность. Вы не сможете контролировать степень своей открытости. Это режиссируют авторы и ведущие, они «вовремя» зададут вам неожиданный вопрос, и вы в порыве искренности расскажете больше, чем планировали. Подробности вашей жизни (иногда глубокие, даже интимные) станут известны миллионам людей. И это при вашем открытом лице! Людей с хорошей зрительной памятью немало, и они, даже несколько минут видя вас на экране, узнают спустя годы. Но еще больше участие в телешоу скажется на отношениях с родственниками, друзьями, сослуживцами. Готовы ли вы к тому, что у вас на работе, в школе у вашего ребенка люди будут знать и обсуждать какие-то ваши домашние проблемы? Бывают минуты отчаяния, когда человеку все равно, что будет потом, лишь бы разрешить ситуацию сейчас. Но последствия такой публичности сказываются долго. Будет ненужное внимание посторонних, не всегда сочувственное.

То есть лучше обращаться в программу, где проблема обсуждается без демонстрации «героя»?

Кому что нравится. Есть люди, которым «на миру и смерть красна», им важно привлечь к себе внимание по любому поводу. Но таких

¹ Впервые опубликовано на сайте miloserdie.ru в 2005 году..

людей немного. Как вариант существуют ток-шоу с подставными героями – обсуждается реальная проблемная ситуация, но в студии сидит не тот, кто в этой ситуации оказался, а приглашенный на его роль. Считаю, что такая форма корректнее. Или помните программу «Человек в маске»?.. Герой сидел в маске, голос был изменен, а в конце передачи человек сам решал, открывать ли ему лицо. Когда уже знал, насколько он раскрылся перед студией. Повторяю, в начале программы ни один человек не может знать, что произойдет в студии, до какой степени будет он откровенен.

Взрослый человек не может знать! Что же тогда говорить о детях?

Участие детей в подобных передачах – отдельный разговор. Ребенок не может знать последствий публичности, о которых я говорила. Он просто доверяется взрослым. Представьте, что дети из телепередачи узнали о проблеме в семье своего одноклассника... Кто-то способен понять и посочувствовать. А кто-то захочет подразнить. Но даже если не будет мгновенных последствий, позже, когда ребенок вырастет, он может не захотеть, чтобы кто-то знал подробности его детства, особенно если он рос в неблагополучной семье.

Например, вспомним процесс Чикатило. Да, он был чудовище, маньяк. Но у него была семья, дети, и судьба его сына сложилась очень плохо. В наследственности ли дело? Я все же думаю, что большую роль сыграло глубокое отчаяние от сознания, чей он сын, и давление окружающих. С детства жить с таким клеймом! Это рассуждать легко, что дети за родителей не отвечают. Вся страна знала про его отца. Куда бы они ни переезжали, все оформлялось через официальные инстанции, и все вокруг быстро узнавали, чьи родственники приехали.

А этого можно было избежать?

Не знаю как, но есть программы защиты свидетелей, защиты семьи. Уж о семье надо было как-то позаботиться – они-то точно ни в чем не были виноваты. Но тогда никто о них не думал. Мы отвлеклись от темы ток-шоу, но журналистская этика актуальна для всех жанров.

В любой профессии есть свои соблазны. Один из ваших коллег говорил мне, что соблазн психолога – стать гуру. Соблазн любого журналиста – написать или снять сенсационный материал. Безусловно, передача с персоналиями зрелищнее, сенсационнее. А профессиональный телевизионщик не может не думать о рейтинге. Как не переступить границу дозволенного, соблюсти журналистскую этику?

Рейтинга можно добиться благодаря содержанию, а можно – за счет внешнего оформления. В первом случае от журналиста требуется глубина, умение одновременно задать некий уровень обсуждения проблемы и раскрыть ее так, чтобы она была понятна и интересна массовому зрителю. Во втором случае главное – скандальная тема. Такие низкопробные, желтопрессные штучки. (И в кино так же: в одних фильмах главное – содержание, в других – спецэффекты, то есть обертки). Есть еще третий вариант привлечения зрителя, близкий ко второму – берется совершенно беззащитный человек, обнажается его история. Это игра на самых низменных человеческих страстях. Любопытно! Любопытно видеть застеколья, клеточные шоу. «Клеточные» и в смысле страстей, на которые рассчитаны, и в смысле оформления – некто в клетке, а толпа за ним наблюдает. Так вот, хороший журналист отличается тем, что он сможет максимально обезопасить участника передачи и добиться рейтинга за счет содержания, а не «стриптизных» штучек.

Если же вернуться к людям, обращающимся на телевидение со своими проблемами, то хотелось бы, чтобы они сотрудничали с журналистами с открытыми глазами, занимали позицию субъекта, а не объекта. Продумайте заранее, чего вы хотите добиться своим участием в передаче, до какой степени готовы вы открыться, согласны ли показать свое лицо, озвучить свой голос. И помните, что вы имеете право не отвечать на вопросы. Если же вы не хотите отвечать на вопрос, а журналист на вас давит, лучше сразу отказаться от участия в передаче – у авторов свои, отличные от ваших интересы. Обижаться на них не надо, но надо быть к этому готовым и уметь защищать себя.

Нужны ли такие интеллектуальные усилия? Стоит ли игра свеч? Действительно ли телешоу (при условии понимания человеком своих интересов и умения их отстаивать) – эффективный способ решения жизненных проблем?

Может быть эффективно, а может – нет. На телевидении неизбежны купюры – программа (если это не прямой эфир) всегда снимается дольше, чем идет. Что вырезать, решает руководство. Есть вероятность, что они вырежут именно ту часть вашего выступления, которая для вас наиболее важна. И не для того, чтобы вам насолить, просто, на их взгляд, этот кусок не вписывается в концепцию передачи. А вырезать можно и так, что результат вашего участия в программе будет прямо противоположным ожидаемому. Знаю людей, которые не получили реальной помощи, зато их личная жизнь обсуждалась спустя два и три года.

Не надо преувеличивать и эффект воздействия на чиновников. Иногда программа действительно воздействует, и ее участник получает от них желаемое, но бывает и наоборот: чиновники идут на принцип, чтобы другим неповадно было, конфликт обостряется, а результат нулевой. Мне кажется, к средствам массовой информации, к телевидению надо обращаться в совсем безвыходной ситуации либо когда вы заинтересованы привлечь внимание общественности. Если же ситуация не безвыходная, эффективнее найти грамотного юриста или денежные средства, или еще какой-либо непубличный способ решения проблемы.

Статьи в переводе с английского Т.Д. Панюшевой

Природа, воспитание и раннее развитие мозга S. Gable, M. Hunting. *Nature, Nurture and Early Brain Development*

Мы знаем, что наше развитие является результатом динамичного взаимодействия биологических и социальных факторов. С самого рождения мы растем и учимся, потому что это заложено в нас природой и потому что наше социальное и физическое окружение стимулирует нас к развитию.

Новые исследования раннего развития мозга предоставляют собой прекрасную возможность для изучения влияния биологических предпосылок и воспитания на развитие человека. С помощью современных технологий ученые изучают, как связаны друг с другом раннее развитие мозга и взаимодействие ребенка с заботящимся о нем взрослым, создавая основу для дальнейшего роста и развития ребенка. В данном тексте словосочетание «заботящийся взрослый» подразумевает любого взрослого человека, осуществляющего уход за ребенком, будь то родители, бабушка с дедушкой или воспитатель в дошкольном учреждении.

Природа раннего развития мозга

На момент рождения ребенка мозг все еще готовится к полноценному функционированию. Нервные клетки мозга, нейроны, существуют по большей части обособленно друг от друга. Первые три

года задачей мозга является формирование и укрепление связей между нейронами. Эти связи формируются, когда стимулы посылаются от одних нейронов другим. Стимулы идут через отростки нервных клеток, которые называются аксонами, к отросткам, называемым дендритами. Эти связи формируют синапсы.

По мере развития ребенка синапсы усложняются, напоминая дерево с большим количеством растущих веток. В первые три года жизни число нейронов не меняется, а количество синапсов возрастает. Формирование синапсов продолжается примерно до 10-летнего возраста, но замедляется примерно с возраста 3-х лет.

От рождения и до трехлетнего возраста мозг производит больше синапсов, чем это необходимо. Те синапсы, которые часто используются, становятся постоянными. Те синапсы, которые редко используются, распадаются. Именно в это время опыт играет важнейшую роль для развития мозга. Для успешного развития ребенка необходимо обеспечивать ему большое количество возможностей обучения и общения, подкрепленного положительными эмоциями, чтобы синапсы, ассоциирующиеся с данным опытом, стали постоянными.

То, как социальное и физическое окружение реагирует на ребенка, играет огромную роль в процессе формирования синаптических связей. Опыт, который приобретает ребенок, вызывает активное взаимодействие нейронов и создание синапсов между ними.

Критические и сензитивные периоды: в чем отличие?

Ученые, исследующие развитие мозга, различают понятия сензитивных и критических периодов развития. Это важно для понимания потребностей детей. Информация, представленная в статье, в основном касается сензитивных периодов развития.

Критический период представляет собой тот отрезок времени, в течение которого какой-либо орган наиболее уязвим к отсутствию воздействия окружения. Хороший пример можно привести со зрением: если ребенок в первые шесть месяцев жизни не видел свет, то нервы, идущие от глаза к зрительной коре головного мозга, отмирают.

Критические периоды развития имеют место и до рождения ребенка. Вспомните лекарственный препарат талидамид и его влияние на пренатальное развитие. Женщины, принимавшие его в период с 38-го по 46-й день беременности, рожали детей с деформацией ног или без ног. Женщины, принимавшие препарат после 50-го дня беременности, рожали детей без каких-либо дефектов или проблем.

Сензитивный период представляет собой отрезок времени, в течение которого возможно обучение определенным навыкам. Сензитивный период, по сравнению с критическим периодом, не так жестко ограничен временными рамками. Если возможность обучения именно в этот период не была реализована, возможность приобрести конкретное умение не потеряна навсегда. Например, существуют периоды, когда такой навык как изучение второго языка очень чувствителен к внешнему влиянию. Но даже если определенный период времени упущен, это не мешает людям учить второй язык в самые разные моменты их жизни.

В навыках, которые приобретаются в сензитивные периоды, человек преуспевает больше, чем в остальных областях. Под навыками здесь подразумеваются различные социальные, эмоциональные и интеллектуальные характеристики.

Люди, работающие с детьми, должны быть хорошо осведомлены о сензитивных периодах развития, чтобы предоставлять детям соответствующие возможности для обучения. Исследователи развития мозга выделяют период от рождения до трехлетнего возраста как сензитивный период для развития и обучения во всех сферах деятельности.

Воспитание и раннее развитие мозга

Маленькие дети узнают о себе и своем мире в процессе взаимодействия с окружающими людьми. Дети нуждаются в безопасности, любви, взаимодействии и стимулирующем окружении для своего развития. Взаимосвязи в мозге, которые в дальнейшем приводят к успешному развитию ребенка, формируются под влиянием

заботливого ухода взрослых и создаваемой ими атмосферы поддержки, принятия и предсказуемости. Этот тип заботы помогает детям быть любознательными, творческими и уверенными в себе.

В творческом учебном плане для маленьких детей (Dombro, Colker and Dodge, 1997) говорится о том, что первые три года жизни дети взаимодействуют с заботящимися о них взрослыми, получая ответы на следующие вопросы:

1. Реагируют ли на меня люди?
2. Могу ли я положиться на других людей, когда я в них нуждаюсь?
3. Значим ли я для других?
4. Компетентен ли я, умею ли я делать то, что нужно?
5. Как я должен себя вести?
6. Нравится ли другим людям быть со мной?
7. Чего мне надо бояться?
8. Безопасно ли мне показывать, как я себя чувствую?
9. Что мне интересно?

Обучение через восприятие

Для детей первых трех лет жизни восприятие окружающего мира – гораздо более сложная задача, чем для старших детей. Информация о внешнем мире поступает в мозг через зрительную, слуховую, вкусовую, обонятельную и тактильную системы. Это означает, что у ребенка его социальное, эмоциональное, когнитивное, физическое и речевое развитие стимулируется мультисенсорным окружением – то есть таким, которое дает много стимулов для всех сенсорных систем. Маленьким детям необходимо находиться в мире, полном образов, звуков и людей, побуждающих их к развитию.

Создание мультисенсорного окружения

Эксперимент с различными запахами в классной комнате показал, что ароматы мяты и корицы способствуют поддержанию возбужденного состояния детей, тогда как лаванда способствует успокоению.

- Помните, что освещение оказывает влияние на состояние детей. Яркий свет приводит их в состояние возбуждения, мягкий свет – успокаивает.
- Различные цвета также стимулируют мозговую деятельность. Оттенки, близкие бледно-желтому, бежевому и кремовому, создают спокойную учебную обстановку. Яркие цвета, например, красный, оранжевый и желтый, поддерживают творческую активность и эмоционально возбуждают.
- Применяйте спокойную мягкую музыку для создания спокойной атмосферы и ритмичную – для побуждения детей к движению.
- Можно сделать книгу, на страницы которой приклеить кусочки тканей различных фактур, это развивает тактильное восприятие у детей.
- Описывайте еду и напитки, которые вы предлагаете детям, используя слова, ассоциирующиеся со вкусами и текстурой («апельсины сладкие и сочные»; «лимонный йогурт немного кислый и густой»).

Мышление и эмоции

До того, как ребенок начинает говорить, эмоциональная экспрессия (выражение того, что мы чувствуем) является языком взаимоотношений. Исследования показали, что позитивные и негативные эмоции малышей и то, насколько чутко реагируют на них взрослые, могут помогать формированию мозга. Например, позитивные эмоции, переживаемые вместе взрослым и ребенком, такие как смех или улыбка, способствуют мозговой активности и создают ощущение безопасности. Чем больше взаимодействие взрослого и ребенка сопровождается эмоциями, тем лучше оно запоминается и воспроизводится ребенком в будущем.

Раннее развитие мозга: когда что-то не так

Раннее развитие не всегда сопровождается проявлением любопытства, творческой активности и уверенности в себе у детей. Для

некоторых из них ранний опыт не является поддерживающим и предсказуемым. Синапсы, образующиеся в этом случае в мозге, являются ответом на хронический стресс или другой вид жестокого обращения или пренебрежения потребностями ребенка. И если дети уязвимы к этому риску, проблематичный ранний опыт может плохо повлиять на их дальнейшее развитие.

К примеру, некоторые дети рождаются с предрасположенностью к болезненной чувствительности, импульсивности и невосприимчивости к эмоциям других. Если такой ребенок будет взаимодействовать с замкнутым, невнимательным к реакциям ребенка взрослым, то развитие мозга у ребенка может пойти в таком направлении, что в результате он не научится сочувствовать переживаниям других людей. Если же этот ребенок будет развиваться во взаимодействии с раздраженным и жестоким взрослым, его поведение затем может стать жестоким и агрессивным. Если домашнее окружение учит ребенка ждать опасности вместо надежности и защищенности, то это может привести к печальным последствиям для его развития.

Какой вклад природа и воспитание вносят в этих случаях в раннее развитие мозга? Ученые считают, что опыт жестокого обращения, а также другие формы непредсказуемого стресса в раннем возрасте могут вызывать быстрое формирование связей между нейронами в мозге. Такая слишком высокая активность в появлении связей нервных отростков, в сочетании с ранимостью ребенка, может впоследствии приводить к проблемам с самоконтролем. Некоторые взрослые, проявляющие жестокость и повышенную агрессивность, сами находились в детстве в нестабильных условиях в окружении невосприимчивых взрослых

Депрессия взрослых также может влиять на активность мозговых процессов у детей. Если взрослый страдает депрессией и не проходит лечение, то он может недостаточно чутко реагировать на плач или смех ребенка. Недостаточная эмоциональная чувствительность взрослых может приводить к тому, что дети хуже умеют выражать свои эмоции. В такой ситуации дети не получают от взрослого стимуляции их когнитивного и эмоционального развития, от которой зависит успешность формирования мозговой активности.

Существующие эффективные программы

Даже если дети пережили в раннем возрасте негативный жизненный опыт, это не означает, что у них нет шансов на успешное развитие в будущем. Понимание того, как влияет на формирование мозга отрицательный опыт, может помочь нам в осуществлении своевременного вмешательства и профилактики с целью предотвращения будущих трудностей. И так как мы знаем о ходе здорового формирования мозга и об опыте, необходимом детям, то становится возможным создание программ помощи в развитии необходимых навыков у детей, если эти навыки не сформировались своевременно.

В штате Миссури действует программа «Родители как воспитатели» (Parents as Teachers, PAT). Она предназначена для родителей, воспитывающих детей младше 5-ти лет, и содержит информацию о детском развитии. С родителями работают хорошо подготовленные специалисты, которые приходят как непосредственно домой в семье, так и в специальные родительские группы. Оценка применения данной программы показала, что дети родителей, участвующих в программе, демонстрируют более высокий уровень интеллектуальных и речевых способностей, чем дети в других семьях. Программа PAT доступна всем семьям в штате Миссури и является хорошим примером того, как обучение ухаживающих за детьми взрослых может способствовать развитию детей.

Раннее развитие мозга и заботящиеся о ребенке взрослые

Здесь приведены общие замечания о том, как формировать эффективное взаимодействие с ребенком и способствовать тем самым развитию его мозговой активности:

Учитесь понимать физические и эмоциональные сигналы, проявляемые ребенком, о котором Вы заботитесь. Замечайте индивидуальные различия детей и чутко реагируйте на них.

Наблюдайте поведение ребенка, отмечайте проявления, свидетельствующие о раннем развитии мозга. Сравните свои наблюдения с наблюдениями других заботящихся о ребенке лиц, играющих важную роль в его жизни.

Воспринимайте эмоции ребенка как знак его потребности общаться с Вами и с миром. Реагируйте быстро и адекватно: придавайте смысл Вашим эмоционально окрашенным взаимодействиям с ребенком.

Находите баланс между слишком большой вовлеченностью и недостаточной включенностью; определяйте уровень актуального развития ребенка и создавайте условия для реализации каждым ребенком его способностей.

Литература

- Caldwell, Bettye.* May 1998. Early experiences shape social development. Child Care Information Exchange: 53–59.
- Dombro, Amy Laura, Laura J. Colker and Diane Trister Dodge.* 1997. The Creative Curriculum for Infants and Toddlers. Washington, DC: Teaching Strategies, Inc.
- Gilkerson, Linda.* May 1998. Brain care: Supporting healthy emotional development. Child Care Information Exchange: 66–68.
- Healthy Child Care America. January 1999. Early brain development and child care. American Academy of Pediatrics.
- Healy, Jane M.* 1994. Your child's growing mind: A practical guide to brain development and learning from birth to adolescence. New York: Doubleday.
- Isabella, Russell A.* 1993. Origins of attachment: Maternal interactive behavior across the first year. Child Development, 64: 605–621.
- Karr-Morse, Robin, and Meredith S. Wiley.* 1997. Ghosts from the nursery: Tracing the roots of violence. New York: Atlantic Monthly Press.
- Kotulak, Ronald.* 1997. Inside the brain: Revolutionary discoveries of how the mind works. Kansas City, Mo.: Andrews McMeel Publishing
- Lally, J. Ronald.* May 1998. Brain Research, Infant Learning, and Child Care Curriculum. Child Care Information Exchange: 46–48.
- Rogers, Adam, Pat Wingert, and Thomas Hayden.* May 3, 1999. Why the Young Kill. Newsweek: 32–35.
- O'Donnell, Nina Sazer.* March 1999. Using early childhood brain development research. Child Care Information Exchange: 58–62.
- Schiller, Pam.* May 1998. The thinking brain. Child Care Information Exchange: 49–52.

Shore, Rima. 1997. Rethinking the brain: New insights into early development. New York: Families and Work Institute.

University of Pittsburgh, Office of Child Development. Spring, 1998. Brain development: The role experience plays in shaping the lives of children. Children, Youth, and Family Background, Report 12. Pittsburgh: University Center for Social and Urban Research.

Weikert, Phyllis S. May 1998. Facing the challenge of motor development. Child Care Information Exchange: 60–62.

Willis, Clarissa. May 1998. Language development: A key to lifelong learning. Child Care Information Exchange: 63–65.

Позитивная дисциплина и воспитание детей

S. Barakat, J. A. Clark

Positive Discipline and Child Guidance

Каждый взрослый, заботящийся о ребенке, несет ответственность за его воспитание, социализацию и формирование приемлемого поведения в обществе. Эти функции взрослых часто называют воспитанием детей или дисциплиной. Осуществление этого руководства в позитивном ключе является важным фактором, стимулирующим формирование у детей самоконтроля. Правильная воспитательная стратегия взрослых учит детей ответственности и помогает им учиться делать осознанный самостоятельный выбор в жизни. Чем более эффективно взрослый осуществляет поощрение приемлемого поведения ребенка, тем меньше времени и усилий у него уйдет на корректирование девиантного поведения. Специалисты по семейной терапии сходятся во мнении, что применение физической силы, угроз и унижений мешает здоровому развитию ребенка. Например, доказано, что порка может оказывать негативное влияние на детей.

Семейные специалисты также соглашаются, что не существует оптимального единственно правильного ответа на все вопросы о

дисциплине. Все дети уникальны, и также уникальны семьи, в которых они живут. Стратегия дисциплины, которая будет работать с одним ребенком, может совершенно не подходить для другого.

Эффективное руководство ребенком и дисциплина осуществляются с учетом уровня развития ребенка. Важно оберегать самоуважение ребенка и его чувство собственного достоинства. Если действия родителей и других заботящихся взрослых оскорбляют ребенка, если ребенка недооценивают, то это формирует у него негативный опыт, который может снижать его способности к обучению и способствовать жестокому поведению в отношении других. Напротив, действия, признающие успехи и прогресс ребенка – неважно, большие это достижения или незначительные, – способствуют здоровому ходу развития.

Важной задачей является обучение детей самодисциплине. Это требует терпения, чуткого внимания, сотрудничества и хорошего понимания ребенка. Это также требует знаний о собственных сильных и слабых сторонах в решении дисциплинарных задач. К сожалению, единственная форма подготовки к решению этих вопросов у многих родителей представлена только своим личным детским опытом. Такой прошлый опыт не всегда может помочь в воспитании своих детей.

Превентивные стратегии

Отклоняющееся поведение детей невозможно предотвратить полностью. Дети, любопытные и бесконечно креативные, часто совершают поступки, которых не ожидают от них родители и другие взрослые. Однако существует много вариантов позитивных стратегий, которые могут быть предприняты родителями в целях предупреждения отклонений в поведении ребенка.

- Вводить четкие, последовательные правила.
- Давать понять, что окружение ребенка надежно и безопасно.
- Демонстрировать интерес к деятельности ребенка.
- Обеспечивать ребенка подходящими для его возраста привлекательными игрушками.
- Поощрять проявления самоконтроля.

- Фокусироваться на желательном поведении больше, чем на том, которого стоит избегать.
- Создавать у ребенка образ его самого как надежного, ответственного и способного к сотрудничеству.
- Ожидать лучшего от ребенка.
- Давать четкие указания, не более одного за один раз.
- Говорить «да» где это только возможно.
- Отмечать самим и обращать внимание ребенка на ситуации, когда он что-то делает правильно.
- Предпринимать действия прежде, чем ситуация выйдет из-под контроля.
- Оказывать ребенку поддержку как можно чаще.
- Подавать хороший пример.
- Помогать детям увидеть, как их действия влияют на других.

Возможные причины отклоняющегося поведения детей

Если родители понимают причины отклоняющегося поведения детей, они могут более успешно справляться с этими трудностями. Ниже представлены некоторые возможные причины трудного поведения детей.

- Желание ребенка проверить, будут ли родители проводить в жизнь те правила, которые они озвучивают.
- Требования к ребенку в школе и дома сильно отличаются друг от друга.
- Ребенок на самом деле не понимает правило, или можно предположить, что правило не соответствует его актуальному уровню развития.
- Ребенок хочет заявить о себе и продемонстрировать свою независимость.
- Ребенок болеет, устал или хочет спать.
- Ребенку не хватает четкой правильной информации и прошлого опыта, на который можно опереться.

- Ранее ребенок уже получил «вознаграждение» за свое девиантное поведение в виде дополнительного внимания взрослого.
- Ребенок копирует поведение своих родителей.

Ранний детский опыт самих родителей с точки зрения дисциплины

Отведите несколько минут на воспоминания о своих детских годах. Оцените те способы дисциплинарного воздействия, которые применяли ваши родители. За какие из этих стратегий вы им благодарны, и что вы бы сделали по-другому?

**стратегии,
которые стоит сохранить**

**новые приемы,
которые стоит попробовать**

Воспоминания о том, как это – быть ребенком, могут помочь вам понять ваших детей и сформировать отношение к их поведению.

Техники позитивной дисциплины

Отклоняющееся поведение возникает, когда ребенок выбирает нецелесообразные формы поведения. До совершения каких-либо ответных действий, задайте себе следующие вопросы:

- Действительно ли ребенок сделал что-то не так? Есть ли здесь действительно проблема, или вы просто устали и потеряли терпение?
- если реальной проблемы нет, освободитесь от стресса вдали от ребенка.

- если есть действительная проблема, перейдите к следующему вопросу.
- Подумайте секундочку. Может ли ваш ребенок выполнять то, что вы от него ожидаете?
- если вы нереалистичны в своих ожиданиях, то пересмотрите их;
- если ваши ожидания соответствуют реальности, перейдите к следующему вопросу.
- Знал ли ребенок в момент совершения поступка о том, что он делает что-то не так?
- если ребенок не знал, что делает что-то непозволительное, помогите ему осознать, чего вы ожидаете от него, и как он может это реализовать. Предложите свою помощь;
- если проблемным поведением был, по сути, несчастный случай (как, например, мокрые штанишки во время сна), то это не отклоняющееся поведение;
- если ребенок знал, что делает то, что нельзя делать, и нарочно пренебрегает разумными ожиданиями взрослых, то это отклоняющееся поведение. Попросите ребенка объяснить причины этого поступка. Если ребенок достаточно взрослый, спросите, как он мог бы разрешить проблему или исправить ситуацию. Используя подход разрешения проблем, ребенок может развить навык продумывания ситуации и выработки возможных решений.

Ответная реакция на отклоняющееся поведение

Здесь описаны пять стратегий, которые могут применяться взрослыми для ответа на отклоняющееся поведение ребенка. Помните, что всегда хорошо объяснять правила поведения полностью, подробно, четко и ясно до возникновения нарушений поведения. Где это только возможно, вовлекайте детей в составление и формулировку домашних или школьных правил.

Естественные последствия

Позволяйте ребенку ощутить последствия их поведения.

Например: у Жени не было привычки убирать обратно в школьный рюкзак книги после того, как она заканчивала их читать. Однажды она потеряла одну из книг и должна была найти способ возместить утрату школьного учебника.

Естественные последствия применяются только тогда, когда при этом не подвергается опасности жизнь или здоровье детей.

Логические последствия

Это структурированные последствия, связанные с конкретными нарушениями поведения. Ребенок должен видеть связь между поведением и прямыми последствиями.

Например, Андрей, подросток, знает, что если он задержится после определенного часа ночью, то родители не позволят ему пойти в выходные дни к друзьям.

Восстановление баланса

Если ребенок нанес ущерб, ему надо помочь в улаживании проблемы или уборке. Если он причинил кому-то боль, то должен помочь в преодолении этого.

Например: «Сейчас ты заставил твоего брата плакать, пожалуйста, извинись и помоги мне его успокоить».

Тайм-аут

Во время тайм-аута ребенок должен побыть один в каком-то определенном месте. Эта стратегия дает ребенку шанс спокойно подумать о своем поведении вдали от других людей. Вводя тайм-аут, будьте спокойны и решительны. Продолжительность тайм-аута: достаточно одной минуты на каждый прожитый год жизни ребенка.

Например: «Анна, мы часто говорили, что твои драки неприемлемы. Но так как ты ударила Джерри, выйди, пожалуйста, с детской площадки и проведи за столиком для тайм-аута 5 минут. Пожалуйста, подумай, как себя почувствовал Джерри, когда ты его ударила».

Переключение

Эта стратегия может работать, если вы видите, что ваш ребенок не следует правилам и не готов сотрудничать. Быстро и кратко привлечите его внимание, а затем переключите на другую деятельность.

Например: «Том, пожалуйста, помоги мне полить сейчас цветы. Ты уже долго катаешься на велосипеде, и теперь очередь Лены».

Стили воспитания

Исследователи выделяют четыре основных стиля воспитания: авторитарный, вседозволяющий, игнорирующий, авторитетный. Большинство родителей, между тем, не действуют в рамках только одного стиля, а применяют на практике сочетание нескольких подходов к воспитанию. Некоторые родители меняют стиль воспитания в зависимости от опыта, возраста, актуального уровня развития ребенка, конкретной ситуации.

Авторитарный стиль воспитания

- Важны повиновение, традиции и порядок.
- К ребенку может применяться физическое воздействие.
- Обычно не допускается выбор или свобода выражать свои мысли и чувства.

возможные последствия Дети таких родителей могут быть ведомыми и зависеть от других при принятии решений, отличаться заниженной самооценкой, агрессивным или девиантным поведением.

Вседозволяющий стиль воспитания

- Вводится мало правил и руководящих указаний.
- Нет четкой структуры.
- Не реализуются на практике устанавливаемые правила.

возможные последствия Дети могут обладать сниженной способностью к самоконтролю и низкой способностью справляться с фрустрацией. Они могут оставаться незрелыми и иметь впоследствии проблемы с принятием на себя ответственности.

Игнорирующий стиль воспитания

- Отвержение или игнорирование ребенка.
- Родители не вовлечены в жизнь ребенка.
- Ребенку позволено действовать так, как ему хочется.

возможные последствия Дети могут столкнуться с большим количеством трудностей, включая проблемы с познавательным развитием, проблемы с формированием самооценки, доверия к людям.

Авторитетный стиль воспитания

- Взрослые вводят правила и способы руководства воспитанием, соответствующие уровню развития и возможностям ребенка.
- Взрослые проявляют в отношении с ребенком такие качества, как уравновешенность, последовательность и честность.
- Ожидания взрослых в отношении ребенка разумны.
- Родители поощряют независимость и проявления индивидуальности у ребенка.
- При общении с ребенком взрослые дают ясные и четкие объяснения.
- Взрослые позволяют ребенку осуществлять самостоятельный выбор, оказывают поддержку.

возможные последствия Дети, с большой долей вероятности, будут расти ответственными и независимыми людьми, с адекватной самооценкой и способными контролировать свои агрессивные импульсы. Данный стиль воспитания предполагает баланс между разумными границами и независимостью ребенка. Также этот стиль предполагает создание в семье теплой и взаимно поддерживающей атмосферы.

Сам по себе способ воспитания не является исключительным фактором воздействия окружения на ребенка. На развитие ребенка влияют также культурные ценности, поведение ровесников, семейная обстановка и прочее. Эти факторы также обуславливают применяемый стиль воспитания. Например, в одном контексте и для определенных групп более эффективен авторитетный стиль воспитания, а в других условиях он не срабатывает.

Чего можно ожидать от ребенка

Порой ожидания родителей далеки от возможностей детей. Дисциплина и стиль воспитания должны учитывать уникальные потребности детей и их уровень развития.

От рождения до двух лет

Дети нуждаются в большой поддержке, любви, постоянном контакте и взаимодействии с родителями. Если заботящийся взрослый отлучается, ребенок может бояться, что он не вернется. В этом возрасте у детей формируется привязанность. Они учатся доверять тому, что взрослый окажется рядом, когда он им нужен.

В это время дети учатся новому и познают мир через свои непосредственные ощущения и физическую активность.

От двух до шести лет

Дети учатся говорить, немного читать, а также осваивают многочисленные социальные навыки. Они также борются за большую независимость от взрослых. Если эти потребности принимаются во внимание, дети проявляют все больше личной инициативы.

В эти годы дети учатся новому, исследуя – осяпывая, перемещая, поворачивая, бросая – всевозможные объекты, а также задавая множество вопросов взрослым.

От шести до 12 лет

Дети действуют со все более возрастающим самоконтролем. В эти годы они обрабатывают большой объем получаемой информации, и могут принимать уже более сложные решения. Они способны следовать правилам и брать на себя ответственность. Они также формируют образ себя, основанный на собственном опыте и на обратной связи от значимых взрослых. Если эта обратная связь позитивна, дети превращаются затем в уверенных и успешных подростков. Если чаще обратная связь оказывается негативной, то ребенок может расти с чувством своей неадекватности и никчемности.

Лучше узнать своего ребенка

Ваш ребенок – уникальная индивидуальность. Для эффективного взаимодействия с ним стоит потратить время, чтобы узнать о его особенностях, свойственных ему качествах. Наблюдайте его в разных ситуациях и кратко набросайте ответы к нижеследующим вопросам.

- Чем мой ребенок похож на меня?
- Чем мой ребенок отличается от меня?
- Каким образом он привлекает мое внимание?
- Что он любит?
- С какими трудностями он сталкивается?
- В чем его сила?
- Что я ценю в нем?

Расти вместе со своим ребенком

Обучение – процесс всей жизни, как для детей, так и для родителей. Дайте себе несколько минут для размышлений о том, какую новую информацию вы получили из данного руководства. Запись ваших ответов (ниже) может помочь вам запомнить эту новую информацию и применить ее на практике.

- Раньше я считал(а), что дисциплина – это...
- Теперь я знаю, что дисциплина – это...
- Я использовал(а) следующую стратегию воспитания...
- Теперь я хочу...
- Я думал(а), что я...
- Теперь я знаю, что...
- Я думал(а), что мой ребенок...
- Теперь я знаю, что мой ребенок...

Также важно прямо говорить с вашими детьми об их чувствах и о событиях, произошедших с ними в течение дня. В процессе частых и положительных контактов взрослых с детьми укрепляются детско-родительские отношения.

Воспитание ребенка

Из многих исследований следует, что забота о ребенке, теплая, понимающая и поддерживающая забота взрослых играет в процессе воспитания очень важную роль. Ученые обнаружили, что дети легче учатся, если они воспитываются у заботливых и теплых родителей. Дети заботливых родителей также гораздо реже становятся правонарушителями, чем дети, воспитывающиеся у отвергающих родителей. Ниже представлены некоторые примеры «посланий» для ребенка, говорящие ему о том, что о нем заботятся и его любят. Эти «послания» отражаются в действиях и словах взрослых, содержатся в том, как они взаимодействуют со своим ребенком.

- Ты значим как личность.
- Я верю в тебя.
- Я доверяю тебе.
- Я знаю, что ты можешь справляться с разными жизненными ситуациями.
- Тебя слушают.
- О тебе заботятся.
- Ты для меня очень важен.
- Мне хорошо с тобой.
- Я люблю тебя.
- Ты можешь говорить со мной о том, о чем тебе хочется.
- Это нормально – ошибаться.
- Ты часть нашей семьи.
- Я учусь вместе с тобой.

Литература

- Adams, C., and E. Fruge, 1996.* Why children misbehave and what to do about it. Oakland, CA: Harbinger Publications, Inc.
- Baumrind, D. 1996.* The discipline controversy revisited. *Family Relations*, 45 (4): 405–414.
- Baumrind, D. 1991.* Parenting styles and adolescent development. In *Encyclopedia of Adolescence*, Edited by R. M. Lerner, A.C. Peterson, and J. Brooks-Gunnpp, volume 2: 746–758. New York: Garland.

- Bronstein, P., P. Duncan, A. D'Ari and J. Pieniadt, et al. 1996. Family and parenting behaviors predicting middle school adjustment. *Family Relations*, 45 (4): 415–425.
- Krevans, J., and J.C. Gibbs. 1996. Parents' use of inductive discipline: Relations to children's empathy and prosocial behavior. *Child Development*, 67 (6): 3263–3277.
- Owens-Stively, J., N. Frank, A. Smith, and O. Hagino, et al. 1997. Child temperament, parenting discipline style, and daytime behavior in childhood sleep disorders. *Journal of Developmental and Behavioral Pediatrics*, 18 (5): 314–321.
- Schmitt, B.D. 1987. Seven deadly sins of childhood: Advising parents about difficult developmental phases. *Child Abuse and Neglect*, 11: 421–432.
- Smith, C. A. 1993. *Responsive discipline: A leader's guide*, p. 27. Manhattan, Kans.: Kansas Cooperative Extension Service.
- Steinberg, L., S. Dornbusch, and B. Brown. 1992. Ethnic differences in adolescent achievement. *American Psychologist*, 47 (6): 723–729.
- Wilson, S.R., and E.E. Whipple. 1995. Communication, discipline, and physical child abuse. In *Parents, children, and communication: Frontiers of theory and research*. Edited by T. Socha and G. Stamp. LEA's communication series: 299–317.

Эффективное общение с детьми

S. Gable

Communicating Effectively with Children

Почему важно уделять время общению с детьми?

Представление детей о себе и мире базируется на их повседневном опыте. Один из самых ценных аспектов жизненного опыта, который родители могут обеспечить своим детям, – это постоянное общение с ними. Разговаривая со своими детьми, искренне и внимательно выслушивая их, взрослые устанавливают такие взаимоотно-

шения в семье, которые помогут детям узнавать о себе самих и о мире вокруг. Именно взрослые, заботящиеся о детях, ответственны за создание и поддержание позитивных и здоровых взаимоотношений с ними. Одним из наиболее практичных и обоюдно полезных способов на пути к достижению этой цели является позитивное общение.

Исследователи полагают, что наилучшие взаимоотношения в паре ребенок–родитель характеризуются большим количеством позитивного общения и взаимодействия. Под этим подразумевается регулярное общение на самые разные темы, а не только по поводу возникающих в семье конфликтов. Ученые считают, что, если взрослые находятся в постоянном контакте с детьми, проявляют к ним внимание и активно взаимодействуют с ними, то дети гораздо реже ведут себя такими способами, которые приводят к конфликтам или требуют дисциплинарных мер.

Для эффективной коммуникации с ребенком необходимы такое поведение и стиль общения, которые бы соответствовали возрасту и уровню развития ребенка. Понимание того, как общаются дети разного возраста и что им интересно, является ключевым для успешного взаимодействия с ними.

Общение с детьми разного возраста

Дети от рождения до 12 месяцев

Дети в этом возрасте общаются посредством звуков, гуления, воркования, выражения лица, крика, движений тела – таких как объятия или отворачивание, движений глаз – смотря на человека или в сторону от него, движений рук и ног.

поощрение коммуникации Быстро реагировать на любую попытку общения ребенка с вами (т.е. успокоить кричащего ребенка, улыбнуться в ответ на улыбку и т.п.).

Наделять смыслом все попытки ребенка общаться (например, говоря ему: «Ты плачешь, я знаю, сейчас пришло время тебе покушать», «Ты улыбаешься, тебе нравится, когда я щекочу твои ножки!»).

Использовать пение, изменения тона голоса, преувеличенную мимику лица и широко открытые глаза в процессе взаимодействия с маленьким ребенком. Эти способы коммуникации удерживают внимание ребенка и помогают ему сфокусироваться на взаимодействии.

Проводить как можно больше времени с ребенком, глядя друг другу в лицо (т.е. во время пеленания, переодевания, кормления и пр.) и разговаривая с ним, напевая или ласково щекоча. Маленькие дети зачарованно наблюдают за лицами взрослых, любят рассматривать их вблизи.

Обращать внимание на стиль выражения эмоций ребенком, предпочитаемый уровень активности и тенденции к социальному поведению. Некоторые дети спокойны и наблюдательны и предпочитают не слишком частый контакт со взрослым. Другие дети эмоциональны, активны и ищут непрерывного взаимодействия со взрослым, его внимания. Распознавание уникальной индивидуальности каждого ребенка облегчает эффективное взаимодействие с ним.

Дети в возрасте от 12 до 36 месяцев

Дети, начинающие ходить, общаются с помощью сочетания жестикляции и звуков, отдельных слов, фраз из двух слов, выражения положительных и негативных эмоций, движений тела.

поддержание общения с ребенком Отвечайте быстро и предсказуемо на стремление ребенка к взаимодействию («Ты показываешь на холодильник, сейчас самое время выпить немного сока?»).

Расширяйте высказывания ребенка, состоящие из одного или двух слов; выстраивайте более развернутые высказывания на основе сказанного ребенком (например: «Горячо, это точно! Пицца горячая», «Синие, твои штаны синие с белыми полосками, так ведь?», «Повторить еще раз? Хорошо, я покачаю тебя еще немного на качелях»).

Ведите дневник новых слов, появившихся у ребенка. Этот дневник может использоваться сразу несколькими взрослыми, и эти слова могут быть применены в разговорах в семье.

Давайте ребенку не более одного указания за один раз и предупреждайте заранее о перемещении куда-то, о поездках (например: «Мы выходим к бабушке через 5 минут»). Пять минут прошло. «Ну

вот, время подходит, иди и возьми свою куртку в ванной». «О, хорошо, ты принес свою куртку, я помогу тебе ее надеть.»).

Обозначайте эмоции детей словами («Когда ты упал и ударился, ты расстроился». «Когда ты играешь со своей кузиной Машей, тебе весело!»).

Занимаясь домашними рутинными делами, описывайте детям происходящие события или производимые вами действия в том порядке, в котором они происходят («Сначала мы набираем в ванну теплую воду...теперь ты снимаешь одежду и залезаешь в ванну! Теперь самое время намылить мочалку и помыться... сначала помоем ручки...»).

Играя с детьми, следуйте за их инициативой и давайте им возможность самим создавать игру. Описывайте им, что они делают в процессе игры, оставляя контроль за игрой им самим («О! ты везешь машинку по дивану, теперь она упала на пол! А сейчас подъезжает грузовик, чтобы забрать машину в гараж.»).

Говоря ребенку, чего вы от него хотите, обязательно давайте ему объяснения, *почему* вы хотите, чтобы произошло то-то и то-то («Женя, я прошу тебя, подбери, пожалуйста, свои кубики и убери их. Я не хочу, чтобы кто-нибудь споткнулся о них и упал.»).

Дошкольники: 3–6 лет

Дошкольники начинают говорить полными фразами, построенными грамматически правильно. Младшие дошкольники могут испытывать трудности с изложением событий в правильном порядке, но к 6 годам им это становится более доступно.

Дошкольники любят говорить о своем прошлом опыте. Они экспериментируют с розыгрышами и игрой фантазии; иногда они говорят о своем воображаемом опыте.

Дети этого возраста начинают понимать связь устных слов и написанных. Они часто опознают дорожные сигналы (например, знак «стоп») и указатели ресторанов (например, McDonald's), без того чтобы им кто-то объяснял, что эти знаки дословно обозначают.

Дошкольники нередко разговаривают сами с собой в процессе игры или при собирании пазлов, в процессе творчества.

поддержка коммуникации с дошкольником Расспрашивайте дошкольников о прошедших событиях, уточняйте детали и используйте новые слова для описания событий («Расскажи мне, с кем ты сегодня играл в саду? Что вы делали?»).

Поддерживайте дошкольников в выражении эмоций, описании как позитивных, так и негативных эмоций, обсуждайте с ними возможные причины их возникновения.

Создавайте условия для фантазирования, разыгрывания воображаемых ситуаций, как в одиночку, так и вместе с друзьями (например, изображая купание малыша, ведение домашнего хозяйства, играя в космонавта).

Предоставляйте детям возможность соотносить услышанные слова с написанными (например, прикрепляйте листочки с названием знакомых предметов в окружении ребенка, слушайте истории ребенка и записывайте их, предлагайте ребенку собирать те предметы, которые включают знакомые слова, такие как тюбик зубной пасты и пр.).

Если дошкольник говорит с собой вслух, не препятствуйте ему в этом. Это помогает детям дошкольного возраста сосредоточиться на том, что они делают.

Школьники: 6–12 лет

Дети школьного возраста гораздо чаще говорят полными фразами, как взрослые. Они задают много вопросов, могут в подробностях рассказывать о прошедших событиях, им интересно получать новую информацию о самых разных вещах.

Они могут понимать точку зрения других людей и говорить об этом, могут представлять влияние своего поведения на окружающих.

Школьники могут воспринимать больше информации за один раз и, с помощью взрослых, могут эффективно справляться с постановкой целей и решением проблем.

В этом возрасте дети больше времени проводят с ровесниками, с друзьями.

поощрение коммуникации в школьном возрасте Используйте беседу для поддержания активности детей, их интересов, общения с ровесниками. Сверстники очень важны на этом этапе, и при регу-

лярном общении с ребенком взрослые могут быть в курсе взаимоотношений с одноклассниками, ровесниками своих детей.

Помогайте детям в процессе беседы ставить цели, решать проблемы. («Если ты собираешься вечером пойти гулять, давай обсудим, когда ты можешь сделать свою домашнюю работу»). Обсуждайте стратегии и методы решения трудностей, возможные последствия принимаемых решений.

Корректируя поведение школьника, используйте спокойный тон, объясняя преимущества приемлемого поведения. Поясняя причины, вы помогаете ребенку понимать смысл его поведения для других людей. (Например, ваш ребенок дразнит другого из-за того, что тот носит очки. Тогда вы можете объяснить ему, что ношение очков помогает лучше видеть, и напомнить, что поддразнивание может ранить чувства другого.)

Поддерживайте ребенка в его попытках говорить о своих чувствах и о возможных вариантах причин возникновения тех или иных эмоций.

Способствуйте развитию у ребенка умения разрешать конфликты. Вместе с возросшей значимостью отношений со сверстниками будут возникать и конфликты между ними. Детям требуется помощь в эффективном разрешении конфликтов в процессе поддержания отношений с друзьями. Разыграйте воображаемые ситуации взаимодействия между детьми и покажите, как конфликт может быть разрешен, в зависимости от того как сам ребенок управляется с данной ситуацией.

Подростки: 12–18 лет

Подростки заинтересованы в разговорах о себе и о своих отношениях с другими. Им важно понять, кто же они такие, какие они и что другие об этом думают и что чувствуют в отношении них.

Подростки активно обсуждают, чем они отличаются от своих родителей и ото всего остального мира. Они начинают понимать, что их родители не являются совершенными людьми.

В подростковом возрасте дети часто проявляют негативизм, чаще конфликтуют с родителями.

Подростки большую часть времени проводят с друзьями или в одиночестве, гораздо меньше времени уделяя семье.

поддержка коммуникации с подростками Будьте чувствительны и отзывчивы к их опыту. Помните, что каждый подросток проходит через серьезные социальные и физические перемены; ставьте себя на место подростка в тех случаях, когда чувствуете сильное несогласие с ним или возрастающее недовольство.

В общении старайтесь быть в курсе интересов подростка, его взаимоотношений. Проявляйте интерес к ним, мягко задавайте вопросы и выясняйте причины его поведения.

Так как для подростков на первом месте стоит задача сохранения своей независимости и сепарации от семьи, то для сохранения отношений создавайте баланс между ожидаемой от них личной ответственностью и предложением поддержки.

Будьте гибкими. Пытайтесь понять позицию подростка прежде, чем понять свою. Сохранение детско-родительских отношений является самым ценным и полезным в этот период времени, так как при возникновении сложной ситуации только сохранение отношений поможет поддержать подростка.

Старайтесь замечать, что подростки могут развивать идеи, отличные от ваших. Это неизбежно, так как в это время активно формируется и развивается индивидуальность каждого из них.

Семейные истории

Все дети любят слушать истории. Стоит поощрять родителей и детей делиться своими семейными историями. Рассказывание историй является универсальным способом передачи важной информации от поколения к поколению. Слушая их, дети узнают про свою семейную идентичность, про мнения, ожидания, делающие их семью уникальной. Это развивает и воображение детей, создает визуальные образы их предков или далеко живущих родственников. Также рассказывание семейных историй сближает детей и взрослых, формирует атмосферу доверия, тесного контакта и способствует развитию отношений.

Помощь детям в осознании их эмоций

Очень важно помогать детям учиться распознавать и осознавать свои чувства. В процессе обсуждения переживаний и чувств взрослые могут эмоционально сблизиться с детьми, что важно для создания и поддержания доверия и взаимного уважения. Эффективная работа с пониманием детьми их чувств помогает им в дальнейшем воспринимать и переживать радостные и печальные события в жизни. Исследования показали, что дети, выросшие в семьях, где уделялось время обсуждению эмоций и чувств, были академически более успешны, имели более постоянные дружеские связи, с большей эффективностью справлялись со сложными социальными ситуациями.

Как взрослые могут помочь детям лучше понимать свои эмоции и чувства?

Ниже представлены некоторые идеи на этот счет.

- Наблюдайте очень внимательно за эмоциональными проявлениями детей.
- Относитесь к выражению эмоций детьми как к ситуациям, в которых можно сблизиться, лучше понять детей.
- С пониманием и принятием слушайте и отвечайте на эмоции детей, говорите им о том, что понимаете их чувства.
- Помогайте детям словами обозначать свои переживания.

пример Забирая после продленки свою 8-летнюю дочь, вы видите на ее лице широкую улыбку. Что вы можете сказать и сделать?

Взрослый: «Солнышко, ты так радостно улыбаешься! Расскажи мне, что произошло?».

Ребенок: «Сегодня мы прыгали со скакалкой! Я ни разу не запуталась!».

Взрослый: «Ты, должно быть, так рада и так гордишься! Я знаю, как ты любишь прыгалки и как ты этим упорно занимаешься».

Ребенок: «Ага, и сегодня я особенно старалась прыгать как следует, и у меня получилось!».

Взрослый: «Это замечательно, солнышко».

пример Ваш 7-летний сын пришел после игры с соседскими ребятами замкнутый и угрюмый. Зайдя, он кинул пальто на пол вместо того, чтобы повесить его на вешалку. Что вы можете сказать или сделать?

Взрослый: «Никита, что произошло? Ты все время забываешь вешать свое пальто. Что-то случилось у Саши в гостях?».

Ребенок: «Я его ненавижу! Никогда больше не пойду к нему играть».

Взрослый: «Похоже, ты сильно разозлился. Что случилось?».

Ребенок: «Саша никогда мне не разрешает поиграть с его новым поездом».

Взрослый: «Почему он так делает, как ты думаешь?».

Ребенок: «Не знаю. Он говорит, что я его сломаю».

Взрослый: «Что ж, я хорошо понимаю, что ты сильно обиделся, но ты же знаешь, что Саша получил поезд в подарок на день рождения только в этом месяце. Может быть, он боится давать кому-то в него поиграть. Как ты думаешь, что бы ты мог сделать, чтобы дать ему понять, что ты будешь осторожен с его поездом?».

Ребенок: «Не знаю...».

Взрослый: «Вместо того, чтобы злиться, ты бы мог сказать ему, что понимаешь, почему он так осторожен, и попросить его показать, что бы он разрешил тебе делать с поездом. Дай ему понять, что будешь аккуратен. Если он откажется, тебе придется подождать подольше, пока он разрешит, но ты хотя бы попытаешься».

Ребенок: «Да, я знаю».

Важность и сила написанных слов

Иногда мы так заняты повседневными делами, что забываем о простых способах общения. В своей книге «Put Your Heart on Paper» (1995) Henriette Klauser предлагает использовать письменные послания для поддержания контакта с детьми. Она считает, что это может помочь начать общение, которое тяжело начать в обычном разговоре и которое может разрешить конфликты между детьми и взрослыми. Важно также, что написанное становится частью истории отношений.

Вот некоторые предположения о том, как можно использовать письменные послания в отношениях.

На маленьком листочке бумаги можно написать простую просьбу, такую как «Я буду рад погулять с тобой», и оставить на видном месте.

Если у вас трудности с пониманием ребенка или с тем, чтобы быть понятным им, используйте записки как возможность объяснений.

Личный дневник можно использовать для фиксирования в нем истории отношений. Используйте его, чтобы отмечать особые события или проведенное вместе время.

Оставляйте небольшие приветствия друг для друга в неожиданных местах, например, на зеркале в ванной или на рюкзаке.

Заведите общий дневник. Его можно держать в общедоступном месте, где в любой момент можно записать свои чувства и переживания, свой опыт.

Мало какая активность в жизни так вознаграждает, как эффективное общение с другим человеком. Идеи, изложенные в данной статье, могут помочь вам развивать здоровые, ценные и важные для обеих сторон детско-родительские отношения. Нет сомнений в том, что детям мир представляется необъятным. Уделяя внимание детям, регулярно общаясь с ними, можно помочь им сформировать здоровое и позитивное представление о себе и о мире.

Литература

- Bates, E., B. O'Connell and C. Shore. 1987. Language and communication in infancy. In Handbook of Infant Development. editor, J. D. Osofsky. NY: Wiley.
- Bornstein, M. H., editor, 1995. Handbook of Parenting: Volume 1, Children and Parenting. NJ: Lawrence Erlbaum.
- Gottman, J., and J. DeClaire. 1997. The heart of parenting. New York, NY: Simon and Schuster.
- Klauser, H. A. 1995. Put your heart on paper. New York, NY: Bantam.
- Pettit, G. S., and J. E. Bates, 1989. Family interaction patterns and children's behavior problems from infancy to 4 years. Developmental Psychology, 25:413–420.

Stone, E. 1988. Black sheep and kissing cousins: How our family stories shape us. Penguin Books: NY.

Каждому приемному ребенку необходима «История его жизни»

*По материалам статьи J. Colson
Adoption Scrapbooks Made Easy*

Идея создания для вашего приемного ребенка книги об истории его жизни, с подробной информацией и фотографиями, в первый момент может вызвать недоумение у многих родителей. Но именно с ее помощью вы можете создать то, что будет вдохновлять и поддерживать всю вашу семью долгие годы.

Излагаемые в этой статье идеи я буду подкреплять примерами из жизни многочисленных приемных семей, которые, так или иначе, создавали для своих детей истории их жизни.

Подробности ранних лет жизни нашего приемного сына были неполными и разрозненными, и мы были счастливы, когда нам удалось получить многочисленные фотографии с изображением его самого, его друзей и людей, заботившихся о нем в приюте, где он провел первые четыре года своей жизни. К сожалению, когда я начала делать книгу жизни для Люка, нашего второго приемного сына, у меня было гораздо меньше материала: информация медицинского характера, данные о перемещениях по учреждениям, и меньше дюжины фотографий. И тогда для меня наступило время проявить творческий подход!

Попал ли к вам ребенок пяти часов от роду или в возрасте пяти лет, из расположенного неподалеку города или с другого континента, здесь описаны некоторые идеи, которые помогут вам начать вместе с ним новую страницу жизни вашей семьи с принятия истории его жизни.

Альбом с историями и фотографиями, или «Книга жизни»

Прежде чем приступить к созданию «Книги жизни», подумайте, что именно Вы будете создавать. Обычно альбом представляет собой собрание фотографий и других изображений, которые позволяют сохранить память Вашей семьи. Альбом, создающийся в приемной семье, центрирован, конечно, на ребенке, но часто включает в себя членов расширенной семьи, друзей и других людей, включенных в жизнь ребенка.

«Книга жизни» – это история жизни Вашего ребенка, начинающаяся с его рождения, написанная для него. Так как она может включать непростые моменты его личной истории, требующие деликатного подхода, то «Книга жизни» не должна выходить за пределы семьи.

Так, многие семьи создают отдельно специальный альбом, чтобы помочь детям понять, как они попали в эту семью (см. ниже «Создание Книги для малыша»), и почему получилось так, что они не растут в своей кровной семье. Кристи Шоу, чья дочь была удочерена с рождения, использовала купленные в магазине книги, рассказывающие о раннем развитии детей, для того чтобы описать ей ранние месяцы ее жизни. По мере взросления своей дочери, она планирует создавать альбом с историей всей своей семьи, а также делать специальную книгу для самой дочери.

Линн Венефрон и ее муж также удочерили девочку с рождения. Они решили включить в книгу о семье историю девочки в общих чертах. Подробности ее личной жизни, фотографии и другая информация будут находиться в специальной «Книге жизни». «Мы узнали и полюбили кровную маму нашей дочери, и мы уважаем то трудное решение, которое она приняла¹. Мы хотим предоставить нашей дочке возможность первой узнать историю ее собственной жизни».

¹ Скорее всего, имеется в виду, что кровная мать еще до родов приняла решение, что не будет растить свою дочь сама, и дала согласие на ее удочерение другой семьей. *Прим. перев.*

Создание Книги для малыша

Текст в «Книге жизни» вашего малыша должен быть простым и честным. Формулировки должны быть краткими и понятными самому ребенку, в то же время без искажения отражающие события, происходившие с ним. Ниже приведены примеры некоторых формулировок, которые вы можете использовать и на которые вы можете опираться, описывая уникальные события жизни вашего ребенка.

- «Твоя мама, которая тебя родила, не могла заботиться о малыше, поэтому она позволила другим взрослым ухаживать за тобой и заботиться о тебе, пока мы не усыновили тебя».
- «Мне пришлось долго ждать, прежде чем я смогла забрать тебя домой, но я каждый день думала о тебе и смотрела на твою фотографию».
- «Когда мы с тобой познакомились, мы были так счастливы! Но ты, должно быть, испугался: кто эти незнакомые, новые люди?»
- «Сначала ты много плакал, и мы делали все возможное, чтобы ты чувствовал себя хорошо».
- «С каждым днем мы любили тебя все больше, и ты потихоньку начинал нам доверять».
- «Ты всегда будешь с нами. Мы твоя семья навсегда».

И так далее.

Как и Линн Венефрон, я включила истории наших усыновленных детей в общую семейную книгу, а также создавала специальные личные альбомы для детей, удобные для их маленьких ручек.

Я писала историю каждого из моих мальчишек простым языком, излагая правдивую историю их жизни, которую дети обязательно должны знать, и печатала этот текст, два или три предложения и одна фотография на страницу. Цветные копии этих страничек я вкладывала в файлы в специальную папку. Эти книжки были очень популярны в нашей семье при выборе чтения на ночь, и мои мальчики часто сидят и перелистывают страницы, просматривая их самостоятельно.

Творческие приемы

Надо сказать, что я ни перед чем не останавлиюсь, ловя моменты, чтобы зафиксировать воспоминания. Даже мой муж не поверил, что

я на самом деле хотела сделать фото почтальона компании «Федерал экспресс», который доставил нам документы с разрешением на прием детей в семью. Но так оно и было на самом деле: я стояла, готовая к съемке с фотокамерой, ожидая, когда он позвонит в нашу дверь. Испытывала ли я смущение? Едва ли. Это стоило того? Несомненно! Дело в том, что если вы знаете, что можете остаться без фотографий ранних лет жизни своего ребенка, то следует действовать, фиксируя все, что возможно, своими силами.

У вас мало фотографий? Используйте свое воображение, чтобы придумать другие способы сотворить воспоминания. Сочините письмо ребенку, когда получите его фотографию при знакомстве. Опишите вашу первую встречу с его кровной мамой. Напишите поэму или просто скопируйте цитаты из текста документа про прием ребенка в семью.

Сохраняйте все, что ассоциируется с историей вашего ребенка или с историей его принятия в вашу семью. Важным может стать даже листочек с названием того отеля, где вы жили, оформляя документы. Бэт О'Малей, автор книги «Creating a Treasure for the Adopted Child», засушила цветок из родной страны ее дочери. «На самом деле я хотела привезти немного земли, – смеется она, – но я боялась провозить ее через таможню». Когда нам пришлось неожиданно поехать в Миннесоту, чтобы познакомиться с нашим сыном, мы покупали почтовые открытки в каждом населенном пункте по дороге. Я буду их использовать для его «Книги жизни», наклеив их рядом с картой, на которой нанесен наш путь к нему, на страничке с названием «Наше путешествие к тебе».

Представляйте информацию в виде рассказа, повествования

Так как предоставленные в документах данные о развитии ребенка изложены обычно сухо, кратко и не доставляют удовольствия при прочтении, читайте между строк, чтобы увидеть, что можно собрать по отрывочным словам. Для написания странички про ранние вехи в развитии сына мы перефразировали сухой официальный язык, чтобы текст звучал, как вступление в книгу про описание развития младенца. «В три месяца ты уже весил 5,5 кг и хорошо спал

ночью. Ты любил, когда рядом играла музыка, и плакал, когда воспитательница уходила из комнаты. Ты часто смеялся». Я собрала измерения роста и веса моего сына в разном возрасте и объединила их на страничке вместе с его фотографиями.

Если вы сильно ограничены в информации, действуйте творчески. Введите дату рождения своего ребенка на интернет-странице «Этот день в истории», чтобы можно было описать интересные события, произошедшие в этот день в мире. Добудьте первую полосу или титульную страницу газеты, вышедшей в день рождения вашего ребенка в его родном городе или стране (например, «The New York Times» или «China Daily»). Для тех, кто усыновлен из Китая, веб-страница Asia Threads (www.asiathreads.com) предлагает фотографии сиротских приютов.

Заполнение пробелов

Если у вас мало информации о жизни ребенка до его попадания к вам в семью, О'Малей рекомендует два принципа: пусть правда будет вашим проводником, и пусть формулировки будут соответствовать возрасту ребенка. «Используйте слова, говорящие о возможности, предположении», – советует она. Используйте фразы, подобные следующим: «Мы думаем, что...», «Я полагаю, что...», и «У нас нет фотографии, но держу пари, что...». Попросите ребенка нарисовать картинку с изображением его кровной мамы, как он сам ее себе представляет. Одна творческая мама прикрепила к страничке альбома своей приемной дочери маленькое зеркальце и под писала: «Вот как, может быть, выглядит твоя кровная мама».

Детям, попавшим к вам из другой страны, можно рассказать часть истории их жизни, ссылаясь на то, как в культуре той страны принято заботиться о детях. Вы можете сказать: «Приемные родители в Корее часто носят с собой малышей везде, куда бы они ни пошли. Они с ними весь день, и потом засыпают рядом с ними ночью». Это позволит ребенку представить, как могла бы сложиться его жизнь, даже если вы не знаете наверняка. Книга «When You Were Born In...» («Если ты родился в...»), предлагает замечательные фотографии и пояснения для детей, усыновленных из Китая, Кореи или Вьетнама.

Полезные советы по работе с фотографиями

Одна из приемных мам, Шерри Рамсделл, описала свой способ использования фотографий своего ребенка для истории его жизни: «Я сделала цветные копии нескольких фотографий кровной семьи нашего сына, прежде чем использовала хоть одну из них». Сохраняя оригинал фотографии в надежном месте, вы можете делать с них копии, уменьшать, увеличивать и компоновать с другими фотографиями, что предоставляет большие возможности для творчества.

Мона Грин, обращаясь к приемным родителям, советует помещать на одной странице не более одной-двух фотографий, заполняя остальное пространство добавлением текста и использованием декоративных средств, таких как ленточки, наклейки или аппликации. Возможности ничем не ограничены!

Помните, что дело не в количестве фотографий: страницы, сфокусированные на одной фотографии, могут быть поразительными, особенно если фото оформлено в определенном декоративном стиле. Один из способов использования фотографии не самого хорошего качества – это увеличение ее размера и черно-белая печать. Потом покройте фотографию кусочком тонкого пергамента или полупрозрачной писчей бумаги, чтобы придать фотографии красивый, туманный и загадочный вид, что также помогает скрыть недочеты в ее качестве.

Итак, в чем же дело?

Создание «Книги жизни» может казаться неодолимым. «Но вам не требуется обладать исключительными творческими талантами», – заверяет О'Малей. – «Вы можете страдать цветовой слепотой и иметь два больших пальца на левой руке, а Книга вашего ребенка получится прекрасной. Единственной ошибкой может быть нежелание создавать «Книгу жизни». Стейси Хамман, мать троих детей, усыновленных из Кореи, советует: «Начните с малого. Приступите к описанию настоящего момента, и потом постепенно продвигайтесь назад, в прошлое».

Помните, что основная цель «Книги жизни» – это сохранение памяти вашей семьи. Действуйте творчески и получайте удоволь-

ствии. Независимо от того, одна у вас фотография или сотни, не позволяйте перфекционизму удерживать вас от создания страниц истории жизни, откладывая это на долгие годы.

Ваша Книга – это чудесная возможность исследовать эмоции и чувства ребенка, связанные с его путешествием в вашу семью, так же как и способ сохранения семейной истории и семейной памяти. Ниже представлены некоторые идеи, которые могут способствовать завязке разговора с ребенком о его жизни.

Включайте вопросы или незаконченные утверждения на каждой странице. Например, после фотографии младенца с обеспокоенным лицом один из родителей написал: «Она беспокоится, что же будет дальше». Рядом с картинкой, отображающей встречу ребенка с родителями, в тексте говорилось: «Как тебе кажется, что думала Эмма?» Этот вопрос приглашает маленького читателя обратиться к своим чувствам, когда он просматривает Книгу.

Параллельные дороги. Создавайте Книгу, которая рассказывает вашу историю на одной стороне страницы, и историю вашего ребенка – на другой. Если вы отображаете себя на левой стороне листа, то на правой – ждет ребенок, пока вы встретитесь. Один родитель оставлял пространство на стороне листа, где изображалась история ребенка, чтобы он мог добавить туда свои размышления и идеи, когда станет старше.

Приглашайте порассуждать. Если вы не знаете, почему ваш ребенок, к примеру, был отдан на усыновление, сформулируйте в общем: «Родители обычно вынуждены помещать ребенка в приют в том случае, когда у них нет средств, чтобы его растить и за ним ухаживать. Может быть, и с тобой случилось именно так». Затем можно обсуждать с самим ребенком то, что могло быть на самом деле.

P.S. Ваш искренний интерес к истории жизни вашего ребенка, обсуждение ее с ним, ваша готовность говорить даже о самых сложных моментах его биографии, совместное создание альбома про его жизнь – лучшее доказательство для малыша, что его любят и принимают таким, какой он есть, что вам можно доверять, и что он обрел свою семью.

Ссылки

www.scrapandtell.com New to scrapbooking? This is a great source for adoption scrapbook/lifebook information and supplies.

<http://scrapbooking.adoption.com> Extensive information about scrapbooking for birthparents and adoptive, foster, and waiting families.

www.adoptionlifebooks.com Beth O'Malley's site offers a wealth of information about lifebooks.

<http://dmarie.com/timecap/step1.asp> Discover what happened on the day your child was born.

Как говорить с приемным ребенком на трудные, болезненные темы

Holly van Gulden

Talking with Children about Difficult History

«Как нам сказать нашей приемной дочери, что у нее есть родной старший брат, проживающий с ее кровной матерью?»

«В документах указано, что кровная мама нашего сына была изнасилована. Должны ли мы говорить об этом сыну?»

«Мы написали в агентство, чтобы получить больше информации о кровной семье нашего сына. Агентство связалось с его кровной матерью для получения более детальной информации, и оказалось, что отец Дэвида в настоящий момент находится в тюрьме. Дэвид, которому сейчас 9 лет, продолжает спрашивать, не получили ли мы известий из агентства о его семье. Что нам делать?»

Родители, обладающие информацией об истории жизни ребенка и/или его кровной семьи, которая потенциально болезненна, сталкиваются со сложным, тяжелым выбором. Эта проблема выбора включает следующие вопросы/сомнения. Должны ли мы делиться этой информацией с ребенком? Если да, то когда, в каком возрасте, на какой стадии его развития? Как нам представить ему эти факты?

Насколько много и подробно стоит рассказывать? Кто должен это рассказать?

Я искренне верю, что дети нуждаются в своем прошлом – хорошем, не очень хорошем, радостном, болезненном, простом, трудном. В моем жизненном опыте как родителя и как консультанта по вопросам приемных детей ни разу не было случая, когда бы я поддержала родителей в решении не делиться информацией с ребенком. Я всегда концентрировалась на том, как донести до ребенка информацию: когда, насколько подробно и в присутствии кого. Когда бы я ни приступала к этой работе вместе с семьей, я акцентирую необходимость собрать также множество других фактов о прошлом ребенка – о его кровных родителях как личностях и/или их расовых и культурных особенностях. «Негативная» информация обязательно должна быть представлена как небольшая часть общей картины, а не как законченный образ.

Именно сейчас самое время поделиться с ребенком информацией! Дети, защищенные от болезненной информации, обязательно обнаружат эти «факты» о своей истории или своем происхождении в детстве или в более зрелом возрасте – даже в случае международного усыновления. Вскрытие таких тщательно скрываемых секретов может привести и часто приводит к чувству измены, предательства со стороны приемных родителей, стыду и пр.

Хотя это сложно, подчас болезненно, но эти факты являются важными кусочками истории вашего ребенка. Часто информация, которую родители хотят скрыть, чтобы защитить ребенка от боли или от формирования негативного представления о себе (мои кровные родители плохие, значит, и я плохой), является ключом к разгадке загадочного для каждого приемного ребенка вопроса: почему меня не растят мои кровные родители? У каждого человеческого существа есть потребность в знании фактов своего прошлого, истории своей семьи и право на это. Утаивая информацию под предлогом болезненности или постыдности, мы лишаем наших детей возможности сформировать со временем ясную картину тех лиц и тех сил, которые влияли на ход их жизни, а также шанса развить стратегии преодоления болезненных переживаний, переработки

сложной информации. Хранение секретов, особенно между поколениями в одной семье, подразумевает, что утаиваемые факты позорны.

Я считаю, что профессиональным консультантам по семейному устройству и родителям важно помнить, что существуют дети, продолжающие жить с кровными родственниками, и они сталкиваются с этими сложными ситуациями постоянно. Не все женщины, забеременевшие вследствие изнасилования, отдают своих детей на усыновление. Некоторые из них сами растят своих детей. Профессионалы должны рассматривать вопросы: «Должен ли я, основываясь на своей профессиональной оценке ситуации, рекомендовать, чтобы мать скрывала факт истории зачатия от своего ребенка – изнасилование, инцест? Должен ли я рекомендовать, чтобы женщина или мужчина, чей супруг или супруга находятся в местах лишения свободы, утаивали это от детей, пока они слишком малы для понимания этого? Надо ли советовать, чтобы бабушка или тетя, воспитывающие внуков либо детей своих братьев или сестер, скрывали от них, что их мать растит их сиблингов (родных братьев или сестер)?» Ответ на все эти вопросы – чаще всего *«нет»*. Секреты губительны, в том числе и для детей. Большинство профессионалов в данной ситуации разрабатывают осторожный план того, как обходиться с негативной информацией, с тем, чтобы предоставить факты ребенку до достижения им зрелого возраста, обычно до начала подросткового возраста.

Есть несколько решающих моментов, касающихся того, как, что и когда рассказывать ребенку.

Проверьте факты. Откуда поступила имеющаяся информация? Кто ее предоставил? Жизненно важно проверить не только сами факты, но и их источник. Целью является достижение ясности: что основано на фактах, что является предположением, кто рассказал или зарегистрировал информацию; как тот, кто предоставлял информацию, оценивал ее? Используют они критический, оценочный или осуждающий язык? Иногда существенная информация оказывается предположением, косвенным намеком или интерпретацией. Если у вас есть информация, как вы ее получили? У вашего ребенка,

в конечном счете, будет доступ к тем же источникам, которые есть у вас, – документам о помещении ребенка в вашу семью, найденным кровным родственникам, информации от социальных работников. Предположения и интерпретации, не основанные на четких фактах, должны быть отделены от достоверной информации. Например: «Социальный работник полагает, что твоя кровная мама была проституткой, так как... Она записала информацию без ее фактической проверки. Это может быть правдой, а может и не быть».

После проверки информации на достоверность, родителям стоит потратить время на обсуждение – настолько открыто и честно, насколько это возможно, – своих собственных оценок данных событий. Систематизируйте и рассмотрите свои взгляды. Вы можете ценить воздержание или девственность до свадьбы и учиться удерживаться от осуждения тех, кто не разделяет вашего мнения. Пожалуйста, проходите этот этап осторожно и честно – в идеале с профессиональной поддержкой. Ваши неосознаваемые оценки кровной семьи вашего ребенка будут передаваться ему в процессе разговора: через ваш тон, подбор слов, невербальные сигналы – позу, выражение лица и т.д. Дети будут считывать все эти характеристики/признаки вашего отношения, интерпретируя информацию, свое наследие от кровной семьи, и, в конечном счете, самих себя как нечто постыдное. Родители должны поддерживать обсуждение информации, отслеживая то, как они выражают свое отношение, какие сигналы они посылают ребенку, чтобы чувствовать себя комфортно, обращаясь с данным материалом. Спокойствие – это та цель, к которой движутся родители, учась распознавать свое отношение, признавать его, и делиться темами, вызывающими у них дискомфорт. Например: «Линда, я знаю, что я испытываю напряжение всякий раз, когда мы обсуждаем твоего кровного папу, находящегося в тюрьме. Мое напряжение возникает из-за моего беспокойства и заботы о тебе и моего желания, чтобы ты не чувствовала вину или стыд за тот выбор, который сделал в своей жизни твой отец».

Завершение неоконченных утверждений может помочь родителям распознать свои оценки и суждения о людях (имеется в виду кровная семья вашего ребенка), вовлеченных в эти непростые си-

туации. Попробуйте дописать незаконченные предложения, например, приведенные ниже.

- Человек, совершивший насилие, является...
- Человек, сидящий в тюрьме, – это...
- Жертва насилия – это...
- Женщина, отдавшая своего ребенка на усыновление, – это...
- Женщина, воспитывающая двоих детей и отдавшая третьего ребенка на усыновление, – это...

Помните, что цель приведенного упражнения – распознавание ваших реакций на людей, имеющих отношение к истории жизни вашего ребенка, и прояснение того, хотите ли вы, и если хотите, то как, поделиться своим отношением к ним с ребенком. Насилие – не норма. Это неприемлемое поведение. Если ваш ребенок был зачат вследствие насилия, необходимо научиться отделять неприемлемый факт агрессии – от самого человека, кровного отца вашего сына или дочери. Если вы не можете отделить поведение от самого человека – не имеет значения, какое потрясение и злость вы чувствуете, – ваш ребенок не сможет научиться отделять свои чувства к кровной семье от оценки неуместного и неприемлемого поведения.

Вашему ребенку потребуется руководство и образец, для того чтобы отделить ситуацию своего появления на свет от чувства собственной ценности и образа себя.

Оцените готовность ребенка к восприятию информации. Обращение к этому может:

- помочь родителям составить мнение об имеющемся у ребенка представлении о себе, способности справляться с эмоциями и перерабатывать тяжелую информацию интеллектуально и эмоционально;
- способствовать исследованию родителем своих собственных реакций (как когнитивных, так и эмоциональных) на ситуацию.

Подумайте об основных этапах развития детей. Естественной реакцией родителей часто бывает планирование преподнесения непростой информации ребенку тогда, когда он подрастет, возможно, в подростковом возрасте. По моему опыту, это далеко не оптимальная стадия развития для обсуждения болезненных фактов. На

этом этапе жизни подростки решают одновременно две задачи, потенциально делающие проблематичным восприятие сложной информации: индивидуализация и сепарация. Подросток переоценивает и заново осмысляет ответ на вопрос «кто я?», который частично базируется и на осознании своей жизненной истории на данный момент времени. Также они готовятся покинуть семейное гнездо. Это критический и сложный период развития, в ходе которого вводить новую, и в том числе негативную, информацию об истории семьи молодого человека/девушки не представляется наилучшим вариантом. Тогда как подростки предстают наиболее уязвимыми и ранимыми, дети более младшего возраста в основном воспринимают негативную информацию проще – не без боли, смутения и некоторого самообвинения, но с меньшим потенциалом принятия на себя ответственности, вины и стыда за поступки других людей. Дети в возрасте 8–10 лет обладают запасом времени для переработки полученного материала, чтобы прийти к позитивному представлению о себе до того, как они эмоционально начнут отделяться от семьи.

Оцените, на какой стадии развития находится ваш ребенок в настоящее время. Выбор момента разговора зависит от индивидуальных особенностей развития ребенка. Если вы полагаете, что образ себя у ребенка слишком негативный или самообвиняющий, чтобы воспринять непростую информацию без присвоения себе чувства стыда за нее, тогда вам стоит спланировать следующие шаги: а) обратиться к негативному представлению ребенка о себе, помочь ему в формировании положительного образа «Я»; б) помочь ребенку укрепить привязанность к вам; в) помочь ребенку различать свои эмоции и выражать их подходящим образом, особенно гнев, злость, фрустрацию, грусть, отчаяние, страх и беспомощность; г) поделиться с ним информацией только тогда, когда вы ощутите заметный прогресс по вышеописанным пунктам.

Помните, что дети чувствуют, когда что-то от них скрывается и держится в секрете, и заключают из этого, что с ними самими что-то не так. Скрытие деталей из истории жизни ребенка может укреплять их чувство стыда. Оценивая готовность ребенка воспринять информацию, определите имеющиеся у него копинг-стратегии и воз-

можности интеллектуальной и эмоциональной переработки информации. Решение подождать, пока ребенок сформирует положительный образ «Я», погружает его в неопределенность, лишая возможности понять и принять реальные факты своей жизни и своей родословной. Постоянная профессиональная поддержка, обсуждение болезненной информации, определение чувств и реакций ребенка, укрепление его во мнении, что это было поведение и/или выбор других людей, а не его самого, может помочь ребенку преодолеть стыд, основанный на негативном восприятии самого себя.

Внимательно продумайте, какие слова использовать для изложения информации ребенку. Помните, что ваша цель быть открытыми, искренними и заботливыми, строить беседу, не уклоняясь от вопросов, чтобы помочь ребенку воспринять непростую информацию. Спланируйте, кто будет присутствовать при этом. Запишите имеющиеся факты, предположения и те слова, которые кажутся вам эффективными для описания. Если возможно, пусть присутствует профессиональный ассистент, который сможет помочь вам в этой беседе и в дальнейшем. Помните, что восприятие и переработка информации потребуют времени! Вашему ребенку обязательно нужен доступ к людям, которые смогут определить и понять его чувства и скорректировать неверные истолкования.

В заключение: если как родители вы боретесь с вопросом, стоит или нет посвящать ребенка в некоторые факты из истории его жизни или жизни его семьи, то я рекомендую вам обратиться за профессиональной консультацией, чтобы решить, как и когда это сделать. Обратитесь в свое агентство по семейному устройству или в группу поддержки приемных родителей за рекомендациями о том, где можно получить консультацию (у социальных работников, семейных терапевтов, психологов, психиатров и пр.). Если вы знаете сотрудника организации помощи приемным семьям, которому доверяете, но у которого нет опыта работы с потенциальными последствиями изнасилования, инцеста, нахождением в местах лишения свободы, помещением в семью ребенка, при том, что его сиблинг остается в кровной семье, и т.д., то я советую вам проконсультироваться у психолога, имеющего такой опыт.

И наконец, обратитесь за поддержкой для самих себя, если чувствуете себя ошеломленными, переполненными противоречивыми чувствами. Разделение тяжелой информации со своим ребенком и его сопровождение в процессе ее восприятия, проработка этой части его истории жизни могут сделать вас ближе друг к другу.

Почему дети редко заговаривают о своем приходе в приемную семью?

V. Keeler-Wolf. *Why Children Don't Talk (Much) About Adoption*

Родители часто рассказывают, что их дети редко заговаривают о том, как они попали в приемную семью, и не выказывают к этому интереса, когда родители поднимают эту тему. Значит ли это, что указанные вопросы их действительно не волнуют?

Для полного осознания человеком самого по себе факта того, что он был принят в семью, требуется много лет жизни (в том числе и в подростковом, и во взрослом возрасте). Для дошкольников самое первое понимание может заключаться в том, что усыновление – просто путь, которым они попали в семью. Маленьким детям следует простым языком рассказывать об их рождении и истории принятия в семью. В ходе таких бесед дети знакомятся с фигурами важных для них людей, сыгравшими роль в их жизни в кровной и приемной семье. Рассказывая историю принятия ребенка в семью, важно обозначить свои мотивы при принятии этого решения. Критически важным является признание роли кровных родителей в жизни ребенка и того, что послужило причиной невозможности жить и воспитываться в кровной семье. Дети часто любят слушать рассказы о том, как приемные родители готовились к их прибытию, и про подробности их вступления в семью. Дети также нуждаются в том, чтобы слушать историю своего рождения – это приобщает их ко всему человеческому роду в целом и повторяет тот одинаковый для всех путь, которым

дети на земле приходят в жизнь. Как первый, так и второй тип историй необходимо рассказывать детям регулярно, с добавлением со временем деталей, которые ребенок сможет понять с возрастом.

Согласно мнению клинического психолога Мэри Уоткинс и психоаналитика Сьюзен Фишер (обе они являются также приемными мамами), изложенному в их книге «Разговор с маленькими детьми про их путь в семью», задачей родителей является не просто информирование детей о том, что они приемные, и не только умение дозировать информацию в зависимости от возраста ребенка. Родители должны учиться внимательно прислушиваться к ребенку, чтобы понять, как он воспринимает и переживает тот факт, что он приемный, и что это означает для ребенка на разных возрастных этапах. Эта способность слушать и слышать может стать для родителей серьезным вызовом, так как обсуждение приема ребенка в семью подразумевает взаимодействие двух людей (вас и вашего ребенка). А вы и ребенок отличаетесь не только по возрасту, разнится и ваш жизненный опыт и отношение к событиям, связанным с ходом принятия в семью ребенка.

Исследования доктора Дэвида Бродзински показали, что приемные родители, в особенности матери, скорее переоценивают знания и представления детей о своем приеме в семью и понимание ими этого факта. Он советует родителям не прекращать обсуждение преждевременно из-за ошибочного убеждения в том, что ребенок, который может говорить про прием в семью, понимает это. Родители должны уделять внимание тому, как развивается понимание данной темы их ребенком, чтобы знать, с какой стороны он испытывает в данный момент интерес к истории своей жизни. Кроме того, родители смогут оценить, насколько ребенок стал способен воспринять идеи, которые еще несколько недель назад практически не привлекали его внимания.

Что же делать родителям? Если им свойственно переоценивать понимание детьми фактов их биографии, то как они могут оценить интерес своих детей и их готовность к восприятию большей информации? Лучший путь к пониманию интересов и вопросов детей – слушать тот язык, который они используют, чтобы разобраться в окру-

жающем мире и жизни. Универсальным языком детей является игра. Придуманые детьми истории, игры, роли, которые они берут на себя, отражают их самих, интересующие их темы и проблемы, которые они пытаются разрешить.

Один из способов прикоснуться к внутреннему миру ребенка – это «игровое время», совместно проводимое взрослым с ребенком. Пассивная активность, такая как чтение рассказов, собирание пазлов или совместный просмотр видео, важны и играют также образовательную роль, но не могут заменить «игровое время». Целью игрового времени является полная вовлеченность в совместную с ребенком активность, куда бы она ни была направлена самим ребенком. «Игровое время» подразумевает выделение специального времени (около 20-30 минут) каждую неделю для совместного времяпрепровождения с ребенком. Выключите телефон и телевизор, чтобы ничто вас не отвлекало. Позвольте себе в это время взять на себя спонтанную и неструктурированную роль, следуя за своим ребенком. Стенли Гринспен (доктор медицины, автор книги «Игровая площадка: понимание эмоциональной жизни вашего ребенка-школьника»), сторонник необходимости «игрового времени», считает, что цель такого взаимодействия – настроиться на ребенка на его уровне. В это время именно ребенок направляет ход разговора или ход игры.

В идеальном варианте игровое время наступает спонтанно, но в условиях современной загруженной жизни этому помогает введение специального времени. С маленькими детьми игровое время будет сконцентрировано на игре. Доступ к игрушкам, костюмам и другим игровым материалам играет важную роль.

Правила предельно просты: во-первых, ни вы, ни ваш ребенок не имеете права ничего ломать или причинять вред кому-либо; во-вторых, главенствующим в полной мере является ребенок. От вас не требуется анализа неосознаваемых элементов игры ребенка или интерпретации его чувств по поводу нее. Но если у вас будет больше опыта наблюдения за миром игры вашего ребенка, вы сможете заметить повторяющиеся эмоционально нагруженные темы (возможно, вопросы о сходствах и различиях между людьми, о потерявшихся игрушках/детях/животных и пр.).

Ваша задача – помочь ребенку общаться с вами на более глубоком уровне о чем угодно, что его или ее интересует. Если вы заинтересованный участник и проникновенный слушатель, то сможете помочь своему ребенку в исследовании его проблем и вопросов. Существенно то, что вы позволяете ребенку руководить в процессе игрового времени. Если ваша дочка хочет, чтобы вы были маленьким потерявшимся котенком, спросите ее, как нужно играть эту роль, – как себя чувствует котенок? Котенок испуган, обеспокоен, голоден или...? Дайте возможность ребенку самому определить течение драмы. Вопрос, как можно разобраться с дилеммой котенка, решает ваш ребенок, а не вы. Если ребенок хочет заползти к вам под кофту и вообразить снова и снова, что он растет в вашем животе, и что вы его рожаете, делайте так, как он вам говорит. Не используйте это время на то, чтобы корректировать и поправлять ребенка; скорее, чем неверное понимание реальности, это – проигрывание ребенком его желаний относительно вас. Если вы чувствуете необходимость прокомментировать действия ребенка, вы тоже можете поделиться с ним своим желанием того, чтобы ребенок вырос у вас в животе.

Для приемных родителей, у которых отношение к потере отличается от такового у их детей, может быть болезненным играть роль потерявшегося котенка без попыток повернуть игру в сторону счастливого окончания. Уоткинс и Фишер поясняют, что родителям следует не только слушать и замечать сходства в представлениях детей об их приеме в семью со своими собственными, но и обращать внимание на различия в представлениях. «Эти отличия представляют собой не просто те моменты, которые должны быть скорректированы, а могут быть выражением того, как принятие в семью переживается данной личностью».

Многие родители стараются слишком сильно контролировать игру или беседу в ходе игрового времени. Взрослым может быть неуютно в минуты тишины, и они преодолевают это, задавая слишком много вопросов. Для большинства родителей первые несколько недель время для игры кажется трудным, так как они не могут отказаться от своей контролирующей позиции. Гринспен считает, что если у вас есть ясные и четкие представления о том, что ваш

ребенок скажет или сделает в следующую секунду, вы, возможно, слишком директивны. Ваше игровое время должно быть наполнено догадками, когда ребенок следует в новом направлении, свежими решениями проблем, отличающимися развязками старых историй и событий. Играя, помните, что ваша роль помогающая: не задаю ли я слишком много вопросов? Не говорю ли я ребенку, что ему следует делать? Знаю ли я, что последует дальше? Если хоть на один из этих вопросов вы отвечаете утвердительно, тогда отступите немного, сдержитесь и старайтесь больше слушать.

Игровое время предполагает, что мы снижаем привычный темп и свойственную нам привычку корректировать «неверное» понимание или восприятие нашего ребенка. Это может оказаться трудным – просто расслабиться и помогать ребенку продвигаться в выбранном им направлении. Вам надо участвовать в игре без ее обсуждения. Чтобы вовлечься в игру, вы можете, к примеру, сказать: «Ты хочешь, чтобы я был кем-то из зверей в лесу?», «Что я должен делать теперь?». Вы хотите быть актером в драме, которую ставит ваш ребенок.

Родители иногда говорят: «ему неинтересно говорить или играть со мной. Он поворачивается спиной, когда я пытаюсь включиться в игру». Это может звучать обескураживающе, но любое поведение следует рассматривать как взаимодействие. Вместо того чтобы чувствовать себя выключенным, вы можете принимать предложения ребенка и вместе с ним исследовать эти темы, экспериментировать с ними, позволив себе настроиться на одну с ним волну и стать частью внутреннего мира вашего ребенка. Неструктурированная, направляемая ребенком совместная игра может оказать на него мощное влияние. Она вызывает у ребенка сильное чувство, что уважают его личность, его ценность и уникальность, а также чувство защищенности и любви, ощущение, что тебя понимают. Это позволяет ребенку узнать, что вы им интересуетесь как личностью. Игровое время предоставляет возможность ребенку проработать свои неопределенные, не до конца оформленные чувства – злость ли это, тревога, грусть или что-то еще – в атмосфере ваших теплых, любящих взаимоотношений.

Для дальнейшего ознакомления с применением игры, в которой руководит ребенок, с целью формирования у него чувства безопасности, доверия и самоуважения, см. следующие книги:

Литература

- Watkins M., Fisher S. Talking with Young Children About Adoption. 1994
 Greenspan S. Playground Politics: Understanding the Emotional Life of Your School-Age Child. Perseus Book, 1994
 Фабер Адель, Мазлиш Элейн. Как говорить, чтобы дети слушали, и как слушать, чтобы дети говорили. – М.: Эксмо, 2013.

Отношения между сиблингами в приемных семьях

По материалам статей

M.M. Mason *Sibling Issue in Adoption*,
 P.I. Johnston *Sibling Attachment*

Исследования показали, что отношения между сиблингами (братьями/сестрами) – какие бы они ни были, любящие или неприязненные – оказались наиболее продолжительными и наиболее постоянными глубокими отношениями между людьми. Эти отношения сохраняются дольше большинства дружеских связей, сохраняются после смерти родителей и создания собственных отдельных семей. Отношения с братьями или сестрами формируются в ходе общей истории жизни, глубоко коренятся в опыте с самого раннего детства и до преклонного возраста. Многие из тех, кто планирует иметь более одного ребенка в семье, принимают это решение, в частности потому, что надеются, что дети смогут оказать друг другу поддержку и опору в жизни.

Однако об отношениях между сиблингами в приемных семьях написано очень мало. Практически все традиционные центры подготовки приемных родителей сталкиваются с непростой задачей

учитывать как потребность приемных родителей чувствовать «право» на помещенных в их семью детей, так же и потребность кровных родителей чувствовать себя уверенно в этих сложных и амбивалентно поддерживаемых решениях. Такое внимание к проблемам эмоциональных переживаний взрослых не должно заслонять необходимости работы с чувством потери и сложными переживаниями самих приемных детей.

Исследователями давно выявлено, что мышление детей отличается от мышления взрослых. Об этом писали многие: Жан Пиаже, д-р Дэвид Бродзински, д-р Анна Бернштейн, Л.С. Выготский и др. Из исследовательских данных известно, что на ожиданиях взрослых по поводу отношений между их детьми отражаются годы их собственного опыта и воспитания, включая предположения, основанные на знаниях о генетике. Но было обнаружено, что для самих маленьких детей семейные отношения исключительно социальны по своей природе.

Для детей определения гораздо проще: братья и сестры – это те дети, с которыми они растут и с кем они делят родителей. Маленькие дети мыслят конкретно. Это имеет место и в семьях с приемными детьми, вне зависимости от того, скрывается этот факт или нет, и есть ли в ней сиблинги, выросшие в разных семьях. Вне зависимости от того, как взрослые пытались им это объяснить, в понимании ребенка все просто: братья и сестры – это те, с кем он живет. Брат – это парень, который *никогда* не делится своими игрушками. Сестра – это девчонка, которая *никогда* не смывает зубную пасту с раковины и *всегда* винит в этом меня и т.д.

Маленькие дети практически никогда не воспринимают своих кровных братьев или сестер, находящихся на государственном обеспечении или проживающих с кровной семьей или в другой приемной семье, в качестве сиблингов так же, как тех, с кем дети живут вместе изо дня в день. При этом не играет роли, связан ли ребенок с детьми, живущими в этом же доме, по рождению или по социальной ситуации. Хорошие друзья? Может быть. Родственные отношения, как с близкими кузинами? Возможно. Но не сиблинги!

Почему это должно вызывать удивление? Даже в наиболее открытых контактах приемных семей чувства детей к кровным маме

и папе отличаются от таковых к приемным родителям – и не всегда соответствуют ожиданиям социума по поводу отношений с родителями и чувств к ним. Часто именно общепринятое понимание слов провоцирует смущение и замешательство взрослых. Например, маленький темнокожий ребенок спрашивает про своего белокожего соседа по дому: «Это ведь мой брат?», – и не понимает, почему это удивляет окружающих. Кроме всего прочего, этот человек может быть единственным братом, которого он когда-либо знал. Старший по возрасту ребенок, которого представляют первый раз в жизни 6-летнему ребенку в качестве «брата», не будет «чувствовать» себя братом.

С возрастом дети способны все лучше понимать отношения, взаимосвязи между людьми, и гораздо больше интересуются отличиями и нюансами. Например, мы знаем, что в юности многие выросшие в приемных семьях люди активно интересуются вопросами генетики и проясняют, что это может значить для них лично. Кровные родственники ребенка могут помочь понять, почему он выглядит именно так (на кого он похож) или почему он обладает определенными склонностями к физической, интеллектуальной или артистической деятельности. Когда приемные дети вырастают и становятся подростками, они интересуются этим с большей готовностью, стараются понять и оценить свое к этому отношение, разобраться с дополнительными вопросами, в связи с существованием кровных сиблингов.

Сам факт приема детей в семью создает пары сиблингов, которым приходится в любом случае решать, что они значат друг для друга. Решение этого вопроса является для них задачей на всю жизнь. Даже не в приемных семьях этот вопрос имеет место. Сиблинги могут быть друзьями или врагами, наперсниками или чужаками друг для друга. Часто взаимоотношения незаметно перемещаются из одной модели в другую, пока сиблинги не достигнут взрослого этапа своей жизни, и их отношения не обретут стабильность.

Семьи, состоящие целиком из кровных родственников, также зачастую могут включать в себя одного или нескольких человек, которые чувствуют себя «отличающимися» от других. Конечно, поскольку дети и родители в приемных семьях имеют различные генетические предпосылки, они не могут ожидать значительного внеш-

него физического сходства. Различные «генетические корни» детей и родителей могут усложнять процесс принятия индивидуальных особенностей детей. Однако если обратить внимание на биологические семьи, где один или несколько членов семьи не совсем схожи друг с другом, то становится понятно, что индивидуальные различия вовсе не являются уникальной особенностью приемных семей.

Когда акцентирование отличий между сиблингами основывается по большей части на том факте, что кто-то из них приемный, а кто-то нет, родителям важно подкреплять веру детей в то, что любовь к ребенку не зависит от того, приемный он или рожденный в данной семье. Принадлежность к семье у всех детей одинаковая, а потребность сравнивать себя с другими людьми вполне нормальна. Откровения всех этих тем могут позволить сиблингам выразить свои опасения и тревоги.

Гораздо более проблематичными в настоящее время являются приемные семьи, в которых один приемный ребенок контактирует со своей кровной семьей, а другой – нет. Наблюдение, как брат/сестра общается с кровными родственниками, может вызвать чувство заброшенности и ненужности у того, кто не знает свою кровную семью или не имеет с ней контактов. Например, в одной из семей 4-летняя девочка была рада, что у нее появился новый маленький братик. Ей понравилась и его кровная мама, но она стала спрашивать, почему кровная мама девочки не приходит с ней повидаться. Приемные родители девочки проявили инициативу в поисках контактов с ее кровной матерью. Часто открытый прием в семью второго ребенка способствует раскрытию факта приема в семью и более старших детей, если до этого он скрывался. Не все семьи могут позволить себе нарушить конфиденциальность приема ребенка в семью. Порой установление контактов с кровными родственниками по ряду причин невозможно. Если переход от конфиденциального приема в семью к открытой семейной системе представляет собой серьезную проблему, тогда семья может решить обратиться к семейному терапевту, разбирающемуся в проблематике приемных семей.

Знание того, что кровные родители оставили других детей при себе, может значительно осложнить чувство потери, сопровождаю-

щее приемного ребенка. Ребенок может винить себя в том, что родители именно от него отказались, и злиться на сиблингов, воспитывающихся в кровной семье. В таких случаях приемным родителям следует полагаться на свой жизненный опыт и свою компетентность. Зная своего ребенка из опыта каждодневного взаимодействия с ним, основываясь на своем родительском инстинкте, они могут инициировать обсуждение чувств, которые может испытывать ребенок.

Сегодня кровные семьи и приемные семьи нередко устанавливают договоренность, которая может подразумевать постоянный контакт ребенка с кровными родственниками. Для детей в этом случае существует возможность получить из первых рук – от своих кровных родителей – информацию о том, как случилось, что они не живут в своей кровной семье. Также кровные родители могут рассказать детям, почему теперь они могут растить детей сами – в случае, когда младшие братья/сестры ребенка остались жить в кровной семье. Невыразимое преимущество открытости приемной семьи состоит в том, что ребенок может говорить непосредственно с кровными родителями о причинах принятого ими когда-то решения, о жизненных обстоятельствах, сопутствовавших этому решению, о том, как больно принимать такое решение. В наше время новые практики семейного устройства и более открытая культура предоставляют детям право задавать взрослым непростые, порой жесткие вопросы.

Не забывайте, что интегральной частью нашего жизненного пути является исследование вопроса «кто я?». Для приемного ребенка его кровные братья/сестры становятся частью этого процесса. Это – право ребенка, знать, что у него есть те или иные кровные родственники, даже если нет возможности с ними контактировать.

Хотя теоретически существует возможность близких отношений между сиблингами, которые не росли вместе, но имеют хотя бы одного общего родителя, реальность в том, что они могут быть не столь тесными, как среди детей в приемной семье. Постоянное общение предоставляет возможность сформировать привязанность, эмоционально значимые связи. Сиблинги, растущие вместе в одном доме, обладают богатым опытом и знаниями друг о друге, которые даже самая открытая приемная семья не сможет обеспечить в отношении

кровных сиблингов, живущих отдельно. Но – все возможно в сфере человеческих отношений.

Каждый ребенок мечтает о семье и заботе и жаждет быть нужным, любимым и значимым для тех, кто готов стать постоянным взрослым, сопровождающим его по жизни. Я верю в то, что родители, которые принимают близко к сердцу и постоянно применяют этот принцип – обращаться с каждым ребенком как с уникальной индивидуальностью с уникальными потребностями, – смогут наладить отношения с детьми наилучшим образом. Несмотря на различия, многие сиблинги в приемных семьях становятся лучшими друзьями.

Обращайтесь с каждым ребенком как с неповторимой индивидуальностью. Например, не стоит решать вопрос родительского отношения к детям, делая все вещи одинаковыми. Так же, как нет двух одинаковых взрослых и двух одинаковых пар кровных родителей, и их окружение различно, – нет и двух одинаковых детей, и нельзя ожидать у них одинаковых чувств в связи с попаданием в приемную семью. Некоторые дети удивляются, некоторые нет. Некоторым детям нравится расширенный состав семьи, в связи с открытой системой семьи и общением с кровными родственниками, некоторым детям – нет. Некоторые выросшие в «закрытых» приемных семьях люди ищут впоследствии своих кровных родственников, а некоторые нет. Что детям действительно нужно, так это знать, что вы как их родители находитесь «на их стороне», готовы им помочь, помочь в реализации их потребностей.

Делайте все, что можете, для создания чувства общности, поддерживаемой семейной культурой. Ненавязчивое поддержание традиций, касающихся отдыха, семейных ритуалов в связи с приемом пищи и отходом ко сну, любимая еда и семейные рецепты, книги, песни, игры, повторные визиты в любимые места – все это способствует формированию у каждого ребенка чувства «мы» как семейного единства.

Замечать и поддерживать то, в чем дети, отличающиеся по возрасту и полу, обнаруживают единство, что им нравится делать вместе. Важно делать это и в том случае, когда вы обнаруживаете, что интересы ваших детей могут быть не слишком близки вам, но они вносят свой вклад в их чувство общности в качестве единого поколения.

Будьте реалистичны в ожиданиях касательно отношений между сиблингами. Вы всегда ладили со братом или сестрой? Вы охотно делили друзей с ровесницей-сестрой? Это не так уж несвойственно сиблингам – быть в близких отношениях, пока они маленькие, а потом все более дистанцироваться, вплоть до взаимной неприязненной конкуренции по ходу взросления. Однако затем они нередко заново открывают друг друга в качестве взрослых, сложившихся личностей.

Каждый из нас забирает с собой во взрослую жизнь общую основу семьи, включающую семейный опыт, дающий чувство семьи. Когда мы уходим, это – то, что мы хотели бы оставить нашим детям: воспоминания и ценности, которые дадут им опору в потоке жизни. Сиблинги – это братья и сестры, разделяющие эти основы.

Прием новых детей в семью: как говорить об этом с детьми дома? *Интервью с S.K. Roszia* *Talking to the Other Children In the Home*

– Если семья планирует взять еще одного ребенка (или нескольких), то когда стоит начать готовить к этому детей, уже находящихся в семье?

Главное в разговоре с детьми – это честность. Будучи взрослыми людьми, мы должны следить за своей речью и быть уверенными, что говорим именно то, что имеем в виду, и то, что является правдой. Маленькие дети воспринимают слова очень конкретно. Мы не можем говорить про прием других детей в семью, как про что-то, на что мы надеемся, что еще только может случиться, но точно неизвестно... Мы всегда должны находиться в настоящем! Первый шаг – это четкий анализ происходящего для себя самих. После этого важно начать планировать, как обсудить это со своим ребенком (с детьми). При этом следует учитывать как возраст ребенка, с которым вы собираетесь говорить, так и то, является ли он сам приемным.

– *Есть ли у Вас конкретные предложения того, что могут сказать родители детям о предстоящем приеме других детей в семью?*

Очень маленьких детей вы можете просто готовить к тому, что еще один малыш (ребенок) будет спать здесь же, в вашем доме. Даже с шести- или восьмилетними детьми родители должны быть очень осторожными при обсуждении возможности того, что этот ребенок будет для них долгожданным сиблингом. Я рекомендую говорить детям, что вы «планируете заботиться о ребенке» и не более, чтобы у детей не возникало ощущения, что они должны сразу же полюбить нового члена семьи как брата (сестру). Также это предотвратит возникновение у них чувства вины, если все будет происходить несколько иначе, чем представляли себе и озвучивали вслух родители.

Родители могут говорить про прием нового ребенка в семью в контексте того, что о нем они начали думать об этом задолго до того, как это произошло на самом деле. Объяснять своим детям, что это событие важно и для них самих, и для ребенка. Я считаю, что важно делать акцент на подготовке семьи к приему, чем обсуждать в деталях, когда, как и кто решит поместить младенца (ребенка) в вашу семью. Иначе существует опасность, что ваши дети будут считать себя ответственными за долгое ожидание или изменение в планах помещения ребенка в семью.

Если вы знакомы с кровными родителями ребенка, то можете сказать что-то похожее на следующий текст: «Меня (нас) представили женщине по имени (...), которая в данный момент беременна. Она принимает сейчас очень важное решение о том, сможет ли она растить своего ребенка сама. Мы познакомимся с ней, узнаем друг друга. После рождения ребенка она посмотрит своему младенцу в глаза и окончательно решит, что лучше для ее ребенка»¹. Все время

¹ Подобные ситуации более характерны для зарубежных стран, чем для России, и могут показаться непривычными для российских читателей: когда потенциальная приемная семья общается с кровной мамой, которая еще только решает (во время беременности или сразу после родов), будет ли она растить своего ребенка сама или отдаст его на усыновление. *Прим. перев.*

подчеркивайте, что решение, принятое ею, будет лучшим для ребенка, тем самым делая ясным, что этот выбор не имеет ничего общего с вами, родителями, или ребенком (детьми), находящимися в семье. «Все знают, что мы хорошая семья. Это — действительно сложное решение для ... (имя кровной мамы), и она должна быть уверена в том, что будет правильно для ее ребенка». Дети часто склонны примерять на себя все то, о чем вы с ними говорите. Разговор на подобные темы с кровными детьми позволит поговорить об их рождении и вашей уверенности, что вы хотите и способны быть им родителями, воспитывать и растить их. С приемными детьми — это возможность вспомнить об их кровной семье, вашем знакомстве с ними, если таковое было, или о том, что известно об их кровных родителях, и почему они не смогли растить их сами и решили поместить детей на воспитание в другую семью.

Это также — возможность для семей поговорить о помощи другим людям как о том, что важно и правильно делать в жизни. Акцентируйте в разговоре с ребенком, что все, что вы делаете для кровных родителей, делается добровольно, вне зависимости от того, поместят ли они ребенка в вашу семью или нет. «Наша задача быть внимательными с ... (имя кровной мамы), помочь ей, пока она решает, что лучше для нее самой». В любом случае, приемные родители не должны говорить с остальными детьми про прием в семью еще одного ребенка (детей) как про несомненный факт до того момента, когда они будут абсолютно в этом уверены.

– *Как быть в ситуации, когда ребенок уже родился и попадает в приемную семью из больницы или из учреждения?*

Я считаю, что дети должны быть подготовлены к тому, что многие люди будут испытывать очень сильные чувства в это время, — как сама приемная семья и ребенок, так и кровная семья ребенка. В частности, исключительно важно говорить о чувстве горя и объяснять, что кровная мама находилась какое-то время с ребенком и будет чувствовать грусть, если ребенок не будет с ней жить. Очень важно обсуждать это, даже если ребенок, придя в приемную семью,

не обязательно навсегда остается с вами¹. Также в это время надо поговорить о том, что есть общего различного между кровными и приемными детьми.

Я верю в необходимость объяснения серьезности и важности принимаемого кровными родителями решения, даже если вы не были с ними знакомы и не знаете подробностей. Даже очень маленькие дети могут понять, что это что-то сложное – принимать серьезные решения. Со старшими детьми можно обсудить также возможные причины, по которым кровные родители могут решить не воспитывать детей сами, или, наоборот, все-таки растить его, стараясь самостоятельно справляться с трудностями.

– Когда мы окончательно говорим нашим детям, что этот новый ребенок теперь их брат или сестра?

Когда кровная мама или папа отказались от своих родительских прав (или были их лишены), тогда вы можете сказать, что это тот день, когда было принято действительно важное решение. «Теперь мы навсегда стали одной семьей». Я полагаю важным включение детей в обсуждение того, что окончательное решение будет приниматься судьей (или опекой), так как это подчеркивает всю серьезность и важность процесса приема ребенка в семью. Социальный работник должен быть представлен как профессионал, который сможет объяснить судье, что «мы хорошая семья».

Если у вас есть некоторые сомнения в том, что устройство ребенка в вашу семью будет постоянным, то я не рекомендую говорить своим детям, что этот новый ребенок действительно их брат или сестра, пока эти сомнения не развеются. Вместо этого вы можете говорить о том, какое это счастье – каждый день, проведенный ребенком в вашей семье. Не следует говорить, что этот ребенок в вашей семье навсегда, пока вам это достоверно не известно!

¹ Имеются в виду случаи временного устройства ребенка в замещающую семью, когда кровной семье помогают решить какие-то жизненные трудности, а затем ребенок возвращается к ним обратно. *Прим. перев.*

– Как быть, если мы принимаем ребенка в семью, но у нас нет контактов с кровной семьей, или мы очень мало о ней знаем, или вообще не имеем никакой информации?

Дети все равно нуждаются в подготовке к этому событию, и мы по-прежнему должны быть точными и осторожными, не путать реальную действительность с желаемым результатом. Обсуждение прихода нового ребенка в семью остается тем же, за исключением того, что мы не знаем подробностей. Мы не будем честными с детьми, если не обсудим роли всех членов семьи при приеме нового ребенка: задача детей, живущих в семье, заключается в том, чтобы «быть самими собой». Задача приемных родителей быть готовыми к приему ребенка, нуждающегося в заботе, в свою семью. Задача кровных родителей – принять решение о том, что лучше для их ребенка. Задача судьи – решить, где останется жить ребенок.

Если дети подробно не информированы обо всех этих ролях людей, участвующих в помещении ребенка в приемную семью, для них это может стать катастрофическим, так как они часто боятся, что те или иные события происходят по их вине и от них зависят. Детям свойственна позиция принятия ответственности на себя. Родители должны помочь детям понять, что в некоторых случаях это не соответствует ситуации.

– Что, если приемный ребенок уже находится у нас, а кровные родители (родитель) меняют свое решение и забирают ребенка обратно?

Если вы аккуратно и достоверно преподносили информацию, тогда приемный ребенок по меньшей мере готов к такой возможности и не чувствует себя обманутым, не становится недоверчивым к вам и вашим словам. Горе и печаль будут при этом присутствовать, и в данном случае они приемлемы и соответствуют ситуации. Мы всегда горюем, теряя людей, которых мы любим, или лишаясь возможности с ними видиться. Если мы невнимательны к информации и важным подробностям, тогда приемные родители часто чувствуют злость на кровных родителей и саму систему, обман с их стороны. Эта злость может привести к тому, что сам приемный ребенок также

может стать агрессивным, отражая чувства приемных родителей. Также это может привести к глубокому эмоциональному участию приемных родителей в судьбе ребенка, на которую они влиять уже не могут, и к волнению за благополучие и безопасность ребенка, ушедшего обратно в кровную семью. Серьезное отношение к процессу приема в семью, разговор об этом с детьми не уменьшает горе потери, если приходится расставаться, но часто позволяет семье и детям переживать горе более открыто и честно, с меньшей злостью и страхом. Если вы открываете свое сердце чувствам, тогда там рождается боль, если кто-то значимый для вас уходит.

Разговор с подростком о том, что он приемный

Randolph W. Severson. *Talking to Your Adopted Adolescent about Adoption*

Приступая к разговору с подростком про то, что он приемный ребенок в семье, самое главное, помнить, что воспитание приемных детей относится к области обычного человеческого опыта. Приемные дети и приемные родители отличаются друг от друга, но они не являются различными во всем. Подход к членам приемной семьи как к полностью не похожим между собой людям, противопоставление их «обычным» семьям является заблуждением.

Размышлениям о том, как начать разговор с подростком про его прием в семью, может помочь проведение аналогии с разговором про секс. Точно так же, как для родителей никогда не бывает просто говорить со своим сыном или дочерью про сексуальные отношения, так же никогда не бывает просто говорить про то, что он или она приемный ребенок в семье. Касательно обеих этих тем родители часто надеются, что они смогут спланировать некое особое время для общения со своим ребенком, когда, сидя друг напротив друга за кухонным столом, они будут рассуждать и делиться мыслями друг

с другом в полном взаимопонимании и любви. Однако этим мечтам чаще всего не суждено сбыться. Подростки по-другому смотрят на все это. Последние люди, которых они хотят долго выслушивать или со стороны кого жаждут серьезного принятия и внимательного отношения к своим словам, – это их родители. Иногда моменты открытости и разговоров по душам с родителями имеют место, например, во время долгой поездки куда-то, или поздно ночью, когда подросток только вернулся домой и, возможно, чувствует себя немного одиноким. Однако эти моменты так непредсказуемы и спорадичны, что родители не могут на них полагаться, собираясь поднять серьезные и важные темы.

Так же, как важна тема сексуальных отношений, – настолько важна, что ни один ответственный родитель никогда не перестает о ней говорить, предостерегать и информировать своего ребенка, – столь же важна тема приема в семью. И это то, что ответственные родители никогда не должны помещать в зону «просто мы никогда не говорим об этом много, потому что он никогда сам не заводит разговор» или «потому что он не выказывает к этому интереса».

Итак, как вы начнете говорить с подростком про то, что он приемный, какие слова вы подберете? Во-первых, родители должны быть в принципе подготовлены к такому разговору, хотя невозможно быть стопроцентно психологически готовым к событиям, которые столь непредсказуемы. Родители должны суметь соответствующим образом отреагировать в том случае, если возникнут те редкие моменты, когда их подростки «открываются», приоткрывая немного сердце и душу, показывая свои опасения, смутнение и ранимость.

Во-вторых, родители должны с самого начала создать «библиотеку книг на тему приема в семью», которая была бы легко доступна на их сыну или дочери. Эта «библиотека» не должна быть ограничена книгами, передающими тот смысл приема детей в семью, который в него вкладывают сами родители. Тот факт, что ребенок в семье приемный, может иметь самый разный смысл и значение для самого подростка в ходе всей его жизни. Этому могут сопутствовать не всегда понятные мрачные, болезненные чувства, мысли, полные ярости, гнева и скорби. Книжки, отражающие эти аспекты, не должны

быть исключены из библиотеки по причине того, что они слишком болезненные или «необъективны и предвзяты» к тому, что такое быть приемным ребенком.

В-третьих, родители должны время от времени «думать вслух», находясь рядом со своими детьми-подростками по дороге в магазин или работая в гараже, смотря телевизор или во время совместной трапезы. Простым началом, вступлением, может быть упоминание о каком-то телевизионном шоу или статье, а затем описание вызванных ими идей и чувств, разбуженных воспоминаний. В таких беседах дело порой не столько в совместном разговоре, сколько в сообщении информации, в которой подростки могут нуждаться или которая может им помочь.

В ответ на вопрос: «Что именно вы бы сообщили приемному подростку?» – я бы ответила, что, с моей точки зрения, ответ – ВСЕ. Приемные люди имеют право услышать обо всех фактах, узнать всю информацию, касающуюся их жизни, их личной истории. Другими словами, любой человек заслуживает того, чтобы знать свою собственную историю. Если по каким-либо причинам полная история не была рассказана в детстве, она должна быть рассказана в подростковом возрасте. Факты всегда лучше фантазий, поскольку какими бы они ни были – тревожащими или даже болезненными – они могут быть замещены еще более разрушительной фантазией.

Но одних фактов никогда не бывает достаточно. Сами по себе голые факты не создают истории. История включает эмоции, образы, мечты, чувства, едва различимые и переменчивые, неуловимые, как туман. Более того, значение и важность событий меняются, когда они переживаются или рассматриваются по-новому, исходя из изменений нашей личной жизненной драмы и ситуации.

По моему опыту, аспекты истории жизни, более всего занимающие приемных подростков, касаются сексуальной сферы, внешности и отношений с другими людьми. Они надеются получить ответ на два фундаментальных вопроса, которые они редко задают и в которых часто не признаются даже самим себе.

Первый важный вопрос для приемных подростков заключается в следующем: что говорит об их кровных родителях, а вследствие

этого и о них самих, знание того, что у кровных родителей был добрачный или «безответственный» секс?

Второе: как выглядели их родители? Были ли они привлекательны, и выглядит ли сам ребенок похожим на них?

Если обратиться к первому вопросу, то, консультируя людей, выросших в приемных семьях, я всегда стараюсь найти способ донести свой собственный взгляд на то, почему люди, особенно молодые, вступают иногда в сексуальные отношения, хотя это может не соответствовать их чувствам и ценностям. Частично причиной того, что многие молодые люди и девушки проявляют свою сексуальную активность таким образом, что потом они об этом сожалеют, является попытка добиться самоутверждения. Они хотят верить, что они значимы для кого-то, что кто-то заботится о них и ухаживает за ними. Для женщин важен часто не секс сам по себе, но близость, нежность, значимость для другого человека. Мужчины нередко высказывают ту же идею, хотя они, в особенности молодые люди, часто находят в сексе чувство завоевания и покорения. Это – нормальные мужские амбиции, но выглядящие очевидно безнравственными, если достигаются за счет использования другого человека.

С другой стороны, в настоящее время многочисленная критика занята оценкой каждой социальной проблемы с точки зрения ее «противозаконности». В соответствии с этим, незамужняя мать рассматривается как «имеющая детей, чтобы получать лучшее социальное обеспечение». Я думаю, важно, чтобы люди, воспитанные в приемных семьях, получали представление о различных точках зрения на этот счет.

На вопрос: «Почему моя мама забеременела и что это говорит обо мне?» – можно ответить следующим образом: «Это значит, что твои родители были людьми, так же, как и ты. Быть человеком означает быть порой уязвимым, нуждающимся в поддержке и импульсивным в своих поступках, но быть человеком – это всегда быть достойным любви и уважения».

Второй вопрос касается темы внешности. Формирование образа тела и его успешная интеграция в положительный «образ Я» является важным элементом в ходе развития человека. Результатом

этого процесса является подсознательное ощущение комфорта, вера в себя при общении с другими людьми.

У детей, воспитывающихся в кровных семьях, более ровному и быстрому протеканию этого процесса способствует знание того, что они выглядят похожими на близких им людей, – маму, папу, других кровных родственников. Тем более что в младенчестве и в ранние годы жизни близкие люди кажутся самыми красивыми и замечательными людьми на Земле, сияющим центром космоса. Хотя сознательное мнение ребенка на этот счет может становиться с возрастом все более реалистичным, он или она продолжают неосознанно придерживаться этой веры.

Для приемных людей ситуация иная. Так как они не обязательно чувствуют свое сходство с теми, кем они восхищаются и кого любят, процесс формирования образа тела и его интеграция порой терпит неудачу.

Если прием в семью не скрывается и имеются в наличии фотографии кровных родителей, то приемный родитель может «благословить» и поддерживать положительный образ тела и, соответственно, принятия ребенком себя. Приемные родители могут замечать и комментировать внешнюю привлекательность кровных родителей и сходство между ними и ребенком. Если в приемной семье нет информации о кровных родителях, приемные родители могут, тем не менее, положительно комментировать внешний вид ребенка. Например, можно делать предположения, что, возможно, у кровных родителей также имеются эти черты. Можно указывать на конкретные черты – глаза, цвет волос, цвет кожи, телосложение и так далее – как особенно привлекательные. Например: «Мне кажется, что у твоей мамы особенно красивые глаза, такие же, как и у тебя», – или «Твои волосы действительно красивы. Держу пари, они достались тебе от твоей мамы».

Третья проблема, которую мне хотелось бы затронуть, несколько отличается от остальных и связана с отношениями подростка с другими людьми. Я не думаю, что многие люди, выросшие в приемных семьях, сознательно или бессознательно замечают, как их текущие взаимоотношения могут отражать их чувства, связанные с

кровными родителями. Но факт заключается в том, что порой это все же оказывает влияние. Например, у многих приемных подростков отмечается тяготение к «запрещенным», «противозаконным» отношениям, людям, или группам сверстников. В семейной терапии родители приемных подростков жалуются, что «они не знают, откуда все эти компании взялись», или они не понимают, «что может быть привлекательного в этих людях для их детей». С другой стороны, это очарование «запретной» стороной опыта присутствует в жизни едва ли не каждого молодого человека в то или иное время, но у приемных подростков оно часто особенно интенсивно.

Итак, консультируя людей, выросших в приемных семьях, я говорю немного о «переносе» и отношениях между людьми и интересуюсь, не думает ли клиент, что какие-то сложившиеся в его жизни отношения или выбранные им компании могут быть как-то связаны с приемными или кровными родителями. Ответом является почти всегда «Нет!», но семена уже брошены, и последующий разговор («Что тебе нравится в парне/мужчине или девушке/женщине?») может извлечь на свет цепочку дальнейших взаимосвязей и озарений.

Родители могут делать то же самое для своих приемных детей, добавляя комментарии о «фигуре матери» и «фигуре отца» и делясь своим собственным опытом отношений с другими людьми, а также догадками относительно того, почему конкретные отношения сложились или нет. Важно при этом не то, отвечает ли или соглашается со сказанным подросток, а то, что он или она слышит это. Человеческая психика представляет собой что-то вроде исключительного, экстраординарного «вечного студента», добавляющего и ассимилирующего каждый новый факт, каждый кусочек информации в поиске правды, длящемся всю жизнь.

В данной статье представлены всего лишь некоторые соображения о том, как говорить с подростком про то, что он приемный ребенок в семье. Я не считаю, что разговор о «приеме в семью» является важнейшей и основной проблемой. Скорее я полагаю, что статус молодого человека или девушки как приемных будет время от времени влиять на их жизнь, давать определенный поворот в ходе их взрос-

ления. Компетентность в вопросах, касающихся данной темы, и умение обходиться с ней соответствующим образом – это тот подарок, который приемные родители могут преподнести своему ребенку.

Приемные дети школьного возраста: привязанность к семье

David Brodzinsky

Attachment and the School Age Child

Формирование надежной привязанности является краеугольным камнем здоровой психологической адаптации ребенка. На первом году жизни формируется привязанность ребенка к его родителям, хотя в ходе дальнейшего роста и развития складываются эмоциональные связи, включающие сиблингов, членов расширенной семьи, сверстников, учителей и т.д. Надежная привязанность обеспечивает ребенку чувство защищенности, доверия к миру, позволяя активно исследовать окружающий его физический и социальный мир. В то же время стабильные отношения являются для детей тем ресурсом, который всегда позволит им получить защиту и утешение, эмоционально восстановиться во время стрессовых ситуаций. В исследованиях было выявлено, что маленькие дети с более надежной привязанностью к заботящимся о них взрослым демонстрировали успешную социальную и эмоциональную адаптацию не только в детском возрасте, но и в дальнейшей жизни. Так, дети с безопасной привязанностью оказались более эмпатичными, способными к компромиссам и с более развитыми социальными навыками в дошкольном и младшем школьном возрасте, в сопоставлении с их ровесниками с опытом менее безопасной привязанности. Также они отличались более позитивной самооценкой и демонстрировали меньше поведенческих и эмоциональных трудностей. Существуют факты, свидетельствующие о том, что качество ранних отношений привязанности

влияет на модели адаптации во взрослом возрасте, в том числе и на способы воспитания своих собственных детей.

Психологи считают, что успешные или, напротив, неудачные ранние отношения привязанности оказывают воздействие на представления детей о том, чего можно ожидать от окружающих людей. В свою очередь, эта «внутренняя рабочая модель», или представления об отношениях, влияет на способ взаимодействия ребенка с другими и на то, как он сам оценивает себя. Дети с опытом надежной привязанности воспринимают окружающий мир как в целом безопасное место, а других людей как источник заботы и поддержки. Они также склонны воспринимать себя как достойных внимания. Напротив, дети, не имеющие опыта надежной привязанности, чаще воспринимают мир как непредсказуемый и опасный, окружающих как недоступных для контакта, равнодушных или грубых, а самих себя как не стоящих внимания и любви.

Приемные дети так же, как и их сверстники, живущие в кровных семьях, формируют привязанность к заботящимся о них людям и находятся под сильным влиянием качества отношений, складывавшихся в их жизни с окружающими людьми. Исследования лаборатории при Университете Рутгерса подтвердили это для детей-дошкольников, помещенных в приемные семьи: уровень безопасности и защищенности в парах мать-ребенок был достаточно высоким, и он коррелировал с качеством психологической адаптации в этот период.

Когда приемный ребенок поступает в школу, другой компонент в системе его привязанностей приобретает больший вес и становится значимым для адаптации – это наличие или отсутствие ощущения своей связи с кровной семьей и то, как воспринимается сама кровная семья. В дошкольные годы, когда большинство детей впервые разговаривают с приемными родителями о том, как они попали в семью, они мало осознают, что означает этот семейный статус. Дети могут говорить о себе как о приемных, рассуждать о том, что они родились у других родителей, но их способность понять смысл того, что подразумевается под этими словами, ограничена вследствие их когнитивной незрелости. Вступление в школьный возраст приносит с собой существенные изменения в их способности рассуждать об

окружающем мире, осмыслять происходящее вокруг них и с ними самими – включая и тот факт, что они приемные дети. Эти изменения имеют далеко идущие последствия для восприятия детьми своего статуса приемных в семье, своих кровных родителей и самих себя.

Поступая в начальную школу, дети приобретают опыт в разрешении проблем и принятии самостоятельных решений. Этому способствуют развитие логического мышления и растущая восприимчивость к точке зрения других людей. Приемные дети школьного возраста, обращаясь к информации о своем приходе в семью (особенно о том, что касается отказа от них их кровной семьей!), теперь менее склонны автоматически принимать на веру объяснения, предлагаемые их приемными родителями. Вместо этого они часто спрашивают, почему их кровные родители не приняли альтернативные решения. «Если моя мама была бедная», – может спросить ребенок, – «то почему она не пошла работать?». «Почему вы [приемные родители] не могли дать ей денег, чтобы я мог с ней остаться?» «Если она была совсем одна, и никого не было, кто бы мог ей помочь, то почему она не вышла замуж или не стала жить со своей мамой, чтобы я остался с ними?». «Если она не знала, как заботиться о маленьком ребенке, почему никто не мог научить ее?». Эти простые решения сложных проблем, с которыми сталкивались кровные родители, представляют собой попытки ребенка понять случившееся, разобраться со сложными чувствами, возникающими в связи с вопросом о его происхождении и решением кровных родителей не воспитывать ребенка самим.

Другим фактором, влияющим на адаптацию ребенка к тому, что он приемный, является то, как он понимает сам термин «семья». Когда дети становятся школьниками, их представление о том, что представляет собой «семья», развивается, претерпевая серьезные изменения, что, в свою очередь, усложняет их чувства в связи с тем, что они приемные дети. Так, до 6–7-летнего возраста большинство детей определяют семью главным образом с точки зрения географических критериев и отношений привязанности. Другими словами, члены семьи – это те люди, с которыми ты живешь и разделяешь чувство взаимной любви. В этом возрасте практически не представ-

лена оценка кровных связей как критерия членства в семье. Ближе к 7–8-летнему возрасту, напротив, дети начинают узнавать, что семьи обычно определяются в терминах биологического родства. Осознавая, что они не связаны с приемными родителями по рождению, но что где-то существуют их кровные родители, многие школьники начинают проявлять выраженное любопытство относительно своих кровных родителей и своего отношения к ним. «Как они выглядят и где они живут?», – может спросить ребенок. – «Есть ли у них другие дети... Могу я с ними встретиться?». И это только малая часть вопросов, возникающих, когда дети начинают исследовать свое отношение к кровной семье в этом возрасте.

Все увеличивающиеся возможности ребенка логически рассуждать сказываются на его отношении к своему статусу приемного ребенка в семье. Он становится более внимательным к вопросу о том, почему он не остался в кровной семье. Обычно самые первые попытки обсудить тему прихода в семью с ребенком дошкольного возраста фокусируются на том, при каких обстоятельствах и как приемные родители взяли ребенка в семью. С маленькими детьми мало обсуждаются детали касательно самой кровной семьи и тех обстоятельств, из-за которых ребенок не смог в ней остаться. Когда у детей активно начинает развиваться способность логически рассуждать – в возрасте 6–7 лет, – они спонтанно начинают понимать, что для того, чтобы быть «выбранными» приемными родителями, они сначала должны были быть «отданы» кем-то еще – а именно, кровными родителями. Теперь дети начинают рассматривать прием в семью не только в положительном свете как момент возникновения семьи, но и с точки зрения потери кровной семьи. Этот опыт боли и потери, который начинает осознаваться, часто приводит к росту адаптационных проблем у приемных детей.

Стараясь разобраться в истории своей жизни (отделении от кровной семьи и помещении в приемную), понять ее и справиться с этим стрессом, дети начинают выстраивать для себя на интеллектуальном и эмоциональном уровнях связь со своими кровными родителями. Полные фактов и фантазий, надежд и разочарований, веры и предположений, внутренние представления ребенка о своих кровных

родителях и их отношении к нему часто помещаются в центр его пристального внимания и требуют значительных эмоциональных затрат в этот возрастной период. Хотя связь с кровными родителями, возможно, находится только на уровне фантазий, что особенно характерно для детей, рано помещенных в приемную семью и не имеющих реальных воспоминаний, этот этап, тем не менее, крайне важен для эмоционального благополучия ребенка, его самовосприятия. Приемные дети школьного возраста демонстрируют широкий спектр эмоциональных реакций в ходе адаптации к приемной семье: некоторые не проявляют выраженных трудностей, у них формируется позитивное самовосприятие и адекватная самооценка, они воспринимают свой опыт нахождения в приемной семье главным образом положительно. У других выявляются значительные адаптационные сложности, такие как заниженная самооценка, они могут переживать смутение, боль и злость в связи с их помещением в приемную семью.

Хотя на адаптацию влияет множество факторов, история помещения ребенка в семью, история формирования привязанностей в его жизни и то, как ребенок воспринимает своих кровных родителей и обстоятельства, при которых он оказался вне кровной семьи, являются ключевыми компонентами этого процесса в школьном возрасте. Когда у детей есть история достаточно надежных отношений с приемными родителями, сиблингами, членами расширенной семьи и другими людьми, это способствует формированию у них более оптимистичного и позитивного взгляда на мир, поддерживает чувство контроля над своей жизнью и помогает формированию более эффективных копинг-стратегий. Напротив, опыт ненадежной привязанности рождает более пессимистичный взгляд на мир и подрывает возможности психологической адаптации. Когда у приемного ребенка преобладает положительный взгляд на кровную семью и когда он чувствует свою связь с ней, процессы адаптации и эмоциональная регуляция у него заметно улучшаются. Если кровные родители воспринимаются исключительно в негативном свете, или у ребенка есть определенные трудности с принятием своего отношения к ним, эмоциональное благополучие находится под угрозой.

Родители приемных детей играют важную роль в этот период, помогая им с преодолением трудностей в период осознания истории своей жизни, факта отрыва от кровной семьи и помещения в приемную. Приемные родители могут предоставить своим детям возможность и свободу исследовать свои чувства к кровным родителям, и, может быть, сформировать с ними эмоциональную связь, создавая в кругу семьи открытую, свободную атмосферу, где спокойно и честно обсуждается тема принятия ребенка в семью. Такое отношение важно для ребенка еще и потому, что дает ему подтверждение нормальности всего, происходившего с ним в жизни, что такое случается иногда с детьми, и что в этом нет его вины. Наконец, в силу значимости кровной семьи для эмоционального благополучия ребенка, чрезвычайно важно помочь ему найти то позитивное в его происхождении, что могло бы стать для него опорой, и помочь сформулировать и понять причины, по которым он оказался вне кровной семьи. Эти темы часто трудны для приемных родителей по причине недостатка информации о прошлом ребенка. Кроме того, имеющаяся информация часто непроста, с ней трудно иметь дело, и она может входить в противоречие с системой ценностей приемных родителей. Хотя в этой ситуации не существует простых и однозначных ответов, очень важно помочь детям чувствовать себя позитивно, или хотя бы комфортно, когда они касаются темы своего происхождения. Эмоциональное благополучие ребенка тесно связано с его самовосприятием и самооценкой. В свою очередь, самооценка опирается на опыт ребенка и его отношения с окружающими. На приемных детей оказывают влияние не только отношения с их приемной семьей, но и их связь – даже только на уровне фантазий – с их биологической семьей. Если сформулировать кратко, то для приемных детей, чтобы чувствовать себя значимыми и стоящими внимания людьми, необходимо чувствовать связь со своими корнями и знать, что в их биологической семье было хоть что-то хорошее, на что они могут опереться. Ответственность приемных родителей и помогающих специалистов заключается в помощи приемным детям достичь этой цели: чувствовать эмоциональную связь и свою включенность как в приемную, так и в кровную семью.

«Книга жизни»

Vera Fahlberg

The Life Story Book

Каждый человек имеет право на свою историю

Очень трудно расти и становиться психологически здоровым взрослым человеком без какого-либо представления об истории своей жизни. Традиционно семья является хранилищем знаний о жизни ребенка. Дети, сепарированные от семей, в которых они родились, не обладают ежедневным доступом к источнику информации об их личной истории. Вследствие этого им труднее развить стабильное ощущение своего «я» и понять, как прошлое влияет на их настоящее поведение. Без этого знания им сложнее осуществлять осознанные выборы и брать на себя ответственность за свои поступки.

По всем указанным причинам мы полагаем, что у каждого ребенка должна быть своя «Книга жизни». Никогда не рано и никогда не поздно начать ее делать вместе с самим ребенком.

«Книга жизни» предназначена для того, чтобы дать ребенку возможность понять важные события прошлого, столкнуться с чувствами по отношению к этим событиям и стать более вовлеченными в планирование своей будущей жизни. Зачастую первым шагом становится прояснение того, как сам себя воспринимает ребенок, как он понимает свою жизненную ситуацию. Это означает внимательное прислушивание к тому, как ребенок говорит на эти темы. Пока это не сделано, не будет понятно, надо ли предоставить ребенку более подробную информацию или же корректировать уже имеющиеся представления. Каждый раз, читая «Книгу жизни», ребенок воспринимает информацию немного иначе, в соответствии с уровнем интеллектуального развития и психологических потребностей на данный момент времени. Послание, которое мы стараемся передать ребенку, выслушивая его и помогая создавать его историю, – «Ты важен. Твои мысли и чувства важны» (Ryan, 1985).

«Книга жизни» может:

- внести хронологию в жизнь ребенка;
- повысить самооценку и способствовать формированию идентичности;
- помочь ребенку поделиться своей историей с окружающими людьми;
- поддержать в разрешении проблем сепарации;
- установить связи между прошлым, настоящим и будущим;
- поддержать отношения привязанности;
- повысить доверие к взрослым;
- помочь ребенку распознать и разобраться с сильными эмоциями, связанными с прошлыми событиями жизни;
- отделить реальность от фантазий;
- установить как позитивную, так и негативную информацию, касающуюся его кровной семьи.

О чем идет речь в «Книге жизни»?

«Книга жизни» – это рассказ о жизни ребенка, переданный словами, картинками, фотографиями и документами. В каждой «Книге жизни» должны быть упомянуты кровные родители ребенка. Фраза «у нас нет информации о твоём кровном папе» хотя бы дает понять, что он реально существует и что приемлемо говорить о нём.

Детям приятно иметь информацию о своём рождении, включая данные о том, сколько они весили, какого роста были, в какой день недели родились и в каком роддоме. Обязательно надо включить младенческую фотографию ребенка, если таковая имеется. В некоторых роддомах или домах ребенка могут сохраниться младенческие фотографии, и тогда их можно найти. Проблемы со здоровьем или отклонения в развитии, обнаруженные при рождении, также должны быть отмечены.

Каждая Книга должна включать объяснение, почему и как ребенок оказался вне кровной семьи и попал в приемную семью. Взрослые часто скрывают подробности и причины помещения ребенка

в учреждение. Это уклонение от сложной, болезненной темы может провоцировать последующие многолетние проблемы. Взрослые колеблются, надо ли делиться информацией о прошлом ребенка, подумывая, что для самого ребенка слишком трудно будет пережить это. Но ведь что бы ни случилось в прошлом, ребенок уже прошел через все это и выжил. Он уже продемонстрировал свою способность к совладанию с трудностями.

Факты могут быть представлены ребенку таким образом, чтобы помочь ему осознать и принять свое прошлое, благодаря чему возможно повышение самооценки и чувства собственной значимости. С опытом взрослые могут научиться под иным углом зрения смотреть даже на негативные факты прошлого жизненного опыта, видя в них позитивные намерения, которые не удалось осуществить. Информация должна представляться ребенку словами, доступными для его понимания.

В «Книге жизни» обязательно должны присутствовать фотографии кровных родителей, если они имеются. С фотографий, имеющих в единственном экземпляре, необходимо снять копии, чтобы поместить их в Книгу, а оригиналы хранить где-то в надежном месте. Информация о родителях и сиблингах (родных братьях и сестрах) должна быть собрана настолько быстро и полно, насколько это возможно. Если имеется генограмма (генеалогическое древо) кровной семьи, то копия также должна быть включена в «Книгу жизни».

Большинство маленьких детей порой совершают те или иные поступки, расстраивающие родителей, однако позже это поведение воспринимается семьей в качестве забавного и курьезного. Они ложатся в основу семейных историй. Обсуждение этих историй дает подтверждение ребенку, что он может и будет меняться в течение жизни. Хотя часто не сохраняется фотографий подобных происшествий, нередко воспоминания вызывают яркие визуальные образы. Например, ребенок умудряется дважды за день испачкаться в грязи с головы до ног, когда мама пытается одеть его, чтобы идти на праздник. Такие случаи уникальны для каждого ребенка и обычно вызывают смех у самих детей, когда те перерастают это поведение.

Конкретные примеры и свидетельства возможности изменений должны присутствовать в «Книге жизни».

Источники информации

Члены кровной семьи являются возможным источником получения детских фотографий ребенка, воспоминаний о его раннем детстве, а также другой многообразной информации, если ребенок жил там какое-то время. В этом случае послание к кровным родителям заключается в том, что им есть чем поделиться с ребенком, даже если они не растят его. Просьба приемных родителей о предоставлении фотографий и информации, обращенная к кровной семье, заверяет последних в их важности для жизни ребенка. Эта просьба может быть обращена напрямую или через посредничество агентства или учреждений, вовлеченных в передачу ребенка в приемную семью. Информация, собранная приемными или кровными родителями, может включать:

- описание этапов развития ребенка;
- информацию о детских болезнях, прививках, травмах, госпитализациях;
- как ребенок проявлял привязанность к взрослым;
- как вел себя, когда был чему-то рад, как проявлял эмоциональный отклик;
- что его пугало;
- любимые друзья, времяпрепровождение, игрушки;
- празднования дней рождения и религиозных или семейных праздников;
- поездки;
- члены расширенной семьи, значимые для ребенка;
- забавные поступки, особенности поведения ребенка;
- прозвища;
- домашние животные;
- визиты к кровным родственникам;
- имена школьных учителей, названия школ;

- табель успеваемости;
- хобби;
- отношение к религии;
- фотографии всех приемных семей, где жил ребенок, их домов, их домашних животных.

Каким образом?

Не существует правильных или ошибочных способов создания «Книги жизни». Как уникальны каждый ребенок и его личная история, так же неповторима всякая «Книга жизни». Некоторые дети предпочитают начинать с самого начала, со своего рождения или даже с предшествующих этому событий, включая, например, знакомство их кровных родителей. Другие охотнее начинают с настоящего момента, говоря о семье, в которой живут, школе, друзьях, предпочтениях и неприятностях. Порой дети начинают и с разговора о планах на будущее. В каждом из этих подходов есть свои преимущества.

Для создания Книги можно использовать фотоальбом с магнитными страницами или альбомы для рисования, большие тетради с плотными листами. Некоторые клеивают фотокопированные или напечатанные листы, которые надо потом заполнять.

Когда ребенок отказывается активно участвовать в создании своей «Книги жизни», взрослым приходится быть более креативными. Можно поехать к важным местам из жизни ребенка и сделать их фотографии: окрестности тех мест, где он жил, роддом, где родился ребенок, или здание суда, где принималось то или иное жизненно важное решение для ребенка. Это лишь отдельные примеры.

Если у взрослых нет полной информации, что случается довольно часто, все равно возможно поддерживать интерес ребенка к его истории, способствуя его попыткам исследовать этот вопрос и рассуждать. Когда высказывания ребенка содержат предположения, например, «кажется, будто моя кровная мама все-таки не любила меня так, как мою сестру», то взрослый может отреагировать следующим образом: «Это возможно. Некоторым родителям трудно одина-

ково любить всех своих детей. У меня нет никакой информации о том, как это было в вашей семье. Как ты думаешь, какие еще причины могли помешать тебе и твоим родителям жить вместе?» Такой ответ предполагает гипотетическое исследование многообразных причин, из-за которых могут возникать проблемы в семье, мешающие ребенку там остаться, что развивает мышление ребенка и его способность рассуждать.

Применение соответственно возрасту

до 4 лет Родители могут использовать «Книгу жизни» приемного ребенка как расширенный вариант альбома истории жизни младенца. Глядя на фотографии, говоря о своем первом впечатлении при виде ребеночка или обсуждая первую встречу с кровными родителями, если это имело место.

Рассказ о фактах из личной истории ребенка в этом возрасте предпочтительнее, чем «чтение» «Книги жизни». Так как маленьких детей скорее может сбивать с толку упоминание второй мамы или второго папы, с которыми они не контактируют, то лучше для приемных родителей малыша называть его кровных родителей по именам. По мере взросления ребенка и понимания им связи между беременностью и рождением детей, термины «кровная мама» и «кровный папа» могут быть включены в контекст рассказа истории его жизни.

от 4 до 7 лет Дети этого возраста понимают, что в ходе тех или иных занятий с родителями они приобретают новые навыки. «Книга жизни» предоставляет возможность для ребенка учиться говорить о важных вещах или веселиться вместе с родителями и т. д. Для родителей это также полезная практика, и ребенку надо постепенно давать понять, что учиться быть ближе друг к другу – значит работать над этим всей семьей.

от 8 до 12 лет «Книга жизни» может быть способом помочь ребенку сформировать «обобщенную историю», помогающую ему

сохранять ощущение своего права на частную жизнь и контроля над своей историей. Детям нужен способ объяснения окружающим того факта, что они не живут со своей кровной семьей. «Обобщенная история» – это сокращенная, но не слишком открытая и подробная версия правды. Детям необходимо дать право вежливо отказываться предоставлять информацию чужим или малознакомым людям в ответ на личные вопросы. Они должны быть готовы спросить самих себя: «Этот человек действительно должен знать эту информацию?» Если нет, то они могут сказать: «Мне бы не хотелось говорить об этом», «Это очень личная информация» или дать ответ Энн Лендерс (Ann Landers): «Почему вы задаете мне эти вопросы?». Предоставление ребенку удобных случаев практиковать подобные ответы поможет ему в будущем не быть застигнутым врасплох.

подростки Последствия ранних детских травм или сепарации от значимых взрослых становятся более очевидными в начале подросткового периода, когда начинают повторно решаться вопросы о сепарации и индивидуализации. Психологическая задача раннего подросткового возраста очень близка той, которая решается в возрасте от одного года до пяти лет. Этот повтор – одновременно хорошая и плохая новость. Плохая новость заключается в том, что неудовлетворенные ранние потребности возвращаются и преследуют подростка в преувеличенной форме. Хорошая новость – это возможность обратиться к этим ранним потребностям и встретить их соответствующим образом, облегчая подростку жизненно важные изменения.

Хотя взрослые не могут отменить или вычеркнуть тяжелый ранний жизненный опыт ребенка, они могут помочь молодому человеку или девушке развить компенсаторные навыки (Beyer, 1990). У подростков развита способность к гипотетическим рассуждениям. Думая о будущем, они могут представить себя более взрослыми и подготовиться к тем временам, когда воспоминания о прошлых травмах могут с наибольшей вероятностью всплывать на поверхность. Они могут начать распознавать навыки, необходимые для осуществления выборов, которых могло не быть у их кровных родителей. Они могут

смотреть более реалистично на выборы, сделанные людьми, имеющими отношение к их жизни, и могут научиться брать на себя ответственность за решения, которые, в конечном счете, будут принимать они сами. Взрослые могут помочь подросткам смотреть в будущее, различая впереди те моменты жизни, когда чувства, вызванные прошлым жизненным опытом, могут отозваться болезненным эхом.

Важно научить детей способности прощать негативные события прошлого и говорить связно и логично о тех событиях, которые повлияли на их жизнь. Согласно исследованиям Рикса (Ricks, 1985) люди с таким умением, становясь родителями, смогли успешно сформировать в своих детях безопасную привязанность.

Как мы можем помочь подросткам прийти к позиции прощения? Как мы узнаем, что они ее достигли? Информация о структуре семьи, дополненная поддержкой в принятии сознательных и бессознательных выборов, поможет молодым людям двигаться вперед, уходя от трудностей своего прошлого без критики и осуждения.

Триселиотис (Triseliotis, 1983) определил *три важных* для формирования идентичности в подростковом возрасте *области жизненного опыта*.

Первая – наличие детского опыта быть нужным и любимым.

Вторая – знания о своей личной истории.

Третья – опыт восприятия ребенка со стороны других людей как достойного человека. «Книга жизни» может способствовать получению опыта, по крайней мере, в двух из трех указанных областей.